

М. АКБАЕВ

**ЗА
СЧАСТЬЕ
НАРОДНОЕ**

ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИГЕ

Советский народ под руководством Ленинской Коммунистической партии победно строит коммунизм. И с каждым годом, с каждой новой вершины, достигнутой нами, мы пытливно вглядываемся в истоки, питавшие великую борьбу за свержение эксплуататорского строя, за установление и упрочение Советской власти, за победу социализма.

У этих истоков, как и на всем нашем пути, сияет немеркнущий, вечно живой образ Владимира Ильича Ленина. И рядом с ним — железная когорта славных революционеров-ленинцев, посвятивших всю свою жизнь самой светлой и благородной цели — борьбе за счастье человечества.

Среди этих замечательных людей достойное место принадлежит известному партийному и государственному деятелю, крупному ученому Умару Джашуовичу Алиеву. О нем эта книга. Ее написал приемный сын Умара Алиева, воспитывавшийся в его семье, обязанный своему названому отцу и формированием характера, и выработкой коммунистического мировоззрения, и образованием.

Михаил Шугаибович Акбаев — член КПСС, по образованию инженер-энергетик, руководил строительством и эксплуатацией многих крупных электростанций в различных районах страны, сейчас он на пенсии.

Весь свой досуг он посвящает изучению истории, этнографии, современности Карачаево-Черкесии и, конечно, поискам материалов об Умаре Алиеве.

Эта книга — плод многолетнего труда автора — написана с большой теплотой, безграничной любовью к памяти борца за народное счастье, с полным сознанием высокой ответственности перед взыскательным читателем.

А. Коркмазов,
кандидат философских наук.

ПРИВЕТ ВАМ, ГОРЫ!

— Вот это, дорогой Николай Васильевич, и есть перевал Эпчик. Три километра без двух метров над уровнем моря. Конечно, для вас такая высота — пустячок...

— Не скромничай, Умар. Если я стал альпинистом почти в сорок лет, то ты — от рождения горный орел, как говорится. Где уж мне с тобой тягаться!.. А что, не пора ли нам сделать короткий привал?

Умар, шагавший по узкой тропе, ведя в поводу легко навьюченного коня, остановился у самого гребня перевала. Обернувшись к идущим позади двум молодым горцам, громко крикнул:

— Тохта! Стоп! Привал!

Эхо гулко отдалось в тесном ущелье и замерло где-то вдали.

Перевал представлял собою каменистую площадку — шагов десять вдоль, не более пяти поперек. Справа и слева громоздились ребристые, остrokонечные утесы, которым не было видно конца. Впереди тропа сбегала вниз, к чуть заметному ручью, и снова взбиралась, петляя, на вставшую стеной гряде однообразно-суровых каменных громад.

Спутник Умара — коренастый, светлоглазый, с неширокой щеточкой подстриженных усов, очень шедших к его загорелому, обветренному лицу, ласково потрепал шею своего коня, расслабил седельные подпруги и, достав массивные серебряные часы, открыл их крышку.

— Сколько километров от Теберды до этого перевала?

— Двенадцать, — ответил Умар.

— По ровной дороге красноармейцу с полной боевой выкладкой положено по уставу такое расстояние за три часа

пройти, а нам почти шесть потребовалось. Ничего не поделаешь — горы!

Подошли с конями двое горцев, что замыкали эту немногочисленную кавалькаду.

Лошади, за час до этого напоенные водой стремительно, седого от пены ручья, принялись пощипывать не густо растущую здесь, но сочную зеленую траву.

Расстелили две бурки. На них появились тонкие пресные лепешки, вареное баранье мясо, дразнящие аппетит свежие помидоры и огурцы.

— Билял, Али, вы почему отдельно уселись? — укоризненно проговорил Умар, обращаясь к горцам.— Живее сюда, друзья!

Тот, что постарше, Билял, переглянулся с Али и, комкая в руках мохнатую папаху, с твердой убежденностью сказал:

— Айыбды. Уллу тамада, — и еле заметно указал глазами на спутника Умара.

Умар весело рассмеялся.

— Видите, Николай Васильевич, как застенчивы наши карачаевцы. Я их зову к общему столу, а Билял робеет: «Неудобно. Большой начальник».

— Это обо мне — большой начальник? Ну, что ж, — что правда, то правда. Все-таки, Нарком юстиции.— И лицо Николая Васильевича тронула озорная улыбка. Затем он встал, подошел к Билялу и Али, обнял их за плечи и усадил рядом с Умаром. А тот священнодействовал, с какой-то особой тщательностью, даже торжественностью разливал по чашкам из бурдюка густой, похожий на кислое молоко, напиток.

— Ай да айран! Вот так айран! Сам пророк не пивал такого! — прищелкивая языком, восторгался Умар.— Хоть я и не верю в бога, но готов «помолиться» тому, кто придумал этот чудодейственный напиток. Он и питает, и прохлаждает, и лечит. Горжусь, что мой Карачай — родина айрана.

— Хорошо, Умар, делить трапезу с тобой, ты и сытого заставишь тянуться к еде, — заметил Николай Васильевич, поднося ко рту баранье ребрышко и наслаждаясь его ароматом.

— Вам, Николай Васильевич, достоверно известно, что к разряду чревоугодников я не отношусь. Но к еде, источнику сил, испытываю неподдельное уважение. Слишком часто пришлось мне голодать в детстве и в юности. У моей покойной матери я был восьмым ребенком, после меня появились еще двое. Даже теперь я удивляюсь, каким чудом удавалось нас

прокормить. Ведь все богатство семьи заключалось в корове, паре волов, да десяти—двенадцати овцах. Пахотной земли у карачаевцев не было, а пастбища наш аул арендовал на кабальных условиях у соседних князей...

Умар молча смотрел на горы. Лицо его стало задумчивым.

— Люблю горы, — горячо сказал он, — счастлив, что родился и вырос в этих величавых местах, что мне знакома здесь каждая тропка, каждая скала, каждая сосна. Даже горные потоки — так мне чудится — напевают мелодии, полюбвившиеся мне с малых лет.

Билял и Али с вниманием вслушивались в слова, которые произносил Умар. Чувствовалось, что эти горцы, одетые в домотканые бешметы и лохматые папахи, обутые в ноговицы из сыромятной кожи, плохо знают русский язык, но все же понимают, о чем ведет речь их земляк — председатель Президиума Северо-Кавказского Национального Совета.

А Николай Васильевич, опершись подбородком на ладони рук, с большой нежностью смотрел на собеседника.

Красивое мужественное лицо, удивительную белизну которого лишь чуть тронул загар; необыкновенно длинные, густые ресницы оттеняют глубину больших, светящихся горячими огоньками, черных глаз. Ворот полувоенной гимнастерки расстегнут, и видна крепкая шея. Свежий ветерок пошевеливает кольцевидные пряди мягких черных волос.

«Да, счастливое сочетание красоты физической, настоящей мужской красоты — с замечательным прекрасодушием воплотилось в этом человеке», — мысленно отметил Николай Васильевич. И вслух сказал:

— Помню, Умар, что ты ровно на десять лет моложе меня. Значит, тебе тридцать два, не так ли?

— Спасибо вам за памятьливость, Николай Васильевич. Как раз через два дня — 25 августа — мне будет ровнехонько тридцать два года. И я надеюсь, что эту веху мы скромно отметим в моем родном Картджурте. Приглашаю вас, — Умар с нарочитой торжественностью поклонился Николаю Васильевичу, — и вас, дорогие Билял и Али... Отказов не принимаю! В данном случае не имеет силы никакое возражение, если даже его попытается высказать такое высокое юридическое лицо, как Нарком юстиции Николай Васильевич Крыленко.

— Напрасно ты предполагаешь, что я могу не принять

твое любезное приглашение,— улыбнувшись, ответил Крыленко.— А знаешь, Умар, с днем 25 августа у меня связаны любопытные воспоминания. Десять лет назад, в августе семнадцатого года, когда я был так же молод, как ты сейчас,— Николай Васильевич лукаво подмигнул собеседнику,— меня, председателя армейского комитета 2-й армии Западного фронта, арестовали в Могилеве по обвинению в «государственной измене». Схватили по приказу небезызвестного тебе генерала Корнилова, которого Керенский после июльских событий в Петрограде назначил верховным главнокомандующим. Мне грозила смертная казнь, незадолго до этого введенная на фронте по настоянию того же Корнилова.

Именно 25 августа 1917 года, в одиночной камере тюрьмы, мне пришла в голову мысль сыграть в шахматы с самим собой. Я отковырнул от стены кусок штукатурки, начертил им на бетонном полу подобие шахматной доски, из хлебного мякиша вылепил довольно приемлемые фигуры — и стал играть один за двоих. Поначалу было трудно с одинаковым усердием отстаивать интересы обеих сторон, но уже на второй день я не делал никаких уступок ни «белым», ни «черным». Вскоре, в сентябре, я поменялся местами с Корниловым — он оказался в тюрьме, а я стал верховным главнокомандующим.

К тюремному методу игры в шахматы я уже не возвращался, но думаю, что именно в те дни стал «серьезным» шахматистом. Кстати, Умар, мы играли с тобой, как мне помнится, в последний раз целых два года назад. Фортуна была неблагоприятной к тебе. Не разжигает ли твою горячую кавказскую кровь жажда возмездия? Шахматы, как всегда и всюду, со мной. — Крыленко указал рукой на рюкзак.

— Играть с таким серьезным шахматистом я способен лишь в серьезной обстановке, — я имею в виду уютную комнату, горячий чай и — каюсь, но это моя слабость — чтобы шахматы стояли на удобном красивом столике...

— Скажи прямо, что ты боишься сразиться со мной, — весело засмеялся Николай Васильевич.

— Наоборот, я горжусь честью быть вашим партнером, с благодарностью учусь у вас, но нам пора продолжать путь. Мы должны успеть в Картджурт до наступления темноты.

— Сейчас только полдень, — заметил Крыленко, — к вечеру успеем даже черепашиным шагом добраться до твоего родного аула.

— По этому поводу, Николай Васильевич, я вспомнил бес-

смертного Саади. Поэт повествует: «Однажды, надеясь, по молодости, на силы свои, я шел очень быстро по трудной дорожке и на заре у подножия одного холма изнемог. Изнуренный старик, шедший за караваном, молвил мне: «Почему ты лежишь? Встань. Здесь не место для дремы». Я ответил ему: «Как пойду я? Ноги мои не идут». И ответил старик: «А ведь нам не нова одна поговорка. Припомни ее слова: «Лучше идти присаживаясь в пути, чем бежать, а потом лежать...»

ТАМ, ГДЕ КУБАНЬ БЕРЕТ НАЧАЛО

Было около шести часов вечера, когда наши путники, передвигаясь то верхом, то ведя коней в поводу, вышли на гребень узкого хребта и внизу, глубоко под собою, увидели бурную Кубань, нарастающий шум которой слышался им уже давно. За неширокой лентой клокочущей реки, на пологом берегу, раскинулись строения большого аула, взбегавшие по не слишком крутому горному склону.

— Учкулан! — тепло произнес Умар. — Здесь я проводил впервые Чрезвычайный съезд карачаевского народа.

Белую войлочную шляпу Умар держал в левой руке. Прохладный ветерок овеивал его лицо, трепал густые волосы.

— Что-то совсем не видно людей, — удивился Крыленко.

— Сенокос ведь. Скот — основное богатство Карачая. Правда, в последние годы стали выращивать хлеб, но делать это здесь невероятно трудно. Посевы страдают от заморозков, а затем от сильных иссушающих ветров.

— Что это за каменные заборы за аулом?

— Вот там и находятся поля учкуланцев. Эти заборы надо не только соорудить, но и постоянно ремонтировать, а без них не обойдешься. Они преграждают путь падающим камням, умеряют прыть несущихся по склонам потоков, сдерживают оползни. Трудолюбивый карачаевец должен терпеливо убирать с поля скопляющиеся камни, дважды пахать землю весной, усиленно удобрять ее и поливать... Я не утомил вас, Николай Васильевич, своим длинным рассказом?

— Нет, нет, напротив. Быть гостем здешних мест и не знать о главном: о труде и заботах их хозяев — это неуважение к ним. К тому же, я задумал написать исследование о

происхождении юридических и обрядовых норм у горцев Северного Кавказа, о происхождении шариата. А ведь эти нормы многими своими корнями упираются именно в труд, в быт. Я собрал уже много интересного материала по Кавказу, а в будущем году продолжу эту работу в Средней Азии, в Таджикистане.

— Вы собираетесь в Таджикистан?

— Да, Умар. Как тебе известно, руководство альпинизмом и туризмом в нашей стране сейчас осуществляет общество «Советский турист». Но оно ставит перед собой чисто коммерческие цели, не учитывая того, что в Советской стране альпинизм — спорт сильных — должен быть массовым, позволяющим не только закалять нашу молодежь, но и способствовать большой исследовательской работе, изучению труднодоступных горных районов, важным открытиям.

По моей инициативе подготовлен проект создания новой организации — «Общества пролетарского туризма». ЦК партии одобрил этот проект и прочит меня в председатели общества. В будущем году намечено провести целую серию высотных восхождений на Памир, которого мы почти совсем не знаем. Так что весь свой отпуск в будущем году я хочу провести там... И, конечно, кроме альпинистских дел, займусь сбором материалов по истории, этнографии таджиков... Однако, я отвлек тебя. Ты сказал, что здесь сейчас пора сенокоса...

— Да. Почти все взрослое население сейчас на сенокосных угодиях — «Кышлыкля». Расположены они на южных склонах хребтов. Начиная с июля люди, вместе с рабочим скотом, перебираются с летних пастбищ на покосные земли, туда же отправляют и часть молочных коров — косарям ведь надо есть. Очень своеобразна картина перекочевки карачаевцев с пастбища в аул. Весь скарб и продукты увязывают и грузят на выносливые спины лошадей и ослов. Всякое свободное место заполняется поленьями дров, так как дома их нет. Детские колыбели также привязывают на спины ослов, ну а малышей чаще перенесут сами матери.

— Выходит, что в определенное время вся семья карачаевца живет вдали от дома, от своего аула?

— Конечно. Зимой, например, вся жизнь скотовода-горца сосредоточена в зимних кошах. Горы занесены снегом, а пригравы южных склонов, на которых расположены коши, покрыты травой. С наступлением же весны, в марте — апреле, скотоводу необходимо сниматься с зимней стоянки и перебираться

ся на летние пастбища, порою на довольно далекое расстояние. Сено карачаевец дает только дойным коровам и слабым животным, а более сильная и хорошо упитанная часть скота остается всю зиму на подножном корме.

— Словом, жизнь твоего народа не очень весела. Приходится лишь поражаться, как сумел он сохранить в своей душе жизнелюбие. Сколько огня, задора и, вместе с тем, нежности и целомудрия в танцах и песнях, которыми порадовали нас вчера в Теберде!

— Николай Васильевич, а разве там, где родились вы, народу жилось легче? Вот вы стали большевиком еще в 1904 году. Ради чего? Не ради ли того, чтобы в ваших местах, в моих местах, во всей России, на всей планете люди жили жизнью людей, а не скотов?

Крыленко молчал. Наверно, в эти минуты перед его мысленным взором проплывало пережитое: изнуренные лица и страдальческие глаза российских горемычных крестьян, бурные дни Первой русской революции, камеры тюрем и окрики жандармов, эмиграция и встречи с Лениным, фронт, великое зарево Октябрьской победы...

— Ради этого, как и ты, Умар. Ради этого...

— Ну, я встал на этот путь гораздо позже.

— А разве ты повинен, Умар, в том, что родился на десять лет позже меня? — рассмеялся Крыленко. — Мы делаем одно дело, и незачем считать, кто сделал больше, кто меньше. Главное: сознавать, что твой труд приносит плоды...

— Много, очень много надо еще потрудиться, чтобы люди стали счастливы. Но большевики уже свершили самое великое: вернули трудовому народу его исконное, законное право самому владеть своей судьбой...

— А знаешь, Умар, ведь Ленин в последние годы жизни намеревался пожить на Кавказе, был уверен, что здесь поправит свое здоровье. По этому вопросу он переписывался с Серго, просил, чтобы Орджоникидзе подобрал такой уголок, где бы не было противопоказаний для здоровья Надежды Константиновны. Предполагалось, что здесь, на Кавказе, Ильич будет вверен работам Симона Аршаковича Тер-Петросяна, славного Камо... Кто думал о том, что в январе на нас обрушится такое горе!

Крыленко положил руку на плечо Умара, задумчиво глядевшего вдаль. Было тихо, и даже ветер не нарушал этой тишины...

В горах Кавказа вести распространяются с удивительной быстротой. Они опережают путников. Наши знакомые еще были в пути, а известие о них уже стало достоянием учкуланцев, и все, кто оставался в ауле в пору сенокоса, взволнованно ожидали встречи с гостями.

— Наш Умар направляется в родной Картджурт! — слышалось повсюду.

— Почему в Картджурт? Разве Учкулан — чужой для Умара? — поправлял говорившего седобородый старик, сохранивший юношескую статью и гордую осанку. — Для Умара Алиева одинаково родные все аулы Карачая.

Навстречу гостям были посланы два всадника, а когда кавалькада показалась на противоположном берегу Кубани, все жители, от мала до велика, высыпали на каменистый плес.

Вскоре Умар и Николай Васильевич оказались в плотном кольце радостно возбужденных людей. Коней, как положено по неписаным законам гостеприимства, взяли под свою опеку молодые парни, спустившиеся с ближнего горного луга.

На просторной веранде дома, где помещался аульский Совет, уже был накрыт стол. Женщины и девушки наперебой приглашали гостей отведать именно то кушанье, которое приготовлено их руками. Умар тактично, чтобы не обидеть радушных хозяев, пытался отказаться от обильной еды, говорил, что ужинать они будут в конечном пункте своего пути, в Картджурте, но учкуланцы и слышать об этом не желали.

— Уважаемые земляки, — почти умоляюще, прижимая ладони к груди, говорил Умар, — посудите сами, как мы сможем оправдаться перед картджуртцами, когда нас, насытившихся до предела здесь, станут усаживать за трапезу там? Не сумеем мы оправдаться, и не будет нам снисхождения. Мы, конечно, воздадим должную честь вашему угощению, но нам просто совестно, что оно столь обильно, что уделили нам так много заботы и внимания.

Вперед выступил осанистый седобородый старик.

— Умар, я ведь знаю тебя еще с тех пор, когда твой возраст исчислялся не годами, а днями. Прав я?

— Прав, Сафар-акка, — подтвердил Алиев.

— Я был и остаюсь другом и побратимом твоего покойного отца. Прав я?

— Спасибо тебе за память об отце, Сафар-акка!

— Так вот, давай рассудим справедливо, чтобы не было обидно ни нам, учкуланцам, ни картджуртцам. В Карт-

джурте ты будешь, наверно, не один день и уже этим окажешь уважение соседнему аулу. А нас порадуй неторопливым пребыванием за сим скромным столом...

Упоминание о скромности угощения вызвало улыбки на лицах гостей. Николаю Васильевичу, не понимавшему карачаевского языка, Умар перевел слова старика, и Крыленко, обведя взглядом стол, уставленный яствами, невольно рассмеялся.

Подшли девушки с легкими, длинноносими кумганами, наполненными водой, помогли гостям умыться и затем подали им широкие, ярко расшитые по краям полотенца...

Уже темнело, когда ужин подошел к концу. Надо было торопиться: хотя Картджурт рядом, но все-таки пора в путь. Умар знал, что там их давно ожидают. Но проявлять торопливость было бы верхом невежливости. Тем более, он чувствовал, что учкуланцев интересуют новости, хочется задать волнующие их вопросы. И действительно, когда после ужина гости вновь вымыли руки, Сафар-акка первым обратился к Умару:

— Умар, сын мой, о твоих больших делах в Карачае знает каждый. Известно также имя твоего старшего друга, пожаловавшего к нам в добрый час.— Старик почтительно, но с достоинством поклонился Николаю Васильевичу. Тот встал и склонился в ответном поклоне.— Мы верим тебе и твоему спутнику не меньше, а, может быть, больше, чем самим себе. Наши глаза не слепы, но они не видят дальше этих гор. Среди нас нет глупых людей, но наши головы не умудрены теми великими знаниями, которыми владеете вы. Нам известно, что вы бывали рядом с Лениным, говорили с ним, как я с вами говорю в нынешний благословенный вечер. Уже четвертое лето не бьется богатейское сердце Ленина, но свет, зажженный им, озаряет наши дни. Небесное солнце встает за ледяным Минги Тау и садится далеко за Кубанью, как оно село час назад. Но солнце ленинской мудрости и любви к людям светит нам всегда...

Умар, поддаваясь обаянию поэтической речи старика, весь превратился в слух и не сразу спохватился, чтобы переводить эти вдохновенные слова Николаю Васильевичу.

— В народе говорят,— продолжал седобородый Сафар,— что Ленин оставил большую книгу, в которой им написана будущая судьба русских и карачаевцев, всех народов, живущих на земле. Говорят, что в этой книге он подробно учит своих помощников, какими путями привести людей к настоящему счастью. Читали ли вы эту книгу? Что сказано в ней о нашем Карачае, о нашем Учкулане?

Одобрительный шёлот послышался среди горцев, плотной массой сидевших и стоявших перед террасой аульского Совета. Затем наступила напряженная пауза.

— Да, есть такая книга! — сказал Умар Алиев.

Воздух словно качнулся от радостного вздоха собравшихся.

— Правду говорят в народе, есть такая книга, — продолжал Алиев. — И не одна. Ленин написал десятки мудрых книг. По ним трудовой народ боролся против царя, против горских князей и биев. Эти книги помогли завоевать и укрепить Советскую власть. Руководствуясь ими, наследники дела Ленина — большевики, все люди труда строят новую жизнь... Труды вождя вы скоро сами сможете читать на родном карачаевском языке. Но гораздо быстрее прочтет их тот, кто овладеет русским языком, на котором говорят наши старшие братья — русские рабочие и крестьяне, на котором говорил и писал бессмертный Ленин. В этих книгах — большая мудрость жизни, наше прошлое, настоящее и будущее...

В первом ряду сидящих порывисто встал мальчик лет десяти—одиннадцати. Он высоко над головою поднял какую-то книгу.

— Уважаемый учитель! Я много раз прочитал вот эту книжку. Это карачаевский букварь, который написан тобою. Вот: «Умар Алиев. Джангы карачай элибле». Одна небольшая книжка, а отец, мать и все вокруг говорят, что я стал вдвое умнее от дружбы с нею. А если прочесть несколько десятков книг! И каких! Написанных самим Лениным!..

По строго соблюдавшемуся в горах этикету мальчик не смел вторгаться в разговор взрослых. Но люди, увлеченные важностью и торжественностью происходящего, даже не обратили на это внимания. Наоборот, послышались одобрительные возгласы.

Умар выждал, пока наступит тишина.

— Я завидую вот этим малышам, — Алиев указал ладонью на сидевших и стоявших впереди детишек, — если мы — свидетели рождения новой жизни, укладываемые первые кирпичи в основание замечательного здания, где человек будет радостен и счастлив, то они, — Умар вновь указал на детей, — будут, наверно, одними из первых жильцов этого здания.

Но для того, чтобы здание, имя которому — коммунизм, было построено надежно, надо очень многое сделать. Карачаевский народ всегда славился своим трудолюбием, под благодатным солнцем свободной жизни это трудолюбие приносит щедрые плоды. Но есть еще одна задача, без разрешения которой нам не прийти к желанной вершине: надо освободиться от про-

клятого ярма бескультурья, невежества, рабского подчинения некоторым обычаям, привитым народу богачами и их верными слугами — муллами. Наш великий учитель Ленин в одном из своих последних выступлений сказал: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке». А научиться азбуке — это означает не только знать буквы и уметь читать, но и видеть жизнь с высоты полученных знаний, вымести из нее все плохое, грязное и бережно, умело растить цветы хорошего, светлого...

Умар увлекся своим рассказом. Он понимал, что уже смеркалось, слушатели устали, и бросил вопрошающий взгляд на Николая Васильевича. Но Крыленко одобряюще шепнул ему: «Говори, говори, Умар, ты погляди, с каким вниманием слушает тебя народ!»

И, словно подтверждая справедливость слов Крыленко, слышались громкие возгласы: «Слушайте, слушайте!..»

— Многие из вас до сих пор верят не ученым людям и умным книгам, а живущей в Хурзуке бабке — Бушай, которая служит для некоторых «справочным столом» по всем вопросам прошедшего, настоящего и будущего. Другие предпочитают обращаться за советами в Картджурт, к Марьям-хаджи. Этот шаман-знахарь, как и хурзукская гадалщица, живет не трудясь, припеваючи, обирая вас именем аллаха. Разве это не позорное пятно прошлого? Возьмем другое. Очень приятно видеть, что сегодня здесь присутствуют и женщины, наравне с мужчинами. Но не будем утаивать правду: еще многие считают, что мужу неприлично показаться с женою вне своего дома...

Некоторые отцы до сих пор считают неприличным ласкать своих детей в присутствии посторонних. В угоду глупому обычаю они подавляют в себе прекрасное естественное чувство, считая, что родительская нежность недостойна мужчины.

К женщине — матери, жене, верной подруге — многие из вас относятся далеко не так, как она заслуживает. Еще и сейчас в Карачае можно увидеть такую картину: муж важно едет верхом, а его жена, запыхавшись, идет рядом с лошадыю, держась за стремя. Вот, Николай Васильевич, мой старший друг и ваш дорогой гость, по дороге сюда около Теберды попробовал оставить такую странную процессию и пристыдить мужа. В ответ он получил полный недоумения взгляд и горделивое «пояснение», что таков адат, и только ему, иноплеменнику, простительно задавать такой бестактный, невежливый вопрос...

В толпе кто-то хихикнул, на несдержанного весельчака за-

шикали, кое-где загорелась перепалка спора, но Умар сразу погасил ее, продолжив изложение начатой мысли.

— Женщина-карачаевка не только ухаживает за детьми, но и до сих пор выполняет самую тяжелую работу в хозяйстве: сгребание сена, молотьбу. На кошах она носит издалека воду, делает кизяки, занимается изготовлением войлока и сукна. В присутствии мужчины женщина не может сидеть за одним столом, при распределении наследства две сестры приравнены к одному брату. А каково положение невесток в семьях! До первых родов они не имеют права говорить со старшими в доме. Молодая жена никого, даже своего мужа, не смеет называть по имени. Нежный или просто теплый взгляд супругов друг на друга при посторонних считается верхом неприличия.

Эти омерзительные пережитки перекочевали в нашу сегодняшнюю жизнь из мрака прошлого. И им надо объявить решительный бой. Мы, мужчины, должны понимать, что рука об руку с женщинами вдвое легче строить то, к чему все стремимся...

И еще об одном. Я упомянул о позорных оковах невежества. Некоторые из вас покорно несут их на себе, тяготясь ими, но не осмеливаясь освободиться от них.

Должен вам сказать, что по точным расчетам ученых ровно через два месяца произойдет затмение Луны. Будет это в результате того, что Луну полностью закроет тень нашей планеты — Земли. Среди вас есть люди, знающие об этом, понимающие данное явление. Но в то же время в головах многих карачаевцев еще живет нелепое представление о затмении Луны.

До сих пор многие относятся с суеверным страхом и почтением к метелям, снежным лавинам, к буре, грому. Не секрет ведь, что молнии, почитаемой как божество «чоппа», и теперь еще приносят жертвы: серых козлят, тщательно откормленных перед заклинанием.

Я назвал далеко не все пережитки и суеверия, которые мешают нам жить. Избавиться от них нелегко, но сделать это нужно обязательно.

Целью всей жизни Ленина являлось служение народу. Большевики, члены Коммунистической партии гордятся тем, что идут по ленинскому пути и борются во имя блага трудового народа, во имя достойной человека жизни в Учкулане, в Карачае, в России, на всей Земле...

Умар взглянул на часы. Время перевалило за десять. Он тихононько сказал Николаю Васильевичу: «Не остаться ли нам но-

чевать здесь?» Крыленко согласно кивнул головой: «Конечно, даже неудобно беспокоить картджуртцев столь поздним визитом».

И, словно угадав тему разговора гостей, дедушка Сафар неожиданно громко для его возраста сказал:

— В моем доме для вас уже приготовлены постели, и если дорогих гостей одолевает усталость...

ТЕПЛО ОТЧЕГО ДОМА

Восхитительно раннее утро в горных ущельях Карачая! Молчаливо любуясь девственной красотой суровых гор, слушая голоса невидимых веселых птиц, которые не мог заглушить даже могучий рев неукротимых вод Кубани, жадно, с наслаждением вдыхая напоенный ароматом хвои свежий воздух, Крыленко и Алиев, сопровождаемые Али и Билялом, ехали верхом по каменистой дороге, извивающейся вдоль реки.

Они отъехали от Учкулана километра два — столько же оставалось до Картджурта — когда на дороге показался всадник. Он резко осадил прекрасную белую лошадь метрах в двухстах от наших путников. Луч солнца, пробившийся меж зубцов идущей к северу гряды гор, ярко и броско лег на верхового с конем. С мастью лошади изумительно гармонировал белый цвет папахи и черкески, вспыхнуло на солнце серебро кинжала и наборного кавказского пояса. Но это было лишь на мгновение. Всадник так же резко повернул коня и быстрым наметом поскакал к Картджурту.

Крыленко и Умар переглянулись. Они поняли, что посланный из аула гонец помчался оповестить картджуртцев о приближении тех, кого ожидали еще вчера вечером...

На окраине жула гостей встречала, несмотря на ранний час, огромная толпа жителей. Женщины были одеты в праздничные платья — большинство достало из сундуков национальные костюмы. На многих мужчинах — черкески, но заметно выделялись молодые парни и пожилые люди, одетые в гимнастерки военного покроя, перепоясанные широкими ремнями, брюки-галифе, сапоги.

При приближении четырех всадников толпа как бы разделилась надвое, образовав в середине широкий проход.

Не доехав метров пятьдесят до встречающих, Умар, Билял и Али, по старинному обычаю, слезли с коней и повели их в поводу. То же сделал и Николай Васильевич.

Из толпы выбежало несколько подростков. Они взяли лошадей под уздцы и увели.

А Умар уже горячо обнялся с рослым, плотным горцем — в легком коричневом бешмете поверх белой кавказской рубахи с высоким воротником. Потом он подошел вдвоем с этим горцем к Крыленко.

— Знакомьтесь, Николай Васильевич, это мой старший брат и, можно сказать, первый наставник и воспитатель в детстве — Таубий.

Таубий широко улыбнулся, обнажив великолепные, белоснежные зубы и, порывисто подавая руку русскому гостю, сказал с заметным акцентом:

— Какой там воспитатель, какой наставник! Просто я был первой нянькой Умара. Я на пять лет старше, чем он. Когда Умару было год — полтора, я иногда даже пытался брать его на руки. Однажды это кончилось тем, что я уронил братишку в чыккыр — кадушку, наполненную айраном, оказавшуюся, как на грех, открытой. Если бы поблизости не оказался наш самый старший брат Исмаил, прибежавший на мой панический крик, то конец этой истории был бы весьма печален.

И Таубий опять широко улыбнулся.

— Теперь мне понятно, — пошутил Крыленко, — почему Умар так любит айран, что готов в нем купаться: он уже ребенком испытал всю прелесть этого удовольствия.

— Меня все аульские мальчишки дразнили, называя «айрансабийчик — айранный мальчик», — усмехнулся Умар.

К гостям подходили, проталкивались люди, жали руки, задавали традиционные вопросы, полагающиеся при встрече. К старикам Умар подходил сам и, называя каждого по имени, тепло говорил о том, что рад видеть здоровым и бодрым почтенного старца. Приветливо здоровался с женщинами.

Так, оживленно беседуя, они пришли к дому, в котором жили Алиевы.

— В этом доме тридцать два года назад я родился, — громко произнес Умар.

Правильнее было бы назвать этот дом хижиной. Почти у самого крутого, лишенного растительности обрыва горы стояло глубоко вросшее в землю, длинное, по виду очень старое строение, стены которого были сложены из толстых сосновых бре-

вен, едва-едва отесанных. На стенах покоилась двускатная крыша, очень низкая, покрытая толстым слоем земли, буйно поросшей густой травой. Между крышей и землей, в стене дома зияли два малюсеньких окошечка, походивших на крепостные бойницы, амбразуры. Внутри дома вела глухая, массивная деревянная дверь.

Весь облик этого жилища говорил о вековой нужде и заботности простых карачаевцев — детей затерянного в горных ущельях скотоводческого народа. Даже лачуга бедняка где-нибудь в Орловской или Калужской губернии, даже хата самого обездоленного бобыля на Полтавщине или Волыни могла показаться хоромами в сравнении с этим обиталищем горца.

Таубий, заметив пристальное внимание Крыленко к дому, где родился Умар, где предстояло остановиться гостям, сказал:

— Не слишком роскошное жилище, не правда ли? Сам я с семьей уже три года живу в другом доме, но этот — наше родовое гнездо, к нему мы относимся с вполне понятным благоговением. И Умар писал мне из Ростова, что на пару дней, которые вы проведете в нашем ауле, он хотел бы иметь приютом именно этот дом.

Крыленко понимающе кивнул головой.

Брата решил дополнить Умар:

— Мне ведь, Николай Васильевич, известен ваш неутоимый интерес ко всему, что относится к истории, быту, нравам разных народов нашей страны. Как-то вы мне сказали, что, не изучив прошлого народа, нельзя плодотворно строить его будущее. Думаю, что даже кратковременное пребывание в этом жилище даст вам много ярких и интересных впечатлений о горькой былой доле карачаевцев. В доме сохранено все так, как было в старину. Мы будем находиться в боковой пристройке — так сказал мне Таубий, там все приготовлено. А вы, Николай Васильевич, можете ознакомиться с убранством «гостиной» этого «дворца».

Крыленко и Алиев стояли посреди обширной комнаты с земляным полом. Здесь царил полумрак. Свет проникал только из крошечного окошка — амбразуры и через широкую трубу над очагом. Освоившись с этим необычным освещением, Крыленко слушал Умара, рассказывающего о назначении предметов, находившихся в помещении.

Бревенчатые стены и крыша (потолок отсутствовал) были прокопчены дымом очага. Указывая рукой на грубо обработан-

ные бревна, Умар пояснил, что лишь двадцать — тридцать лет назад карачаевцы познакомились с пилой, рубанком, долотом и другими плотницкими инструментами.

Вдоль стен углом шел деревянный настил — Умар назвал его «орундук», — служивший кроватями и диванами. В неказистом открытом шкафчике находилась посуда: деревянные «копи» — чашечки для еды, «кашик» — ложки, «чолпу» — половники, подносы для хлеба и мяса. На широкой скамье стояли медные тазы, несколько медных кумганов — кувшинов с длинными узкими горлышками для умывания. У стен занимали место большие кадушки для сыра и молока, массивный сундук, обитый железными полосами, «чепкенагач» — ткацкий станок, внушительных размеров ступа для толчения поджаренного ячменя.

Посреди комнаты — очаг. На перекладине над ним железная цепь — «сынджыр» с крючком для подвешивания котла.

— Вот мир моего детства, — с грустной улыбкой промолвил Умар. — В этих прокопченных стенах всегда жила бедность, которая не ощущалась явственно лишь потому, что не с чем было сравнивать. Так жили все картджуртцы, кроме баев да нескольких состоятельных аульчан, занимавшихся ростовщичеством, торговлей, — в их богатые дома нам вход был заказан...

Крыленко и Умар принялись за бритье, причем Николаю Васильевичу Таубий предложил пользоваться старинным зеркалом, хранившимся в доме. Круглое, толстое стекло было вставлено в массивную рамку из серебра, украшенную искусной чернью.

— Это зеркало, — пояснил Таубий, — принадлежало нашему брату Шаухалу, убитому шесть лет назад белобандитами. Шаухал был моложе меня и Умара. Ему в нынешнем году исполнилось бы тридцать лет.

Завтракать было рано — в этом сходилась привычка и Николая Васильевича и Умара, — они довольствовались пока холодным айраном.

А с улицы уже доносился, все приближаясь и становясь громче, наигрыш гармошки. Мерно отбивая четкий ритм протяжной напевной мелодии, стучал барабан — даурбаз.

Николай Васильевич и Умар вышли на улицу.

К дому, у дверей которого они стояли, подходила нарядно одетая в национальные костюмы процессия аульской молодежи. Впереди шла девушка, игравшая на гармошке, ярко украшен-

ной узорчатым перламутром. Вишневого цвета бешмет из тяжелого, плотного шелка или атласа сверкал серебряным шитьем. Неширокий, шитый золотистым узором пояс с красивой пряжкой туго стягивал талию, подчеркивая легкую стройность молодой музыкантши. Голову ее венчала островерхая шапочка, обшитая параллельными полосами позументов.

Такие же торжественные разных цветов наряды были и на других девушках. Движения ног скрывала длинная одежда, и поэтому казалось, что юные горянки спокойно и величаво плывут, еле-еле касаясь земли.

Почти все парни были в черкесках — серых, белых, черных, коричневых, алых. Блестела на солнце затейливая отделка кинжалов и газырей.

Трое парней шли впереди, рядом с девушкой-гармонисткой. Один бил ладонями в дауурбаз, второй играл на инструменте, отдаленно напоминающем балалайку, третий выводил мелодию, приставив к губам длинную дудку.

Воспользовавшись тем, что процессия еще не подошла близко, Крыленко, приятно удивленный ее красочностью, решил спросить, что это за инструменты. Взглянув на Умара, он увидел в его глазах такое море радости и восхищения, какое затопляет душу человека лишь при долгожданной встрече с самым дорогим и заветным. И не осмелился Николай Васильевич нарушить эту тихую восторженность друга. Но Умар сам прервал молчание.

— Вас, Николай Васильевич, — я чувствую это — заинтересовали наши национальные музыкальные инструменты. Гармошка и барабан вам знакомы. Скажу лишь, что гармошка позаимствована карачаевцами у русских, она становится все более популярной. Играют на ней, почти как правило, женщины. В Карачае гармошку называют «кол-кобуз» — ручная музыка.

А вот эта дудка именуется «сыбызгы», она сделана из ружейного ствола. Раньше сыбызгы мастерили из стеблей разных растений, но из ружья получается прочнее и звонче. Двухструнное подобие балалайки — «кыл-кобуз», по которому водят смычком, стал в Карачае довольно редким инструментом, немногие умеют на нем играть. Его сейчас вытесняет трехструнный инструмент без смычка, называемый в народе «каккан-кобуз».

Крыленко с благодарностью сжал руку Умара выше кисти...

Тем временем аульская молодежь под звуки музыки приблизилась к дому. Парни и девушки образовали круг. Музыка на

какое-то мгновение умолкла, а затем полился стройный напев, по характеру которого, еще до вступления поющих голосов, можно было догадаться, что исполняется величальная песня, здравица в честь дорогих гостей.

Сразу же после величальной песни молодежь еще более расширила круг. Грянул огненный ритм лезгинки. Заискрилась яркими переливами мелодия. Вихрем вылетели на простор лихие танцоры.

Крыленко много раз приходилось видеть этот танец: на студенческих вечеринках и в камере пересыльной тюрьмы, на благотворительных балах и на сценах провинциального театра. Примесь наигранности, неестественности почти всегда накладывала слащаво-фальшивый отпечаток на исполнение этого древнего и вечно юного танца. Лишь один раз лезгинка поразила, захватила своей первозданной красотой и подлинной народностью, неумемной буйностью и неподражаемой пластичностью. Это было летом 1917 года, когда Николай Васильевич, председатель армейского комитета на фронте, приехал как-то в одну из частей. Неудержимая пляска под стремительный ритм горской музыки выливалась в бурный вихрь, но это было не беспорядочное буйство стихии, а страстная поэма человеческой души, уложенная в четкие нормы мелодии танца.

И вот сейчас Крыленко вторично видел такое же одухотворенное чудо, испытывал тот же наплыв чувств. Он изо всех сил хлопал в ладоши вместе со всеми, отбивая такт стремительной мелодии.

А Умар... Он, впитавший в себя вместе с молоком матери этот мотив, многообразный в оттенках мелодии, но сцементированный традиционным ритмом, в эти минуты был самым счастливым человеком на свете. Безотчетно в его сознании вставало бессловесное сопоставление: тогда, во время его детства и юности песни и танец, если они были веселы, уводили горца от горькой действительности; теперь — они воедино сливались с радостным мироощущением еще недавно бедного пастушеского народа, осознавшего себя хозяином своей судьбы и верящего, что эта судьба устремилась в высокий и дерзновенный полет к таким вершинам, перед величием которых покорно никнет Минги Тау. Умар испытывал счастье оттого, что оно вливалось в него из сотен глаз веселящейся молодежи, из сотен сердец земляков, пришедших отдать дань уважения ему и Крыленко — не за богатство, знатность, а за то, что они олицетворяли великую силу, которая сорвала путы с крыльев народной судьбы...

КОРНИ ДЕРЕВЬЕВ ПИТАЕТ ЗЕМЛЯ

— Значит, Умар, завтра мы отпразднуем твой день рождения! — с подъемом произнес Крыленко.

Вечерело. Друзья наслаждались ласковой прохладой августовских сумерек, вытянувшись на широкой войлочной подстилке, развернутой неподалеку от дома.

— О тебе, Умар, я знаю все, или почти все, как, впрочем, и ты обо мне. А вот о твоём народе, стыдно сказать, знаю ничтожно мало. Насколько мне известно, карачаевцы поселились в этих местах лет шестьсот назад. Расскажи мне об этом подробнее. Конечно, если это тебя не утомит.

— Николай Васильевич, замечательный мой Крыленко! Да разве может утомить то, что питает плоть и душу мою, что для меня — источник вдохновения, предмет моих, увы, пока что далеко не завершённых трудов?..

И, немного помедлив, как бы собираясь с мыслями, Умар начал рассказ.

— Вопрос о происхождении и истории народов очень сложный сам по себе. Ученые многих смежных специальностей десятками лет работают над этими проблемами, проводят археологические раскопки и антропологические измерения, изучают язык, фольклор, культуру, быт, хозяйственную деятельность, письменные источники и т. д., но и этого оказывается иногда мало для того, чтобы дать достаточно обоснованный ответ на все возникающие вопросы. Тем более сложен вопрос о происхождении и истории горских народов Северного Кавказа, ибо пока мы располагаем небольшим количеством письменных источников о раннем периоде их истории, а археологические и другие исследования пока только начинаются. А с другой стороны, надо иметь в виду, что через Кавказ на протяжении многих веков проходило множество племен и народов. Одни из них, предприняв молниеносный набег, пронеслись, как смерч, опустошая край, причиняя неисчислимые беды коренному населению, другие задерживались здесь на многие столетия, оседали в этих местах, навязывая свою власть, язык и культуру местным племенам. Они с течением времени растворялись в массе коренного населения или ассимилировали его. В результате одни племена теряли свой язык, исчезали с исторической арены, другие зарождались, и возникали новые этнические образования, новые народности. Все это происходило в процессе длительной борьбы и войн между пришлыми завоевателями и местным населением.

Что касается истории карачаевцев, то, как и история других горских народностей Северного Кавказа, она еще недостаточно изучена. Существуют различные легенды о происхождении нашей народности, но они зачастую складывались во дворцах господствующих верхушек, верно служивших интересам тех или иных завоевателей, в частности, турецких пашей и их вассалов — крымских ханов, стремившихся прибрать к рукам богатые земли Северного Кавказа.

Ученые считают карачаевцев одной из коренных народностей Кавказа. Один известный советский языковед называет нас отюреченными кавказцами. Это не вызывает особых возражений, так как в течение многих веков здесь жили тюркоязычные племена, которые имели возможность навязать свой язык отдельным, относительно немногочисленным местным племенам. Находясь длительное время в сфере влияния или непосредственно в составе государственных образований тюркоязычных племен, отдельные племена или уцелевшие их остатки вполне могли подвергнуться языковому воздействию завоевателей, перенять их язык.

По всем данным, наши предки жили в бассейне реки Кубани (по Лабе, в Архызе, Теберде и в верховьях самой Кубани) и в первом тысячелетии новой эры входили в состав Аланского царства. Нашествие монголов в начале XIII века и разгром аланов и кипчаков привели к небывалому опустошению края. Многие погибли, села и города были разграблены и разорены дотла. Разрозненные остатки местного населения укрылись в горах, отдельные группы нашли убежище в Закавказье. После ухода монгольских отрядов люди постепенно стали собираться вместе, некоторые из них возвращались на свои места, начинали снова обживать разоренный отчий край. Наши предки в этот период обосновались в предгорьях центральной части Северного Кавказа, в бассейне реки Терек. Некоторые элементы топонимики этого края могут быть расшифрованы только на основе нашего языка. Например, название реки Терек — «Терк», что значит «быстрая», «быстро текущая река»; «Ачалуки» (ацылык, ачылык) — кислая (нарзан) и т. д.

Но пришла новая беда — нашествие полчищ Тимура. Оно принесло новые бедствия населению Северного Кавказа. В памяти карачаевского народа сохранилось воспоминание об этом страшном периоде. Старики говорят: «Цветущий город Маджары был разрушен асхак Темиром» («хромым Тимуром»).

Снова пришлось уходить в горы, в район нынешней Балкарии, в глубокие ущелья северо-восточнее Эльбруса, в верховья

рек Баксан, Чегем, Черек. Очевидно, некоторым группам бежавших пришлось и на этот раз искать убежища в Закавказье. Часть из них потом возвратилась в северное Приэльбрусье, к своим сородичам. Надо полагать, что сказание о легендарном родоначальнике карачаевцев Карче, который привел сюда из Закавказья своих соплеменников во главе с Будуюном, Адурхаем, Наурузом и Трамом, является отражением подлинных событий в народной памяти.

Но и тут не нашли наши предки желанного покоя. Постоянные притеснения золотоордынских и крымских ханов и их вассалов — местных феодалов вынуждали искать новые места.

Здесь обратимся к народной памяти. Легенда повествует дальнейшие события таким образом. Однажды юноша по имени Боташ с несколькими товарищами отправился на охоту в долину Уллу Кама, к северо-западу от Эльбруса. Эта местность, совершенно необитаемая после нашествия монголов, покрытая девственными хвойными лесами и богатая дичью, очень понравилась Боташу. Охотники пробыли там около полумесяца, исходили ближайшие окрестности, а перед возвращением домой посеяли на месте своей стоянки несколько горстей ячменя. В следующем году они снова пришли туда и увидели буйно колосившийся ячмень.

Согласно легенде, народ, убежденный Боташем в привлекательности и благодатности увиденных им мест, переселился на древние свои земли в Картджурт («Старое жилище»), в верховьях Кубани. И вот здесь, где мы с вами сейчас беседуем, — Умар приподнялся, опершись на локоть, — чуть выше нынешнего Картджурта, возникло новое селение карачаевцев «Эль тебе» («Сельский курган»). Через какое-то время они спустились вниз, на берег Кубани и обосновались на развалинах старого карачаевского поселения Картджурт.

Жили карачаевцы, владея землею на основе общинного права, не имея сословного деления. Продолжался приток соплеменников из ущелий северо-восточного Приэльбрусья, но не все переселились сюда. Нынешние балкарцы — это потомки тех, кто остался там.

Население Картджурта росло, и вверх по Кубани возникли новые села Учкулан и Хурзук, а через много лет, в XVI—XVII веках, были основаны поселения по притокам Кубани — Дауту и Теберде, а позже возникли селения ниже по самой Кубани и ее притокам Маре, Джегуте и др. Селения, расположенные в верховьях собственно Кубани объединяются под одним названием — «Большой Карачай», в отличие от «Малого

Карачая» — селений, расположенных в верховьях Подкумка, Малки и ряда других.

— С удивительной последовательностью рассказываешь ты, Умар, — воскликнул Крыленко, — как будто читаешь вслух книгу.

— А я ведь и правда написал книгу о Карачае, — ответил Алиев. — В ней кратко повествуется о географическом положении и природных условиях, экономике Карачая. Теперь собираю и обрабатываю материалы для книг по истории, этнографии и языку Карачая. Работа большая, но сделать ее — одна из главных задач моей жизни.

Умар замолчал, погрузился в глубокое раздумье. Николай Васильевич не раз поражался необыкновенной способности Алиева переходить от веселой беседы к сосредоточенному размышлению, от восторженного восхищения природой, искусством, людьми к глубокому самоанализу. Крыленко, рассказывая другим об Умаре Алиеве, называл это качество своего друга «дисциплиной ума и характера».

— Таким образом, Умар, — Крыленко затянулся папиросой, стараясь не беспокоить ее дымом некурящего друга, — на вопрос о том, кто жил в этих краях до карачаевцев, можно ответить короткой фразой: жили предки карачаевцев! Так?

— Совершенно верно. Как я говорил, они входили в состав Аланского царства, возникшего здесь с начала первого тысячелетия новой эры. Территория Алании охватывала почти весь Северный Кавказ. Ее влияние распространялось от Лабы до Терека включительно. Аланский период истории народов Северного Кавказа сыграл значительную роль в их развитии, налаживании культурных и торгово-экономических связей с Русью, Византией, Абхазией и Грузией.

Издавна из древнегреческой колонии Диоскурии, расположенной на месте нынешнего Сухума, шли через Клухорский перевал караваны с византийскими, гетуэскими, грузинскими товарами. В X веке, в эпоху расцвета Аланского царства, христианство стало распространяться в долинах Теберды и Зеленчука. Именно в эту пору воздвигаются здесь храмы. Близ Архыза есть руины таких церквей, к этому же времени относится постройка Сентинского храма в районе Теберды.

В Сентинском храме в 1908 году были найдены золотые монеты с изображением византийских императоров Константина и Василия — братьев Анны, жены киевского князя Владимира. А в Архызском храме обнаружили под древнейшими обломками

золотой перстень с вензелем армянского царя Ашота Железного.

После разгрома Алании укrywшиеся в горах остатки аланского населения вошли в состав сформировавшейся в XIV веке карачаевской народности. Слово «алан» прочно закрепилось в нашем языке. Оно означает «товарищ», «приятель», «друг». Ученые считают, что аланы явились одним из важных компонентов этногенеза осетинского народа. Часть аланов слилась и с другими племенами, населявшими территорию Северного Кавказа. Но этноним «алан» сохранился только в карачаево-балкарском языке да и у мегрелов Грузии, которые до сих пор называют карачаевцев этим именем. До самого последнего времени старики-осетины балкарцев продолжали называть «асами» («осе», т. е. «аланы»), а карачаевцев — «карашэ осе» («карачаевские асы», т. е. «аланы»). Арабский историк XVI века Абульфедда пишет, что по соседству с абхазцами живут тюркоязычные аланы и асы, а вера у них христианская. Очевидно, он имел в виду то, о чем я говорил выше, — о проникновении сюда христианства через греческих (византийских) миссионеров, о чем свидетельствует строительство христианских храмов, существование в Архызе аланской христианской епархии, а также пережитки христианства, до сих пор сохраняющиеся в нашем языке.

Таким образом, дорогой Николай Васильевич, историю наших народов предстоит изучить на основе марксистско-ленинской методологии, провести серьезную работу по археологии, изучению языка, фольклора, многочисленных памятников (в том числе и письменных), топонимики и других источников. Возьмите фольклор. У карачаевцев, балкарцев, осетин и адыгских народов он имеет единую основу. Я имею в виду нартский эпос. Имена героев, их действия и поступки удивительно совпадают у всех. Много общего в языке, масса одинаковых фамилий и домусульманских имен. Ученые подсчитали, что в карачаево-балкарском и осетинском языках имеется около 400 слов, одинаковых по звучанию и идентичных по значению. Фактически их гораздо больше. Возьмите обычаи и обряды. Если отбросить обычаи и обряды, освященные религией, то подлинно народные в своей основе — одни и те же у всех.

О чем это говорит, как не о единстве исторических судеб, единстве быта и культуры горских народов Северного Кавказа!

Крыленко молчал.

Погруженные в глубокое раздумье, друзья медленно направились к дому.

Крыленко, воспитавший в себе умение альпиниста засыпать сразу же, как появится возможность и необходимость, не замедлил подтвердить делом это умение.

А Умар долго еще не мог уснуть. Ведь он был под родным кровом, в том самом доме, где ровно тридцать два года назад появился на свет. Перед глазами вставали далекие, отрывочные картины детства.

Стены старого дома не молчаливы. Они подступают близко-близко и навевают воспоминания о былом. ...Едва Умар научился ходить, как стал ежедневно сопровождать от дома до школы своего брата Локмана. Самые старшие — Исмаил и Алий уже закончили учебу и пасли скот богатых односельчан. Локман шел в класс, а трехлетний Умар присаживался на крылечке приземистого школьного одноэтажного здания и прислушивался к доносившимся до него приглушенным голосам учеников — «сохта» и учителя — «устаза».

На следующий год, когда в школу пошел следующий брат, Таубий, маленький провожатый стал уже посмелее. Теперь его не удовлетворяли ступеньки крыльца. Однажды, стараясь шагать меленькими, но частыми шагами рядом с Таубием, Умар завладел ученической сумкой брата, сшитой матерью из куса сыромятной овечьей кожи. Перед входом в школу Таубий потребовал вернуть ему сумку. Но Умар решительно занес ее за спину и, крепко держа обеими руками, смело шагнул через порог класса. Так же решительно он занял место на первой парте, перед самым столом учителя.

Буквально через минуту, когда ученики еще не успели выразить удивление и возмущение тем, что в классе вместе с ними находится какой-то четырехлетний карапуз, в комнату вошел учитель Халилов.

Все ученики встали, приветствуя устаза. Лишь Умар продолжал сидеть. Халилов, пряча улыбку в густых усах, попросил учеников сесть, а потом подошел к мальчугану, голова которого еле-еле виднелась над партой, а ноги висели в воздухе, безуспешно стараясь коснуться пола босыми ступнями. Халилов хорошо знал эту семью, у него прошли обучение старшие сыновья Джашу — Исмаил и Алий, теперь учились во втором и первом классах Локман и Таубий, не раз он видел Умара сидящим на школьном крыльце, и вот теперь этот младший из Алиевых, если не считать родившегося в прошлом году Шаухала, пришел в класс.

Учитель окинул взглядом комнату. Здесь одновременно находились первоклассники и второклассники. Халилов пооче-

редно занимался с теми и другими, а после обеда приходили заниматься ученики третьего и четвертого классов. Трудно приходилось ему, ибо на всю школу было лишь четыре учителя. Восемь часов занятий, потом до позднего вечера, а то и за полночь он просиживал над тетрадками своих питомцев, да надо было еще подготовиться к урокам следующего дня.

Халилов окончил Усть-Лабинскую учительскую семинарию с весьма похвальными результатами. Он мог выбрать себе место в городе, на худой конец в большой станице, поближе к житейским удобствам, но настойчиво потребовал направить его в Карачай, в родной аул Картджурт, где и учительствовал уже второй год. Заполненная до предела напряженной и кропотливой работой жизнь в крупном, но удаленном от оживленных земных дорог ауле, не разочаровала его. Здесь воплощалась в явь заветная мечта образованного горца: просвещать родной народ, нести в его гущу горящий факел знаний и культуры.

Еще юношей Халилов зачитывался произведениями русских классиков, хорошо знал статьи Белинского, Добролюбова, Писарева. Любимой его книгой был роман Чернышевского «Что делать?», нелегально ходивший, в заграничном издании, среди семинаристов. Был Халилов не женат, жил с матерью и сестрой, больной костным туберкулезом и уже несколько лет прикованной этим недугом к постели. Русский язык он знал превосходно. В Усть-Лабе его, русоволосого и синеглазого, отлично, без тени акцента говорившего по-русски, никто, кроме семинарского окружения, не принимал за горца.

Итак, учитель подошел к Умару.

— Здравствуй, малыш! А ты почему не встал, когда учитель вошел в класс?

Умар молчал, еще ниже опустив голову за парту и крепко ухватившись ручонками за сиденье.

— Разве ты не знаешь, что дети при встрече со взрослыми должны первыми приветствовать их? А в школе этот долг вежливости и уважения к старшим надо выполнять тем более.

Умар продолжал молчать.

Халилов терпеливо, необыкновенно тепло глядя на мальчика, ждал ответа. Зато не вытерпел сидевший на задней парте Локман Алиев. Он вскочил и укоризненно крикнул братцу:

— Ах, ты, глупый жеребенок! Мало того, что самовольно занял место в школьном классе, так еще не хочешь отвечать устазу!

И вот тут-то Умар не сдержался. С удивительной ловкостью

и проворством он вскочил босыми ножками прямо на сиденье парты и, обернувшись к Локману, гневно закричал:

— Я не глупый жеребенок! Я пришел сюда, чтобы устаз и меня научил читать и писать! Я хочу, чтобы и мне мама сшила вот такую же сумку. — Умар выдернул из парты сумку Таубия. — Чтобы в ней лежали мои тетрадки, книжки, ручка и карандаш. А не встал я при входе устаза потому, что боялся — а вдруг он меня выгонит. Сидящего труднее заметить, чем стоящего. — И Умар виновато и боязливо взглянул исподлобья на учителя.

Халилов улыбнулся и ласково погладил мальчика по головке.

— Ишь, какой ты хитрец! А я вот все-таки увидел тебя и сидящим. Значит, ты уже большой и спрятаться тебе трудно.

Лицо Умара озарилось радостью.

— Да, джюйюсхан-устаз, да, господин учитель, я уже большой! Значит, мне можно ходить в вашу школу? — И огромные черные глаза мальчика умоляюще взглянули на Халилова.

Тот внутренне удивился и поразился: откуда узнал, как запомнил четырехлетний малыш слово «джюйюсхан» — «господин», так редко употребляемое в горных селениях Карачая? Видимо, очень внимателен к речи взрослых, и память хорошая.

— Не отрицаю, Умар, — мальчик покраснел от удовольствия, что учитель назвал его по имени, — ты, конечно, уже большой. Но ходить в школу тебе еще рано, надо больше быть на воздухе, бегать, играть. А придет твоя пора учиться, я сам явлюсь к вам домой и приведу тебя в школу.

Радость на лице Умара перешла вначале в удивление, потом в опечаленность, и вдруг из глаз мальчика брызнули слезы, и комнату огласил плач, горький и неумемный.

Так печально окончилась первая попытка Умара стать полноправным посетителем дома, где можно проникнуть в завлекающую тайну угадывать в шеренгах маленьких черных книжных буковок чудесные слова и выводить такие же слова в тетрадке, сплетая палочки, крючочки и кружочки в волшебную цепочку строк.

Нить воспоминаний продолжается.

... Умару исполнилось девять лет. Он уже пятый день ходил в третий класс картджуртской русско-туземской школы.

Когда Умар подходил к площади, чтобы, миновав ее, успеть в положенное время к началу занятий, мимо него пробежал глашатай, громко кричавший на бегу:

— Эй, народ! Эй, люди! Все к мечети, все к мечети!

Картджуртцы, выходя из ворот, недоуменно и настороженно спрашивали глашатая, пытаясь остановить его.

— В чем дело? Что-нибудь случилось?

— Едет большой начальник! Все к мечети!

Приезд начальства, да еще большого, не слишком частое событие в Картджурте, и поэтому жители аула торопливо надевали одежду получше, у кого какая была, сбрасывали грубые ноговицы — ышымла и натягивали сапоги, у кого они имелись, спешили туда, где маячила над поросшими пожелтевшей травой земляными крышами Картджурта узкая, округленная сверху башенка минарета.

Любопытство овладело и Умаром. Хотя детям и женщинам не полагалось присутствовать на сходах, он решил узнать, кто именно едет и о чем будет говорить.

Люди шли на площадь. У некоторых в руках были вилы, косы, топоры — видно было, что они собирались на работу. Женщины, направлявшиеся по воду, уступали дорогу мужчинам, спешившим на сход.

Когда Умар прибежал на площадь, она была уже изрядно заполнена встревоженными людьми. Они тихонько переговаривались между собою, время от времени настороженно глядя в ту сторону, откуда должно было появиться начальство. Все было так взволновано предстоящим, так заняты своими предположениями о цели этого неожиданного визита, что не обращали внимания на девятилетнего мальчика, проходящего краем площади. Умар в толпе увидел учителя Халилова, окруженного стариками, о чем-то расспрашивавшими его. «Значит, занятий пока не будет», — подумал мальчик, быстро проскользнув во двор мечети, и, спрятавшись за каменным забором, через пролом в стене стал наблюдать за происходящим на площади.

Наконец, на статном, холемом коне появился старшина аула Будуян в дорогой малинового цвета черкеске, с рыжеватой, почти квадратной, коротко подстриженной бородой.

Правая рука Будуяна держала украшенные богатым серебряным набором поводья, левой рукой он поигрывал надетой на шею серебряной цепью, на которой висела массивная бляха — эмблема старшинской власти.

Площадь настороженно притихла.

Выпрямившись на стременах, Будуян громко крикнул:

— Они уже близко, скоро будут здесь!

И несколько тише, с расстановкой, пояснил:

— К нам жалуют высокие гости: старший помощник атамана Баталпашинского отдела есаул Александр Николаевич Го-

ра, — Будуюн сделал рукой жест, воспроизводящий значительность и высоту воображаемой горы, величие которой, по его мнению, соответствовал высокий чин помощника отдельского атамана, — старший адъютант атамана есаул Михаил Зиновьевич Мещеряков, — старшина описал рукой полуокружность чуть ниже первой, — и начальник Хумаринского участка есаул Аврам Васильевич Гаркуша. Вместе с ними — ветеринарный врач Баталпашинского участка коллежский советник Никанор Георгиевич Рыжевский.

Старшина облегченно вздохнул — еще бы, не так просто произнести подряд столько громких титулов, имен, отчеств и фамилий!

Люди были ошеломлены известием, что в Картджурт приезжает сразу столько высоких начальников. Именно, высоких! — ведь им даже старшина, надменный Будуюн, представлялся персоной огромной величины. Более всего жителей беспокоила весть о визите ветеринарного врача. Коль вздумалось нагрнуть «скотскому дохтуру» — это не к добру! Или опять, как четыре года назад, болезнь и падеж напали на скотину в соседних местах, а, значит, и сюда могут проникнуть, или... Это второе «или» было неопределенным, но тоже удручающим. А вдруг введут дополнительный налог живой скотиной (куда уж еще повышать?), и ветеринар будет отбирать лучших, самых здоровых животных.

Известив собравшихся о высоких визитерах, Будуюн, выражением лица и осанкой подчеркивая свое «превосходство» над ними, резко повернул коня и поскакал навстречу начальству.

Через несколько минут из-за поворота улицы, ведущей с южной стороны на площадь, показалась кавалькада. Впереди скакал старшина. Он преобразился. К важности и спеси прибавилась должностная услужливая ретивость. Замахиваясь плеткой с серебряной рукояткой, Будуюн резко покрикивал на запрудивших площадь людей, прокладывая дорогу ехавшим за ним четверем верховым.

Подъехав к мечети, всадники спешили. Мечеть в Картджурте была построена сравнительно недавно и отличалась массивностью, добротностью.

На крыльцо поднялись три казачьих офицера и чиновник в форме ветеринарного ведомства.

Тучный, немолодой есаул — внешне весьма оправдывал свою фамилию: узкий, с серебряным набором кавказский пояс охватывал его живот, выпятившийся горою. Сходство это подчер-

кивало и то, что на есауле была не низкая, с плоским верхом, кубанка, а мохнатая куполообразная папаха, казавшаяся очень тяжелой на толстой, приземистой фигуре.

Обхватив обеими руками длинный кинжал в украшенных серебром ножнах, есаул Гора оглядел толпу и, обратившись к Будаюну, громко сказал ему:

— Старшина, ты будешь толмачом. Переведи своим людям то, что буду говорить я.

Будаюн, не скрывая выражения холопской благодарности на лице за оказываемую ему честь, подобострастно склонил голову и встал рядом с тучным есаулом, возвышаясь над его папашой на целую голову.

Умар был всего в нескольких шагах от крыльца мечети и радовался, что выбрал такую удачную позицию для наблюдения: все видел, оставаясь сам незаметным.

— Впервые мне довелось добираться до вашего аула. Нелегко путь к вам, — не то с укором, не то с сожалением высоким фальцетом сказал Гора.

Едва Будаюн перевел эти слова, как из толпы кто-то выкрикнул:

— Пусть будет этот путь еще труднее для вас!

Будаюн устремил злой взгляд в ту сторону, откуда прозвучали эти вызывающие слова, но разве можно было угадать, кто крикнул — сотни людей запрудили площадь.

— Что сказали из толпы? — спросил есаул старшину.

— Народ приветствует вас, желает, чтобы все ваши пути стали легкими.

Гора с важным самодовольством кивнул головой и продолжал:

— Для меня и моих спутников надо было приехать к вам по этому тяжелому пути, ибо цель нашего приезда необыкновенно важная. Наш государь, наимогущественный и милосердный повелитель — его императорское величество Николай Александрович ведет войну с коварной Японией, коя напала по-разбойничьи на нас и претендует на русские земли. Вы, сыны Карачая, уже много лет испытываете великое счастье находиться в подданстве и под милостивым покровительством его величества...

Снова голос из толпы иронически воскликнул:

— Ты же сам сказал, что путь к нам труден. Не доходит до нас это «счастье» по такому пути!

Есаул вопросительно взглянул на старшину.

— Народ, ваше благородие, выражает любовь и признательность государю и желает ему благополучного царствования.

Гора недоверчиво скривил большие, мясистые губы, оперся левой рукой на рукоятку сабли. Над площадью визгливо неся его фальцет:

— Война с японцами скоро закончится нашей победой. И наш царь желает, чтобы слава этой победы осенила и ваш народ. Он надеется, что самые отважные, самые храбрые молодые карачаевские джигиты пойдут добровольцами в доблестную российскую армию. А вы, верные нашему государю картджуртцы, дадите своим джигитам лучших коней, оружие и благословите их по вашему обычаю на ратные подвиги...

По толпе прокатился нарастающий гул. Казалось, что морскую пучину взбудоражил шторм.

Из толпы выступил вперед, приблизился к самому крыльцу мечети седобородый старик в изношенном бешмете и облезшей шапке, опирающийся на высокую суковатую палку. Это был Хаджикул Досонов, один из самых бедных жителей аула, уважаемый всеми не только за свой почтенный возраст, но и за честность, прямоту, незлобивость.

— Большой начальник требует от нашего аула очень многого. Нам не под силу взвалить это на свои слабые плечи. Ты, начальник, ехал к нам и видел, как бедны наши горы, как мало дают они нам. Говорят, что у горцев много скота. Много, да не у всех. А сколько бед несут природные стихии! Этим летом много овец погубило жестокое градобитие. А суровые зимы? А болезни скота? А неимение денег, чтобы вовремя уплатить за аренду сенокосных и пастбищных участков? А неурожай? У нас даже поговорка есть: горсть пшена, помещающаяся в дуле ружья, во время неурожая стоит дороже самого ружья.

К Хаджикулу Досонову протиснулся из толпы бородатый Койчу Салпагаров. Вслед за Хаджикулом он громко и быстро стал говорить, обращаясь не столько к приехавшему начальству, сколько к народу:

— Если мой сын уйдет на войну, моя семья пропадет от голода. Кто будет смотреть за нашей немногочисленной, но требующей постоянного ухода, скотиной, кто будет косить сено и заготавливать дрова на зиму? Да и потом, откуда я возьму лошадей для моего Томаша? Оружия у нас тоже нет, кроме ржавого дедовского кинжала в деревянных ножнах... Мы и так не сводим концы с концами. На мою семью из шести человек на год нужно почти сто пудов хлеба. А такого количества хлеба не имеет возможности добыть даже кое-кто из более состоятель-

ных жителей нашего аула. Мало у нас земли. Ведь, когда сюда пришел в далекие времена Боташ, с ним было всего 60 воинов. Им хорошо и привольно жилось в Эль-Тёбе, нынешнем Картджурте. А теперь нас много, тесно стало, да и богачи наши много взяли земли себе. Некоторые из них имеют по 300 десятин, даже по 400... Переселяться нам, безземельным, совсем страшно: как мы будем жить вдали от своих? Здесь нам все близко, знакомо от рождения, здесь жили и умирали наши близкие, здесь могилы наших предков. Как можно покинуть все это?

Гора с беспокойством глядел то на говорящих, то на старшину, то на своих спутников. Из всего сказанного Хаджикулом Досоновым и Койчу Салпагаровым есаул уловил лишь то, что никто не хотел покинуть родной аул.

— О чем так долго говорили эти люди? — хмуро, не глядя на старшину, спросил помощник атамана.

— И тот и другой хотят уверить ваше высокоблагородие, — Будуян подчеркнул приплюсованное «высоко», — что, несмотря на трудности, подумают, как откликнуться на великодушное доверие нашего царя.

— А почему вот этот, — есаул беззастенчиво указал поднятым концом сабли на Койчу Салпагарова, — поминал земли богачей?

— Он говорит, что все мы, — Будуян гордо ткнул пальцем себя в грудь, — служим для всех жителей нашего аула примером верного служения и преданности русскому царю. Так что, не извольте беспокоиться, ваше... — Будуян на мгновение запнулся, — ваше превосходительство!

Есаул недовольно, почти брезгливо поморщился. За его спиной кто-то из сопровождавших смешливо хмыкнул.

— Ну, это ты перегнул слишком! Какое я превосходительство! До генерала мне еще далеко...

Не отрывавшийся от своего наблюдательного поста Умар вдруг увидел, что стоявшие в первых рядах толпы Абулкерим Хубиев, Ислам Алиев, Наны Токов, Иммолат Хубиев и учитель Халилов направились к крыльцу. Халилов сказал:

— Здравствуйте, Александр Николаевич!

— А, Халилов, старый знакомец! Мы ведь с ним еще по Усть-Лабинску знаем друг друга, — обратился Гора к своим спутникам. — Лет десять — двенадцать назад состоялось наше знакомство.

Есаул не сказал про обстоятельства своего знакомства с Ха-

лиловым. Был Гора в ту пору хорунжим, командиром взвода отдельной Кубанской казачьей сотни, стоявшей в Усть-Лабинской. Однажды командир сотни подъесаул Сидоренко приказал Горе взять с собой десяток казаков и галопом скакать к учительской семинарии. Там семинаристы собрались в коридоре и возмутительные речи говорят, прокламации крамольные читают. Сам губернатор приказал «утихомирить» их, а зачинщиков арестовать и доставить в полицейское губернское управление. «Дайте нагаечкам погулять, — добавил подъесаул, — не церемоньтесь!»

Хорунжего и казаков, когда они, спешившись, вошли в широкие двери семинарии, встретила возмущенными возгласами толпа семинаристов, средний возраст которых определялся, по виду, двадцатью годами.

— Какая мерзость! Казаков на нас, как цепных псов, спускают!

Сравнение с цепными псами покорило и привело в ярость хорунжего.

— А ну, станичники, успокойте этих книгочеев! Пусть научатся почитительности да на коленях просят у нас прощения.

Казаки вытащили из-за голенищ нагайки. И вдруг толпа молодежи сдвинулась с места и бурной лавиной покатила на незваных гостей. Те попробовали пустить в ход свое оружие, на рассеченных лицах двух семинаристов показалась кровь. Неожиданно хорунжий увидел перед собою широкоплечего, русоволосого юношу с синими глазами, который крепко схватил Гору за плечи, сверкавшие серебряными погонами, повернул его лицом к дверям и дал хорунжему весьма ощутимого пинка. Таким же способом покинули семинарию и другие казаки. Вернувшись в расположение сотни, Гора до невероятности раздул описание сопротивления «смутьянов» — у них-де и ножи, и кастеты, да и револьверы с бомбами, видимо, припрятаны. Надо двинуть туда всей сотней.

Подъесаул, в душе презиравший Гору за слишком рьяное угодничество, жадность и неопрятность, подчеркнуто отвернулся и сказал:

— Мне все известно. Губернатор переменял решение. Не следует прибегать к крутым мерам. Молодежь — народ горячий, беспокойный. Поговорят — и сами разойдутся... А почему у вас хорунжий, правый погон болтается? Приведите себя в порядок!

А через неделю хорунжий, навестивший свою землячку, дочь соседа из станицы Зеленчукской, учившуюся в женской гимназии, застал у нее группу девушек и юношей и среди них того

самого русовслосого, синеглазого семинариста. Когда их стали знакомить, ни один, ни другой не показали вида, что прежде встречались. С удивлением узнал Гора, что синеглазый — карачаевец из Картджурта.

На этой квартире они встречались еще несколько раз. И всегда Гора видел, что молодежь при его появлении под различными предлогами постепенно расходится. На квартире, которую снимала зеленчукская казачка Наташа Стародубцева, проводились молодежные сходки, читали статьи Герцена и Писарева, стихи Некрасова.

Удивленный Будуюн почувствовал ревнивую зависть, видя, что Гора протянул руку Халилову и тот ее пожал с какой-то небрежностью.

— Наш старшина, — Халилов кивнул в сторону Будуюна, — вводит вас, Александр Николаевич, в заблуждение.

— Ну, что вы, что вы! Старшина не такой человек! Мне и самому атаману отдела, полковнику Ивану Николаевичу Браткову, хорошо известна должностная добросовестность нашего уважаемого Будуюна, — горячо возразил Гора.

— Господин старшина в корне исказил то, о чем говорили эти люди, — Халилов указал на продолжавших стоять впереди толпы Хаджикула и Койчу. — Они изливали совершенно иные чувства, высказывали совершенно иные мысли. Позвольте мне обобщить то, что было сказано ими и что могло бы сказать большинство жителей нашего аула.

Умар весь обратился в слух, боясь пропустить хоть слово из того, что скажет учитель.

— В Картджурте есть множество семейств, у которых не имеется даже пяди земли. Удел их— всю жизнь трудиться на тех, кому принадлежит почти вся земля в Карачае. Чего можно требовать от таких бедняков, как Чумук Смакуев, Огурлу Токов, Хаджикул Досонов, Джашаркул Ногайлиев, Токал Гадиев, Алибий Гочияев, Ахмат Гаджаев, Слам Хапаев, Муса Чочуев, Барак Чочуев, Хаджимауха Хубиев, Койчу Салпагаров, Джашу Кобаев, Сабанчи Сокуров и многие, многие другие? Чего можно требовать от таких семейств, которые имеют нищенский надел, а должны прокормить большие семьи? Может быть, некоторые из этих семейств и воспользовались бы великой честью, — Халилов с саркастическим выражением глаз поглядел на Гору и стоявших рядом с ним «высоких лиц», — дать нашему царю храброго джигита и потом с гордостью и печалью узнать, что их Асланбек, или Чотай, или Махмуд пал ге-

ройской смертью в далекой Манчжурии. Но где эти семейства возьмут строевого коня и оружие?

В толпе послышались возгласы полного согласия со словами учителя. А есаул, как ни странно, даже не пытался остановить, прервать его смелую речь.

У аульчан, в большинстве своем забытых и задавленных вековой нуждой, прочно укоренилось не почтительное, но остро-рожно-боязливое отношение к носителям царской власти. В сознании Умара этот ряд «начальников» открывался важным и надменным картджуртским старшиной Будуюном и заканчивался неведомым, таинственным существом, которого звали царем.

Портрет царя висел в школе. Умар привык ежедневно лицезреть это изображение на плотной бумаге в массивной деревянной раме, с которой давно облезла позолота. Вначале мальчику нравился человек, нарисованный на портрете. У него были красивые усы и аккуратно подстриженная борода, правда, глаза смотрели как-то странно, ничего не выражая. Но главное, очень нарядно был одет этот человек: голубой мундир украшало богатое золотое шитье, на груди — многочисленные украшения.

Учитель Халилов, иронически улыбнувшись, объяснил, что царь изображен в форме гусарского офицера. Гусары — один из видов конницы в армии царя.

«Значит, царь — очень храбрый и отважный человек, если ему дали столько орденов и медалей», — решил Умар. Одно было непонятно мальчику, почему этот храбрый и красивый мужчина не поможет бедным людям жить хоть немножко лучше? Ведь, по разговорам взрослых, царь очень богат, власть его безгранична. Разве жаль ему уделить хоть часть своего богатства тем, кто живет в нищете? Почему царь не делает этого, а, наоборот, сам заставляет и без того нуждающихся людей отдавать ему много скота, кож, леса, денег? Ведь Умар не раз слышал отчаянные жалобы отца и других жителей Картджурта на непомерную тяжесть налогов. Постепенно в душе мальчика образ красивого, незлобивого и храброго человека приобретал черты жадного, не сочувствующего чужому горю, далекого от народа властелина, очень похожего на аульского старшину Будуюна. К тому же, приезжавший вместе с перекупщиком Топ-буруном его приказчик — молодой русский парень, недавно отслуживший солдатом в армии, очень любивший покурить в кругу любопытных горских мальчишек, доверительно сообщил им, что «Николашка» (так он назвал царя) сам лично не участвовал ни в одном сражении, а ордена, кото-

рыми он награжден, совсем не свидетельствуют о его храбрости и мужестве. Это было последней каплей в чаше растущего недоверия к царю, и Умар перестал уважать того, чей портрет висел на стене в классе.

Но, перестав уважать царя, Умар не мог предположить, что допустимо говорить во всеуслышание, прямо в глаза начальству такие резкие слова, какие твердо произносил сейчас учитель Халилов.

А над площадью прозвучал новый твердый голос — голос Абулкерима Хубиева:

— Разве справедливо то, что почти вся земля в Карачае принадлежит нескольким богатым родам, а большинство крестьян-горцев имеют скудные наделы, многие совсем лишены земли? Безземельный горемыка должен вносить такой же налог, как и владелец обширных участков. Но у богатых есть с чего платить, есть что отдавать царю-батюшке, который так добр к ним. Еще бы!.. Вот у поручика князя Магомета Крымшамхалова триста десятин земли, Асланбек Крымшамхалов, Керти Салпагаров, Абдуллах Крымшамхалов имеют по двести десятин каждый, ротмистр князь Хаджи-Мырза Крымшамхалов — самый богатый из жителей Картджурта — владеет тысячью десятин земли. Скупили за бесценок участки у бедствующих односельчан Наны Джарашдиев — четыреста десятин, Махмуд Чагаров — сто десятин.

И заметьте, Александр Николаевич, что богатые Салпагаровы никогда не окажут хотя бы мизерную помощь своему полуничему родственнику, стоящему позади меня и говорившему здесь Койчу Салпагарову.

У нас в ауле восемь мечетей и только одна школа. Простой горец настолько забит, что даже лавочника считает каким-то высшим существом.

— Вы, простите меня, Александр Николаевич, что я так пространно говорю о положении жителей аула, который вы изволили почтить своим визитом, но хочется, чтобы вы и ваши спутники яснее представляли тяжесть нужды, испытываемой из года в год большинством картджуртцев. И то, что я говорю о нашем Картджурте, в равной мере относится ко всем селениям Карачая...

Жители аула, которые немного знали русский язык, переводили стоящим вблизи них односельчанам сказанное.

Гора молча слушал рассказ Хубиева. А старший адъютант

отдельского атамана есаул Гаркуша что-то записывал в большом блокноте, примостив его на боковые перила крыльца.

— Нищета и темнота являются причиной всех бедствий народа. Нет ничего удивительного, что холера 1892 года произвела столь жестокие опустошения в наших горах. Этой страшной «гостье» легче было творить свое губительное дело из-за того, что простые горцы, как и все трудящиеся России, крайне нуждаются в медицинской помощи. Дети и старики гибли не только от самой чумы, но и от недоедания и истощения организма.

Больных лечат невежественные знахари, эфенди нашептыванием, талисманами. Не случайно великий русский поэт Лермонтов обратил свое внимание на некогда цветущий аул Джамат — наш Джамагат, — жители которого погибли во время чумы.

Вот в каких условиях живут, трудятся и умирают жители Картджурта, жители других аулов Карачая. Можно ли требовать от людей, еле-еле сводящих концы с концами в таком беспорядке, нищете, бескультурье, требовать того, чего требуете вы, господин есаул, — Хубиев, называвший до этого Гору по имени и отчеству, подчеркнуто назвал его по чину, — требуете от имени его императорского величества?..

Умар затаил дыхание. Он боялся за Халилова и Хубиева, страшился, что «большие начальники» не потерпят отказа выполнить приказ царя о посылке добровольцев в армию.

Но все завершилось по-другому. Не отличавшийся большим умом, но хитрый Будуйан подошел к Горе и почти умоляющим голосом тихонько и быстро зашептал:

— Ваше превосходство... простите, ваше благородие, дайте нам немного времени. Поверьте моему слову: в Картджурте есть преданные слуги государя, и мы сделаем все, чтобы не покрыть себя позором, выполнить то, к чему призывает государь-император и вы, ваше благородие.

Гора важно кивнул. Старшина угодливо увел всех приехавших в свой дом, где их уже ждало обильное угощение: целиком зажаренная на огромном вертеле туша молодого барана, которую окружали откупоренные бутылки крепкой мадеры с этикетками самого известного кисловодского виноторговца.

Люди медленно расходились с площади. Одни горячо одобряли смелость правдивой речи Халилова и Хубиева, вылившейся в обличительную отповедь царским прислужникам, другие молча думали о возможных недобрых последствиях.

ИСТИНА РОЖДАЕТ СИЛУ

Очень красива зима в верховьях Кубани. Ярко блестит снег, позолоченный щедрыми лучами веселого солнца. Сверкает серебро и на крутобоких горных грядках, вытянувшихся по обеим сторонам реки. Уходя все выше и выше зубцами и округлыми куполами своих вершин, эти гряды тянутся до самых ледников Эльбруса.

Щедры заснежены вековые леса. Здесь — девственная природа, во многих местах не ступала нога человека, не раздавался стук топора. В этих сказочных дебрях находят уют и убежище олени и медведи, дикие кабаны и рыси, туры и куницы. Тут обитают и могучие зубры — краса и гордость лесов.

С широкой поляны, защищенной надежным щитом предгорий и кряжей, глазам путника внезапно открывается великолепная картина: впереди, внизу, по сторонам живописный хаос горных нагромождений. Чудится, что какой-нибудь титанически могучий и дьявольски злой нарт утолял здесь свою страсть к разрушению, рвал, кромсал, терзал тела молчаливых гор. Но и после буйного разгула безрассудного богатыря прекрасны горы в снежном одеянии.

Там и сям, вблизи горных дорог и троп, разбросаны, как обжитые оазисы, летние коши, ожидающие к весне своих хозяев с коровами и овцами.

Вот узкая тропа, взобравшись на вершину, круто спускается в ущелье. Глазам путника предстает поистине величественная и грандиозная панорама.

За лежащими впереди бело-серыми предгорьями неожиданно вырастает во всей красе и величии цепь Главного Кавказского хребта, гордые вершины которого далеко уходят в безбрежную высь, протыкая белые распластанные бурки облаков. И на этих вершинах тоже серебро — массивное, литое, никогда не тускнеющее, лишь временами скрывающееся за толстым пологом туманов. Величественное горное царство всецело овладевает очарованным созерцателем и надолго приковывает его внимание. Еще несколько шагов, и слева выдвигается на первый план могучий Минги Тау. Массив его подавляет своей громадой, четки, то резки, то плавны линии его очертаний. Минги Тау возглавляет общий строй гор и, выделяясь на монументально-эпическом фоне снежных вершин, еще больше подчеркивает свою грандиозность.

Оттуда, с ледников Минги Тау, начинается свой путь Кубань. Пенясь и бурно перекатываясь через каменные глыбы, ворочая и унося громадные обломки скал, дико ревет она, и этот могучий рев многократно отдается эхом в ущелье. Самые суровые морозы бессильны сковать и покрыть ледяным панцирем реку в ее верховьях.

Словно сбежавшись на громоподобный голос неукротимой Кубани, справа возле самого берега у горных склонов прилепились постройки аулов Хурзук, Учкулан, Картджурт.

Леса, окаймляющие ущелье Кубани и эти аулы, поражают своей пышностью и разнообразием. Ведь лес, даже сбросивший листву, прекрасен в серебряных ризах снега и инея. А здесь преобладает сосна, ей покорны все другие обитатели здешнего лесного царства: орешник и ясень, дуб и вяз, клен и липа, дикая груша и осина, кизил и кавказская береза. Присыпаны порошей уснувшие до весны кусты шиповника, азалии, терновника.

Невольно думается, что необычайно счастливы люди, окруженные таким земным очарованием. И неведомо путнику, почему в глазах встречных обитателей этих мест чаще читается затаенная печаль и тихая грусть, почему в протяжных песнях чабанов и аробщиков надрывно бьется вековая тоска...

Выше Картджурта, вверх по течению Кубани, вытянулся вдоль реки аул Учкулан. А в пяти верстах от Учкулана вверх по речке Уллукам, в узкой долине, расположился аул Хурзук.

Вид этой местности необыкновенно живописен. Шумящий поток Уллукама, извиваясь по долине, бежит между покрытыми снегом берегами, среди отдыхающих до весны лугов и нив карачаевских сабанов — крохотных наделов земли.

На заднем фоне этого пейзажа высятся могучие массивы скал, отрогов Минги Тау.

Обычно зима в ущелье Уллукама наступает очень рано и тянется до конца марта. Иногда в двадцатых числах августа уже выпадает снег, а с половины октября всегда устанавливается хороший санный путь. В осенние и зимние дни все ущелье окутывает угнетающая тьма. Кроме густых свинцовых туч, мрак усиливается еще и тем, что боковые горы необыкновенно высоки и расположены здесь в направлении с юга на север. Низкое зимнее солнце не успевает показаться из-за одной горной стены, как вскоре прячется за другую, пройдя по небу очень маленький путь. В ясный зимний день солнце в долине показывается около десяти часов утра, а в два часа пополудни уже скрывается за горами. Ночь здесь необыкновенно долга, а день

в пасмурную погоду ничем не отличается от сумерек. Неудивительно поэтому, что в этом царстве зимней ночи непривычный человек чувствует себя тоскливо.

Учителю Халилову и его спутнику — маленькому Умару А.тневу — повезло. Они проделали не далекий, но довольно трудный путь из Картджурта в Хурзук. Ясным солнечным днем маленькая, но бойкая лошадка, запряженная в узенькие санки, за пару часов домчала их до верхового прикубанского аула. Именно — прикубанского, ибо Уллукам — один из истоков Кубани.

Халилов решил навестить своего товарища по Усть-Лабинской учительской семинарии Витковского. Умара он взял с собой для того, чтобы показать любимому ученику школу в Хурзуке.

Владимир Алексеевич Витковский, назначенный учительствовать в Карачай, восторженно воспринял суровую красоту Приэльбрусья, полюбил смысленых и любознательных карачаевских ребятишек. Он сумел заставить раскошелиться хурзукских биев и богатеев на постройку и оборудование школы.

В Хурзуке построили хорошую школу — светлую, просторную. Неплохо была она оснащена и учебными пособиями: географические карты, картины и таблицы для наглядного преподавания географии, естествознания и других предметов украшали стены четырех классных комнат. Имелся также небольшой физический кабинет с электрическими и другими машинами и приборами. Но гордость и украшение школы составляла хорошо оборудованная и правильно функционирующая метеорологическая станция — любимое детище Владимира Алексеевича Витковского.

Радушно встреченные Витковским, отдав дань ароматному горячему чаю, заваренному самим хозяином, Халилов и Умар ходили по классам (занятий в этот день не было), рассматривали приборы и препараты в кабинетах. На метеорологической станции Владимир Алексеевич, лукаво усмехаясь, сказал, обращаясь к Халилову:

— Если бы ты знал, дорогой Хызыр, чего мне стоило уговорить хурзукских толстосумов ассигновать на создание школы необходимую сумму денег! Как трудно было убедить их в пользе этого дела и склонить к «добровольным пожертвованиям»! Зато теперь, в пяти верстах от подножия Эльбруса, работает метеорологическая станция. Я не только учу детей, но и собираю ценнейшие данные для выяснения влияния эльбрусского массива на климат прилегающих местностей.

Потом Владимир Алексеевич показал гостям сад при школе. Деревья и кусты были заботливо укутаны, оберегаемые от возможных сильных морозов. Витковский с нескрываемой гордостью хвалился своими сокровищами:

— Это — ягодные кустарники: крыжовник, малина, смородина шести сортов, а это — плодовые деревья: вишни, яблони, груши Правда, груши, как и яблоки, не всегда вызревают, весна у нас поздняя, зима — ранняя. А вот ягод минувшим летом было очень много. И знаешь, Хызыр, некоторые жители Хурзука последовали моему примеру и стали украшать свои дворы деревьями и кустарниками. Я, конечно, с радостью снабжаю их безвозмездно саженцами, наставляю в уходе за растениями. Ведь представь себе, как приятно будет видеть аулы Карачая, оживленные прекрасными садами!..

Умар с детской убежденностью считал, что если не на всем свете, то по крайней мере в Карачае нет учителя умнее, приветливее, благороднее, чем Хызыр Халилов. Теперь, слушая увлеченного своим рассказом Владимира Алексеевича, видя плоды его стараний, мальчик, оставаясь при своем мнении о картджуртском учителе, проникся уважением и к его хурзукскому коллеге. Тем более, что от Умара не ускользнула та теплота и полная доверительность, с которыми Халилов относился к своему однокласснику и другу.

— И должен сказать тебе, Хызыр, — как-то особенно просветленно посмотрел Витковский на Халилова, — оптимизм, любознательность и общительность хурзукцев, как и всех карачаевцев, помогают мне постепенно, но плодотворно осуществлять задуманное. Так было со строительством и оборудованием школы, затем со школьным садом, так будет и с превращением всего Хурзука в сплошной сад. Только вот не ведаю, — промолвил Владимир Алексеевич с оттенком грусти, — хватит ли на это моей жизни? Но, ничего, — гордо сказал он после минутного молчания, — я начал, другие завершат. А мечта моя непременно сбудется!

На крыльце показалась мать Владимира Алексеевича — сухонькая, маленькая, в длинном вдовьем темном платье, в накинутом на голову и плечи большом пуховом платке.

— Володя! Ты, наверно, утомил гостей своими разговорами. Ведь они давно проголодались. Обед готов, пожалуйста, милости прошу.

Халилов, как положено в таких случаях, стал заверять старушку, что он и его юный спутник готовы слушать сына уважаемой хозяйки без конца, да и не успели они проголодаться.

— Ну, это уж вы оставьте! — решительно произнес Витковский. — Идемте обедать. Уверяю, что кулинарный талант моей мамы не оставит вас равнодушными.

Квартира Витковского открывалась большой, светлой комнатой, служившей одновременно и гостиной и столовой. К ней примыкали справа и слева еще две совсем маленькие комнаты. Одну занимал учитель, другую — его мать.

Едва Умар перешагнул порог, как явственно ощутил удивительно аппетитный аромат, наполнявший комнату. Мальчик понимал, что это запах приготовленной еды, но он был совсем незнаком ему, знавшему лишь скудный рацион простой карачаевской семьи.

И предположения Умара подтвердились. Вскоре он, преодолевая застенчивость, усиленную присутствием почти незнакомых людей, уписывал чудесный украинский борщ.

Владимир Алексеевич с гордостью говорил:

— Мама сама выращивает и картофель, и капусту, и свеклу, и помидоры, и всякие другие овощи, зелень. Причем у нее неподражаемое искусство сохранять все это в свежем виде буквально до следующего урожая.

Старушка смущенно улыбалась, не скрывая радости по поводу того, что ее борщ понравился гостям.

За борщом последовали пышные вареники с вишнями — и это зимой, подумать только! А потом — чай с великолепным вареньем из крыжовника.

Умару очень понравились все эти непривычные яства. Мальчик проникся огромным уважением к хозяйке, к милой и ласковой бабушке, умеющей готовить такие вкусные вещи.

Поблагодарив хозяйку, гости встали из-за стола. Витковский открыл дверь в свою комнату и пригласил Халилова пожаловать туда. Умар вопросительно поглядел на учителя: оставаться здесь или последовать за ним?

Витковский перехватил взгляд Умара и, улыбнувшись, сказал:

— И ты присоединяйся к нашей мужской компании.

Комнатка учителя походила на учебный кабинет и, пожалуй, на маленький музей. Почти треть ее занимал массивный письменный стол, свободный посередине и уставленный по краям высокими штабелями книг. Всю стену слева тоже заполнили книги, плотными рядами стоявшие на нескольких деревянных полках. Другая стена была увешана многими интереснейшими вещами. Здесь расположились барометр, большая карта

Кубанской области, двуствольное охотничье ружье, два кинжала в серебряных ножнах, отделанных искусным чернёным узором, турьи и ветвистые олени рога, оскалившаяся желтыми саблевидными клыками голова дикого кабана. Рядом висела сплетенная из узких лент кожи нагайка с массивной ручкой и свинцовым шариком на конце.

— Помнишь, Хызыр? — усмехнулся Витковский, указывая глазами на нагайку. — Мой трофей. Как отнял тогда, в семинарии, у стегнувшего меня казака, так и берегу.

— Да, нечего сказать, приятная память, — сквозь зубы процедил Халилов.

— Надо помнить не только о приятном, но и о самом мерзком и отвратительном. Я читал где-то, — Витковский снял со стены нагайку и вертел ее в руках, — что Марат, знаменитый «друг народа», врач по образованию, постоянно носил с собой в кармане сюртука кусочек железа, извлеченный им из ноги крестьянина, наступившего нечаянно на эту штуку. Носил, чтобы всегда помнить о том, сколько зла угрожает человеку, и никогда не забывать, никогда не оставлять борьбу за искоренение этих бед — и телесных, и духовных. Недавно ко мне наведывался начальник Хумаринского участка есаул Гаркуша. Он обратил внимание вот на этот портрет...

На письменном столе стоял портрет в резной рамке: седобородый старик с высоким лбом и суровым взглядом умных глаз из-под очков.

— Есаул спросил: «Кто такой?» Я ответил: «Мой дедушка». Потом он поинтересовался нагайкой. Я сказал, что нагайку подарил мне этот самый мой дедушка. «Странно, — процедил Гаркуша, — не похоже, чтоб твой дедушка был из казаков: костюм не тот, а галстук бабочкой казак и в старости не нацепит. Хотя взгляд у твоего деда строгий, начальственный». Я подтвердил верность есауловых рассуждений: «Да, мой дедушка не служил в казачьих войсках, но нагайка была для него очень близкой знакомой». Есаул не понял моего намека и высказал предположение, что «дедушке» подарил нагайку какой-либо приятель — казак. На этом и согласились.

И Владимир Алексеевич весело рассмеялся.

А Халилов, бережно взяв портрет со стола, почти с благоговением, возвышенно, произнес:

— Да, Петр Лавров! Вместе с Герценом и Чернышевским он развивал наш ум и воспитывал нашу совесть!

Умар вначале всерьез подумал, что это портрет дедушки Владимира Алексеевича. Но слова Халилова вывели его из заблуждения, и он спросил:

— А кто он, Петр Лавров?

Халилов внимательно посмотрел на своего любимца, переглянулся с Витковским и ответил:

— Петр Лаврович Лавров — один из тех героев, которые пожертвовали всем для счастья народа. Он был ученым и борцом за свободу. Чувства и мысли, слова и дела его устремлялись к одной цели: уничтожить несправедливость, сделать человека свободным и счастливым. Он испытал неволю и изгнание, но это не сломало его веры в человека, в безграничные возможности человека расти умственно и нравственно. Это значит, что и ты, Умар, можешь и должен так расти, чтобы потом, став взрослым, побольше дать людям и оставить в их памяти добрый след. Лавров был и поэтом. Володя, — обратился Хызыр к другу, — прочти, пожалуйста, стихотворение Петра Лавровича, то самое, наше любимое. Это стихотворение стало песней, — пояснил учитель мальчику.

Витковский стал декламировать стихи, с подчеркнутой ясностью произнося каждое слово:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Мы не чтим золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем,
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его поведем.
Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед!

Умар слушал, как зачарованный. «Вот это да! — восхищенно думал он. — Самого царя не боится Петр Лавров! Такое стихотворение мог написать только очень смелый и очень справедливый человек!»

Мальчик взглянул на своего учителя. В глазах Хызыра Халилова, казалось, горело синее пламя восторженности, а губы его были сурово сжаты.

— Дорогой учитель,— сдерживая волнение, спросил Умар, — а где сейчас этот замечательный человек? Царь не бросил его в тюрьму?

Он ответил:

— Да, Петр Лаврович томился в царской тюрьме, терпел издевательства жандармов... Пять лет назад он скончался вдали от Родины, в Париже, где вынужден был жить, скрываясь от сатрапов самодержавия.

На глазах мальчика были слезы. Подойдя к Умару, Халилов положил руку ему на плечи, с проникновенной ласковостью сказал:

— Петр Лавров умер. Но дело, за которое он так преданно боролся, продолжают многие замечательные люди.

И предупредил мягко, стараясь не обидеть мальчика:

— Ты, Умар, конечно, понимаешь, что если злые люди узнают о том, что здесь превозносился Петр Лавров и читались его стихи, то и Владимиру Алексеевичу и мне не сдобровать.

И Халилов, наложив ладонь на ладонь, изобразил пальцами тюремную решетку.

Умар отчаянно замотал головой...

Весь обратный путь до Картджурта Умар молчал. В его мыслях неотступно стоял образ Петра Лаврова, а в душе звучали пламенные, призывные слова его стихов.

УРОКИ ГРАМОТЫ

Четвертый день в школе не было уроков. Ученики, пришедшие к началу занятий, вместо Халилова встретили вошедшего в класс муллу, который обычно преподавал мусульманское законоучение на последних уроках.

— Вашего учителя, — мулла подчеркнул слово «вашего» и резко взмахнул рукой, словно отрекался от Халилова, — потребовал к себе сам господин директор народных училищ Кубанской области, действительный статский советник — это все равно, что генерал — Дмитрий Данилович Орлов, специально для этого приехавший в Баталпашинку. Когда вернется ваш учитель — неведомо. Да, неведомо, — и мулла многозначительно расправил ладонью свою тощую, длинную бороду.

— Ага! Что я говорил! — торжествуя и громко сказал своему соседу по парте, адресуясь также ко всему классу, сын аульского богатея Хамзат Боташев. — Отец обещал проучить этого зазнайку! Еще тогда, когда он выгнал меня из класса.

Те ученики, которые услышали злорадные слова Хамзата, ответили ему лишь презрительными взглядами. А Умар сжал кулаки, готовясь наброситься на того, кто осмелился оскорбить любимого учителя. Но, вспомнив наставления Халилова, заставил себя сдержаться. Фраза, хвастливо брошенная Хамзатом, насторожила Умара, но в глубине души выплыли более тревожные предположения. Он не забыл смелую отповедь, которую дали его земляки «большому начальству» на аульском сходе, вспомнил, как адъютант атамана отдела торопливо записывал тогда что-то в свой блокнот. «Неужели?..» — подумал мальчик. Чего именно он страшился — в этом Умар не отдавал себе ясного отчета, но перед глазами встал портрет сурового Петра Лаврова и жест Халилова, намекающий на тюремную решетку.

— Одно счастье совпадает с другим: сегодня начинается наш великий праздник Курбан-Байрам.

Мулла недвусмысленно называл вынужденное отсутствие Халилова счастьем. Он не скрывал своей неприязни, граничащей с ненавистью, к учителю картджуртских ребятишек, от которого нередко выслушивал резкие слова по поводу рукоприкладства и по многим другим поводам. Мулла не раз писал пространные доносы на учителя — «вольнодумца и богоотступника» и отправлял эти письма в Тифлис, самому председателю Кавказского суннитского духовного правления муфтию Гуссейну Эфенди Габиеву, получившему от царского правительства за верную службу чин статского советника.

В начале сентября прошлого года, в день вознесения пророка Мухаммеда из Мекки в Иерусалим, а оттуда — к престолу Аллаха, мулла рассказал об этом празднике ученикам в классе. А на следующий день кто-то из них спросил на уроке Халилова, были ли у Мухаммеда крылья или нет, когда он совершал это вознесение. Учитель в ответ иронически улыбнулся и ответил:

— Крылья есть только у птиц. Да и не каждая птица, имеющая крылья, способна летать. Впрочем, свой вопрос ты лучше задай мулле. Может, он сумеет ответить.

Осведомленный кем-то из учеников, вероятнее всего, Хамзатом, об этом разговоре, мулла еще более возненавидел Халило-

ва, поэтому вполне понятна была его мстительная радость по поводу вызова учителя в Баталпашинскую.

А Умару эти дни показались вечностью. Все более терзала его гнетущая тревога за судьбу учителя и наставника. И потому, когда Умар, ходивший к приятелю на самый край аула, увидел знакомые ему сани и в них Халилова с каким-то незнакомым русским, его охватило двойственное чувство: «Наконец-то учитель возвратился», — радовался мальчик. «А с добром ли вернулся он?» — мучило тревожное сомнение.

Учитель приветливо помахал рукой Умару, когда сани проезжали мимо. Он что-то говорил своему спутнику, указывая на мальчика, долго глядевшего им вслед.

И хотя Умар знал, что у учителя в доме незнакомый мальчику гость, он не смог смирить свое нетерпение. Едва стало вечереть, он помчался к дому Халилова. Смущенно извинившись за непрошенный визит, мальчик стоял, опустив глаза и не произнося ни слова. В комнате за столом сидел приехавший вместе с учителем русский гость. Приветливо и ободряюще улыбаясь, смотрел он на робеющего мальчика, трогая пальцами небольшие рыжеватые усы. На вид он был ровесником Халилова.

Видимо, только что закончилось чаепитие — на столе блестел ярко начищенный пузатый самовар, свет всяческой керосиновой лампы отражался дрожащими бликами на чашках.

— Рад тебя видеть, дорогой Умар! Молодец, что пришел повидать своего учителя. Чего же ты молчишь? Раздевайся, садись к столу. Чаю хочешь?

Умар отрицательно покачал головой.

— Принуждать не стану. А извинения твои совсем ни к чему: ты сделаешь нашу компанию еще более приятной, не правда ли, Гриша? — Халилов обратился к своему гостю.

— Разумеется! Мне доставляет великое удовольствие. — несколько приподнято, но с явной искренностью, ответил гость, — познакомьтесь с лучшим учеником школы Умаром Алиевым. Хвалить детей в глаза, конечно, нехорошо. Но уважаемый Хызыр поведал мне, что тебе похвалы не могут вскружить голову. Что ж, давай познакомимся. Младший друг моего друга — мой друг. Кстати, Хызыр, как сказать по-карачаевски — «младший друг?»

— Кичи шох, — ответил Халилов.

— Вот и прекрасно! Я так и буду тебя называть — кичи шох Умар! А меня зовут Григорием Тихоновичем Чучулиным.

Я работаю на руднике «Эльбрус», что неподалеку от вашего Картджурта. Слышал о таком руднике?

Умар утвердительно кивнул. Он все еще не мог побороть свое смущение.

И, словно угадав основную цель прихода мальчика, Халилов, видимо, продолжая прерванный рассказ, говорил гостю:

— Итак, директор народных училищ, прибывший из Екатеринодара, принял меня в кабинете заведующего Баталпашинским 6-классным училищем. — Ты, Умар, возьми там, на тумбочке, свежие номера «Нивы», я привез их с собой.

Умар, механически перелистывая страницы журнала, внимательно слушал рассказ своего учителя.

— Рядом с действительным статским советником Орловым сидел отдельский атаман Братков. В полном параде — мундиры, ордена — ослепнуть можно. Он-то, полковник Братков, и начал разговор со мной. Они меня обвинили в подстрекательстве жителей аула на нежелательные волнения, в возбуждении недовольства «разумной деятельностью» местных, отдельных и областных властей, правительства и в итоге, «благословенным правлением государя императора». Полковник, войдя в раж, повысил голос до крика, и Орлов вынужден был несколько охладить его пыл, косвенно намекнув на свое старшинство в чине. Словом, после почти часовой беседы мне было сделано предупреждение, что в случае повторения мною поступков, «нарушающих мир и согласие в Российской империи», я, в лучшем случае, буду лишен права учительствовать, а в худшем... Они не сказали конкретно, что меня ожидает в худшем случае, но это ясно и так.

На прощанье директор народных училищ даже попытался говорить со мной ласково, назидательно, советовал мне не ссориться с муллой и аульским старшиной... «Я знаю, что вас уважают жители аула, что вас любят ученики, что у них высокая успеваемость, но это не дает вам права посягать на закон и порядок, на устои богом данной власти и религии».

Умар облегченно вздохнул, когда Халилов закончил свой рассказ.

— Да, насторожились власти — от Баталпашинской до Петербурга, — заговорил хриловатым, как бы простуженным голосом Чучулин. — Кровавые события 9 января не прошли бесследно. Просыпается трудовая Россия, грозой пахнет. Вот и принялись царские прислужники еще яростнее выискивать «крамолу»...

— А что произошло 9 января? — не утерпел спросить Умар. Григорий Тихонович вопросительно взглянул на Халилова. Тот молча кивнул головой.

— Видишь ли, кичи шох, решили рабочие Петербурга пожаловаться самому царю на свое беспросветное существование. Некий поп Галон убедил доверчивых, отчаявшихся людей пойти к царскому дворцу и подать Николаю Второму петицию — письмо о своих бедах и страданиях. А царь встретил мирную процессию свинцом. Площадь перед Зимним дворцом, улицы, ведущие к этой площади, были усеяны трупами убитых по приказу царя мужчин и женщин, стариков и детей... Все честные люди России день 9 января назвали «кровавым воскресеньем». Ко мне случайно попал один из последних номеров газеты «Вперед». Эту газету выпускают за границей большевики — так называют себя люди, поставившие своей целью избавление трудового народа от угнетения, достижение свободы и счастья для всех рабочих и крестьян. В этом номере газеты напечатано стихотворение, которое так и озаглавлено — «9-е января».

Чучулин развернул газету и стал читать:

Мы смирно стояли пред Зимним дворцом,
Царя с нетерпением ждали,
Как вдруг между нами и царским крыльцом
На ружьях штыки заблистали.
И рота за ротой все супротив нас
Вмиг фронтом развернуты были,
Направили дула в лицо нам как раз
И в грозном молчаньи застыли.
Так тихо и жутко... Вдруг слышится: «Пли!»
Опомниться мы не успели,
Свалились уж многие на снег, в крови,
За залпами залпы гремели...

Чучулин аккуратно сложил газету и протянул ее Халилову. Тот вышел с нею в другую комнату и через минуту возвратился.

В глубоком раздумье сидел Умар. В его глазах стояли ужасным видением беззащитные люди, в которых стреляют царские солдаты. Кровь на снегу, предсмертные крики и стоны, грохот ружейного залпа...

Из этого раздумья Умара вывело обращение к нему Григория Тихоновича:

— Я вижу, мой милый кичи шох, тебя до глубины души тро-

гает и волнует то, о чем с возмущением и негодованием говорят сейчас все передовые люди в России и за границей. Ты хорошо читаешь по-русски?

Умар густо покраснел до самых ушей. За него ответил Халилов.

— Он уже на втором году обучения отлично освоил чтение, я часто поручаю ему читать на уроках вслух отдельные рассказы и стихи. К тому же, — Халилов лукаво поглядел на своего любимца, — Умар тайком сам пишет стихи. Да, да, не отнекивайся, мне все известно. Надеюсь, ты хоть когда-нибудь порадуешь меня, покажешь свои поэтические опыты...

— Замечательно! — воскликнул Чучулин. В таком случае, кичи шох Умар, ты прочтешь нам с Хызыром еще одно стихотворение. Возьми-ка эту листовку. Читай!

Умар взял листовку с убористо напечатанным текстом. Вверху крупными буквами значилось: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». А под этими словами, во всю ширину листовки — «Киевский комитет РСДРП». Кто такие пролетарии, Умар знал. А вот, что такое «РСДРП» ему было непонятно, и он спросил об этом.

— РСДРП — это название партии — союза передовых рабочих, борющихся за свободу и счастье народа, — Российская социал-демократическая рабочая партия, — пояснил Григорий Тихонович.

Умару было всего девять с половиной лет. Несмотря на свою смышленность, природный ум и большую, не по годам, начитанность, ему еще очень трудно было разобраться в тех серьезных вопросах, которые были темой разговора в квартире Хызыра Халилова.

На аульском сходе учитель и другие говорили правду о тяжелой жизни картджуртцев. Их вызвали в Баталпашинскую и устроили «разнос». В далеком Петербурге люди шли к царскому дворцу, хотели просить царя улучшить жизнь народа. А их встретили пулями. Эти события складывались воедино. В уме мальчика звучали смелые слова о борьбе, о свободе.

Зерна правды падали в благодатную почву.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Крутой горный склон переходил в широкую, слегка наклонную местность, окруженную устремившимися к небу соснами. Сквозь ветви деревьев просматривались громоздящиеся одна

за другой громады могучих вершин, подступающих на краю горизонта к серебряным престолом ледяных властелинов.

По мере подъема вверх сосны попадались все реже. Во всей своей дивной прелести раскинулись альпийские луга, покрытые сочной травой, в которой разноцветными вспышками радовали глаз нежные цветы.

Вечерело. Умар Алиев и его сверстник одиннадцатилетний Локман Хубиев гнали большое стадо телят и отару овец с альпийского пастбища вниз, на расположенный верстах в двух летний кош, принадлежавший самому знатному и самому богатому в Картджурте Мырзакулу Крымшамхалову.

Второе лето батрачил Умар, пас и оберегал княжеских телят.

Вот и кош. Плоская, немного наклонная равнина слева стремительно обрывалась в пропасть. Казалось, что часть горы в незапамятные времена провалилась куда-то, а остальная часть, гордо возвышаясь над зияющей перед нею бездною, подняла свои обломанные ребра к небу. Жутко стоять на краю обрыва и заглядывать в головокружительную глубину тесной долины. Эта жуткость особенно усиливается, когда человек в горах.

Но Умар не робел. Рядом шагал бойкий, разговорчивый Локман, батрачивший на богача Будуюна, летний кош которого расположился рядом с крымшамхаловским.

Вот прямо из-под ног выбивается веселый родничок, вода играет пузырьками, которые быстро-быстро возникают и тут же лопаются. Русские называют воду таких родников нарзаном, а карачаевцы «гарасуу». С жадностью напильсь приятели этой бодрящей воды. К роднику подошли телята и овцы. Телята пили поближе к истоку, а овцы сгрудились чуть ниже, где вода уже текла нешироким, но быстрым ручейком.

Солнце уже скрылось за снежным массивом Минги Тау. Отблески последних лучей прощальным приветом разливались по высокогорной равнине, постепенно и ровно угасая.

В этот вечер Умар и Локман были единовластными хозяевами на соседствующих кошах. Локман пересчитал овец, загнав их в широкое пространство, ограниченное от близко подступающего леса и недалекого обрыва невысокой стеной. Теперь можно доверить отару бдительному попечению лохматых, удивительно умных кавказских овчарок. «Коран и мулла называют собак нечистыми созданиями, — думал Локман, — а ведь они — лучшие наши друзья и помощники. Что бы делали мы здесь без них?»

Зная, что ни одна овца не уйдет из-под надзора овчарок и не попадет на ужин волкам, рыскающим вокруг, Локман отправился на крымшамхаловский кош, до которого было шагов двести. Там его ожидал Умар, тоже успевший позаботиться о ночевке телят. Он сидел у каменной площадки для костра, на которой еще прошлой ночью сложил высокую кучу из смолистых сосновых дров и хвороста.

Друзья разожгли костер. Он запылал и затрещал как раз тогда, когда густая темная синь мягким покрывалом опустилась на Кёк тюбю — так называлась эта местность.

Приятели по-братски поужинали доставленными им вчера из Картджурта кукурузными лепешками со свежим, чуть-чуть солоноватым бышлаком — карачаевским сыром, запивая нехитрую еду захватывающим дух своей резкостью айраном. Умар тщательно вытер губы и руки носовым платком и взволнованно заговорил:

— Понимаешь, Локман, я не страшусь пастушеского труда и сознаю, что родителям не под силу послать меня продолжать учебу в Баталпашинскую, как предлагал Хызыр-устан. Понимаю, что отцу и матери неоткуда взять деньги на такую роскошь. Ведь нас — девятеро детей в семье, попробуй прокормить такую ораву. Но если бы ты знал, как мне хочется учиться!

Локман Хубиев знал, что Умар и после окончания картджуртской школы постоянно приходил к Халилову домой в те дни, когда жил не на коше, а в ауле и был свободен от неубывающего труда на Мырзакула Крымшамхалова и его благоденствующее семейство. Умар допоздна засиживался, беседуя с учителем, брал книжки для чтения.

Однако нынешней весной Халилова опять вызвали в Баталпашинскую к начальству. Он возвратился оттуда расстроенным и хмурым, а через несколько дней, собрав свои небогатые пожитки, переехал вместе со старой матерью в Теберду, куда его перевели, «чтоб избавить Картджурт от пагубного воздействия вольнодумных и безбожных речей и поступков зазнавшегося нечестивца» — как во всеуслышание пояснил жителям аула наконец-то восторжествовавший мулла.

Умар, проводивший учителя, так затосковал, что в первые дни начинавшая уже стареть Сыйлыкыз всерьез опасалась за здоровье любимого сына.

Успокоила сердце встревоженной матери вездесущая и во все вникающая Марьям-хаджи.

— Не отчаивайся, милая Сыйлыкыз, — утешала она печальную женщину. — Как за подъемом на гору следует спуск, так и за спуском снова подъем. Божьих дней больше, чем прося в целом мешке. Если аллах пожелает, то и через дымовую трубу добро насыплется. Ни ты, ни Джашу, ни дети ваши ничем не прогневали бога. Так за что же он станет посылать на ваш дом беду? Правда, нехорошо, что Умар так тоскует по устазу. Хызыр-устаза на пути бога ни разу не был, а на путях дьявола — частенько. Одумается твой сын, забудет Халилова, избавится от дурных мыслей, которые ему внушил этот устаз, каждый день проходивший мимо мечети и ни разу не вошедший туда. Умар уже большой, он очень любит тебя, а кто любит свою мать, тот не огорчит ее ради чужого человека. Лес не бывает без волка, дом — без неприятностей. Уверяю тебя, не пройдет и десяти дней, как Умар снова станет веселым и радостным.

Умар действительно отогнал от себя тоску, но Халилов навсегда остался в его сердце вместе с непреодолимым стремлением продолжать учебу. И сейчас, сидя с Локманом Хубиевым у ночного костра, от которого фейерверком взлетали и рассыпались по сторонам брызги озорных искр, Умар говорил об этом.

— Если я не пойду учиться, сердце мое разорвется!

— Я чувствую и верю, дорогой Умар, что сбудется твоя мечта. Такое могучее желание пробьет любую преграду, даже если на пути встанет сам Минги Тау!..

Локман ушел, а Умар все сидел у костра, пошевеливая палкой догорающие поленья. Огонь еще давал много света, широким кругом лежащего в ночной тьме. Сохраняя на лице глубокую задумчивость, подросток вдруг резко вскочил на ноги, извлек из кармана большой складной нож — подарок Григория Тихоновича Чучулина — и подошел к огромной старой сосне, ствол которой озарялся огнем костра. Выбрав на коре гладкий участок, Умар лезвием ножа вывел старательно окружность, разделил ее по горизонтали пополам, и вдруг вздрогнул от неожиданности, услышав за своей спиной голос:

— Салам алейкум!

Голос был незнаком Умару. Когда паренек обернулся, то увидел в двух шагах от себя невысокого человека, одетого в городской пиджак и широкие синие шаровары, заправленные в высокие охотничьи сапоги. Голова нежданного пришельца была наголо обрита, а в правой руке он держал маленькую бархатную шапочку, что-то вроде тибетейки. На скуластом лице весело и живо блестели острые глазки, в которых светились

ум и воля. Лицо обрамляла узкая бородка, идущая полосой от виска до виска. Узкой подковкой вытянулись короткие усики.

— Принимаете гостя, молодой человек? Не прогоните ночного странника?

Человек говорил словами, понятными Умару, но звучали они не так, как произносят их карачаевцы, а с каким-то особенным акцентом.

— Вижу, что принимаете. Спасибо.

Он сбросил с левого плеча объемистую кожаную сумку, с удовольствием потянулся всем корпусом, заложив руки за шею.

— Давайте знакомиться. Зовут меня Салих. Я татарин, казанский татарин. А живу в балкарском селении Чегем, в Нальчикском округе, Терской области. Уже пять лет живу там.

Умар все еще стоял, ошарашенный появлением гостя, как будто бы свалившегося с неба. Кто он? Зачем ночью пришел сюда?

И, словно угадав мысли подростка, человек, назвавшийся Салихом, усевшись у костра, пояснил:

— Я занимаюсь сбором лекарственных трав. В ваших местах их великое изобилие! Каждое лето я прихожу в горы Карачая и ищу наиболее ценные, наиболее полезные для лечения людей корни и травы. Видишь этот кожаный мешок? В нем, вместе с провизией, ценнейшие растения, из которых я готовлю лекарства, побеждающие тяжелые недуги. Этим я живу, но это и мое непреодолимое пристрастие, мое беспредельное увлечение.

— Вы доктор? — нерешительно спросил Умар.

— Наконец-то ты заговорил! Вначале скажи свое имя — ведь я уже представился тебе.

— Умар Алиев.

— Это ваши телята? — Салих указал на неясные в отблесках догорающего костра контуры спящего стада.

— Нет, не наши. Я пасу телят князя Мырзакула Крымшамхалова.

— И ты здесь один? Один против дикой природы, ночного мрака, коварных волков?

— Рядом — кош, где батрачит мой ровесник и друг. Иногда приезжают отец, братья, привозят еду. Появляются и хозяйские слуги. А ведь вы тоже один. Я хоть с телятами и собаками... А вы — совсем один идете ночью, не опасаясь ни подстерегающих путника пропастей, ни зверей. Кстати, как вам удалось незаметно подойти ко мне? Даже собаки не залаяли.

— Э, да ты очень любопытен, парень! Это неплохая черта! Видишь ли, за годы моих скитаний я вынужден был выработать в себе сноровку ходить так, что не только мои шаги, но даже дыхание не услышит самый чуткий зверь, самая сторожкая собака. К тому же, ветер дул в мою сторону, навстречу мне, а не от меня...

Потрескивали поленья в костре. В вершинах сосен шумел ветерок.

— Ты спросил, — Салих незаметно перешел на «ты» в обращении к Умару, — не доктор ли я? Как тебе сказать? И доктор и не доктор. Я не заканчивал университета, а учился в Казани в высшей мусульманской школе — медресе. Мне пророчили, что я стану не только муллой, но, со временем, муфтием. А я пошел по другому пути. У мудрого и доброго старика научился искусству распознавать растения, приносящие человеку избавление или облегчение от болезней, распознавать недуги и лечить их.

— Значит, вы напрасно учились в медресе? Потратили столько времени на изучение того, что оказалось совершенно не нужным для вас?

— Нет, я не жалею о годах, проведенных в стенах медресе. Вместе с кучей бесполезных и ложных знаний, я получил очень много ценного... А почему ты батрачишь, а не учишься?

Умар коротко поведал Салиху, к которому почувствовал доверие и симпатию, о причинах, заставивших его остановиться на более чем скромных знаниях, полученных в Картджуртской начальной школе. И, конечно, сказал о своем неудержимом стремлении учиться дальше.

— Понятно, — Салих задумался. — Чем же тебе помочь? Кстати, что это за знаки ты чертил ножом на сосне?

Умар густо покраснел, но, поборов смущение, ответил:

— Земное полушарие. Провел линию экватора, да вы помешали... Ох, простите, не помешали, а...

— Я понял, понял, — улыбнулся доброжелательно гость. Значит, и здесь душа рвется к науке?

Юный телятник опустил голову. Потом вдруг встрепенулся:

— Ой, какой же я невежа и остолоп! Сам сыт, а вам не предложил еды...

— Не беспокойся. Я ел совсем недавно. Видишь ли, перед вечером я надеялся добраться до одного знакомого мне коша, но, видимо, сбился с дороги. Тогда я подкрепился, отдохнул, а

вскоре увидел огонек — это был твой костер. Так что я сыт, и ты напрасно обвиняешь себя в негостеприимстве.

— Все равно, я должен был предложить вам еду.

— Похвально, что ты так строг к себе. Но успокойся... Чем же помочь тебе? Вот о чем я размышляю... Я рад, что ты так тянешься к знаниям, и огорчен тем, что ты вынужден не учиться, а батрачить.

Умар и Салих, как будто сговорившись, погрузились в молчание. И люди, и догорающий костер, и спящее стадо телят, и время от времени ворчливо позевывающие собаки,— все это нерасторжимо сливалось с окружающей природой.

Первым заговорил Салих.

— Ты с некоторым недоверием отозвался о медресе. Но как раз медресе — это единственное, что я могу тебе предложить.

Медресе, в которое я хотел бы определить тебя, Умар, относится к числу самых маленьких по числу учеников. Находится оно недалеко от аула Чегем, где я живу, в слободе Нальчик. Расположена эта слобода в прекрасной местности: с трех сторон возвышаются предгорья снеговой цепи Кавказского хребта, покрытые лесами; летом яркозеленый наряд этих лесов приятно ласкает глаза. Тут же протекает небольшая, но очень быстрая горная речка, всегда чистая и светлая, как слеза, с разноцветными камешками, усеивающими ее дно. Дивная природа, мягкий и теплый климат, полное отсутствие сутолоки, дыма и шума, присущих большим городам, делают жизнь в Нальчике как будто специально приспособленной к усвоению наук, высоким мечтаниям и глубоким размышлениям.

Умар внимательно слушал.

— В Нальчике имеются два небольших сквера, в которых играет оркестр. Местная молодежь проводит вечера в небольшом клубе, где нередко устраиваются любительские спектакли, а чаще — концерты силами самой молодежи. Кто-нибудь сядет за рояль, польются звуки музыки — и начались танцы.

Умар хмыкнул носом.

— Танцы? Под рояль? Вроде княжны Лейлы?

— Какой княжны Лейлы?

— Есть у нас в Картджурте такая барышня лет девяти или десяти. С нею специальная гувернантка занимается французским и немецким языками, учит танцевать разные вальсы и мазурки. Ее партнером заставили быть десятилетнего Абдуллу, сына старшего конюха князя. Ради этого его поселили в тесной каморке княжеского дома, следят, чтоб он каждый день мылся,

опрыскивают его духами и запрещают ходить в родительский дом. Отцу Абдуллы за это выплачивают надбавку к жалованью.

— Не смейся над вальсами и мазурками, Умар! Уверю тебя, придет время, а оно для тебя уже близко, когда ты с удовольствием пригласишь девушку на один из этих танцев.

Умар готов был спрятаться в лес, прыгнуть в догорающий костер от стыда.

— Нет! Нет! Никогда! Ни за что!

Салих лишь весело смеялся над бескомпромиссными отвержениями, выкрикиваемыми Умаром. Затем продолжил свой рассказ.

— Природа там очень похожа на твои родные места. А главное — ты сможешь учиться. Итак, я жду твоего ответа — согласен ли ты учиться в медресе?

— Да как же так сразу, неожиданно! Отец и мать ни за что не отпустят меня! И потом, кто будет платить за мое обучение?

— Ты будешь на полном моем содержании. Я человек одинокий, у меня нет ни жены, ни детей, а сбор лекарственных трав, приготовление мазей и микстур из них дает мне вполне достаточно средств, чтоб прокормить вместе с собою и тебя. А отец и мать не будут знать о твоём уходе. Сказать им — значит забыть об учебе. Ты уйдешь со мной прямо отсюда, не известив даже приятеля на соседнем коше.

— Но ведь отец и особенно мама подумают бог весть что! Как будет горевать мама!

Долго уговаривал Салих Умара. Наконец безудержная жажда знаний взяла в сознании подростка верх. Еще не наступил рассвет, когда Умар, потрепав по шеям верных овчарок, ушел вместе с Салихом по горной тропе, уводящей на восток.

Почти месяц не только вся семья Джашу Алиева, но и соседи, пастухи и чабаны на окрестных кошах днем и ночью искали Умара. И, разумеется, не нашли.

Убитые горем родители решили, что мальчика растерзали волки.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В Нальчикском медресе шел урок истории. Умар очень любил эти уроки, с великим уважением относился к преподавателю — сухонькому старичку — Расулу-эфенди. Это был род-

ственник Салиха, при его содействии Умара Алиева приняли в медресе.

— Итак, — продолжал учитель свой рассказ, — еще восемьсот лет назад арабский путешественник Абу Хамид-ал-Гарнати побывал на Кавказе, проехал и прошел по побережью Каспийского моря — его тогда называли Хазарским — от города Бакух, то есть Баку, до города Саксин — нынешней Астрахани.

Я прочту вам сейчас отрывки воспоминаний ал-Гарнати «О чудесах света», как он назвал некоторые необычные явления, увиденные им в чужеземных странах. Мы с вами живем на Кавказе, и я думаю, что небезынтересно вам будет узнать, каким представился этот край глазам ученого и путешественника восемь столетий назад.

Расул-эфенди раскрыл книжку в старинном переплете. Он стал читать, прямо с листа переводя арабский текст.

«... И видел я на берегу Хазарского моря поблизости от города, который называют Бакух, местность, в которой из земли выходит битум. Эта местность возвышается над морем. В ней много травы и много дичи вроде газелей и тому подобного.

А ночью в этой местности прямо из травы показывается огонь вроде серного огня, а когда на эту землю падает дождь, то пламя увеличивается, разгорается и становится заметнее, но ничего не сжигает и не имеет жару. В этой местности выходит нефть, и земля этой местности черна, как уголь».

Преподаватель читал. Иногда он останавливался, объяснял прочитанное, обращал внимание на наиболее интересные и поучительные места. Время от времени учитель спрашивал учеников, как они поняли изучаемое произведение.

Наконец Расул-эфенди закрыл книгу.

— Умар Алиев! — негромко вызвал он.

Умар поднялся.

— Я давал тебе читать эту книгу, ты ее брал с собой в Чегем на время короткого отпуска от занятий. Мой родственник, твой покровитель почтенный Салих, рассказал мне, что ты долго и подробно вникал в эту книгу, просмотрел для лучшего понимания много других научных трудов. Вот и расскажи нам всем о своем мнении касательно книги Абу Хамида-ал-Гарнати.

— Благодарю вас, эфенди, за оказанную мне честь. Я действительно внимательно проштудировал книгу ал-Гарнати, особенно ту часть, что относится к Кавказу. Постараюсь коротко высказать свое мнение.

— Почему же коротко? Ты, я думаю, не спешишь на соб-

ственную свадьбу, а мы не торопимся выйти на улицу, где горстями раздают сейчас алмазы.

В классе раздался дружный смех.

— Обстоятельно, подробно выскажись. Временем ты не ограничен.

— Хорошо. В отличие от арабских географов, составлявших свои книги из сведений предшественников, иногда отдаленных по времени несколькими веками, ал-Гарнати просто и непринужденно рассказывает о своем путешествии. Его труд легче изучить. В нем очень много интересных фактов, умных обобщений и выводов.

Одноклассники с уважительным вниманием слушали Умара. С первых дней обучения в медресе Алнев держал себя скромно, порою был даже застенчив. Охотно помогал товарищам в учебе. Однокашники сразу полюбили его, от души восхищались его способностями, его успехами.

Шум рукоплесканий, громкие одобрительные возгласы наполнили классную комнату, когда Умар, закончив свое сообщение, сел. Не аплодировал лишь один Расул-эфенди. Он задумчиво смотрел поверх голов учащихся, во взгляде его была теплота и ласка. Потом вдруг резко встряхнул голову, переводя глаза с одного ученика на другого, и торжественно произнес:

— Вот пример того, чего можно добиться трудолюбием, настойчивостью в сочетании со светлым умом и любовью к науке.

Расул-эфенди подошел к Умару и положил свою сморщенную старческую руку на плечо ему.

— Какой молодец мой родственник Салих, что сумел распознать в маленьком пастухе на затерянном в горах коше такого умницу и удостоил меня счастья на закате дней моих иметь такого ученика!

Умар застенчиво улыбался, щеки его заалели от смущения.

— За мои знания, — сказал он, — я благодарен прежде всего моим замечательным учителям: самому первому Хызыру Халилову и вам, уважаемый и дорогой Расул-эфенди.

* * *

Весна 1912 года наступила в предгорьях Кавказа рано. Вместе с нею дошли и до Нальчика подробности Ленских событий. Они вызвали нескрываемое возмущение почти во всех слоях общества, кроме явных монархистов и тех, кто выставлял напоказ свои верноподданнические чувства.

После уроков Умар Алиев задержался в классе. Вместе с ним остались несколько одноклассников. Выглянув из класса в коридор и убедившись, что он пуст, Умар возвратился к своей парте, покопался в ней и вытащил свежий номер «Терека» за 26 апреля. Эту газету он выписывал из Владикавказа уже второй год.

Давая частные уроки в двух богатых домах, юноша имел кое-какие карманные деньги и мог позволить себе подобную «роскошь». Умару несколько раз делали замечания мутавалий — эконома медресе, почти открыто занимавшийся растовщицеством, и мударрис — старший преподаватель, о котором ходили слухи, что он связан с жандармским отделением.

— Почему ты, Алиев, выписываешь этот бульварный листок. — говорил долговязый, сутулый мударрис, — что полезного для правоверного мусульманина, готовящегося стать надежным слугой Аллаха и государя-императора, может дать чтение этой вздорной, непочтительной к властям газетенки?

— Но ведь газета выходит официально, она разрешена властями, о которых вы говорите.

— Водка тоже разрешена и свободно продается. Но ведь ты не пьешь ее.

— Водку, господин мударрис, пьют по невежеству, а газеты читают даже очень культурные люди.

Мударрис чуял в этих словах оскорбительный намек, так как багрово-сизый нос «правоверного мусульманина» и «ученого мужа» красноречиво говорил и свидетельствовал о пристрастии к запрещенному исламом напитку.

Развернув газету, Умар стал вслух читать статью «Поперек дороги». В ней резко, обличающе говорилось о кровавой расправе над мирным шествием рабочих Ленских золотых приисков. Под статьей стояла подпись «С. Киров».

Кто-то из учащихся стал ругать палачей, убивших ни в чем не повинных людей. Кто-то попросил Умара рассказать подробнее о событиях на далекой сибирской реке Лене, взбудораживших всю Россию. Товарищи были уверены, что Алиев знает, если не все, то почти все из круга вопросов, интересующих замкнутую юношескую среду учащихся медресе.

— Я был девятилетним мальчиком, — начал Умар, — когда в своем родном Картджурте узнал о расстреле мирной манифестации петербургских рабочих 9 января 1905 года. Никогда из моей памяти не исчезнут впечатления, испытанные мною в далекий зимний день более семи лет назад. И вот опять такая

же злая трагедия, опять пролита кровь тех, кто своим трудом создает богатство и роскошь властителям мира сего.

— Это смертоубийство не пройдет даром для царских опричников! — вскочил с поднятой рукой на сиденье парты юноша с длинной шевелюрой.

— Ах, Ахмет! Зачем ты так непочтительно говоришь слово «царских»? Зачем ты незаслуженно оскорбляешь нашего доброго монарха? Где Лена, а где Петербург? При чем тут царь? Мог ли он знать в тот момент, что происходит за десять тысяч верст от него?

Вместо Ахмета ответил Умар Алиев:

— Ротмистр Трещников открыл огонь по рабочим на основании тех волчьих законов и порядков, которые существуют в нашей «богоохраняемой» Российской империи по воле царя. Царь — главный виновник этой трагедии. Значит, Государственная дума, по утверждению Булата, — Умар указал пальцем на ученика, вступившегося за царя, — должна наказать Николая Второго? Но для этого у Думы нет ни власти, ни желания. Ведь в ней подавляющее большинство принадлежит помещикам, капиталистам и реакционному духовенству. Это большинство покорно исполняет все то, что прикажут ему царь и окружающая его придворная клика. Хотите, я прочту стихотворение о Государственной думе? Оно напечатано в газете «Звезда», выходящей, вернее, выходившей в Петербурге. Ее закрыло царское правительство 22 апреля этого года. Всем нам известно стихотворение Некрасова «Забятая деревня». Автор стихов в «Звезде» сделал злободневное переложение этого некрасовского стихотворения.

— А зачем нам слушать то, что напечатано в запрещенной правительством газетенке? — злобно крикнул тот же «царский заступник».

На него возмущенно зацыкали со всех сторон.

Умар успокоил негодующих товарищей.

— «Звезда» запрещена 22 апреля, а стихи, которые я хочу вам прочесть, опубликованы 5 апреля. Тогда газета еще не была запрещена и, значит, все законно, — Умар лукаво прищурился.

— Читай, читай, Умар!

Дни в слезах не видя,
Бабушка Ненила
До самых министров

С просьбой доходила.
Вот и вышла милость:
Одного повесить,
В каторгу другого,
Что-то лет на десять.

Далее в стихах говорилось о том, что Государственная Дума послушно служит царю, помещикам и капиталистам.

— Замечательно! Просто, смело и понятно! Кто же сочинил эти стихи? — Ахмет с сверкающими глазами глядел на Умара.

— Под стихами стоят буквы Б. В. Не знаю, как фамилия автора.

— Жаль! — Ахмет хлопнул ладонью по своему колену. — Я бы написал ему благодарственное письмо за такое чудесное стихотворение! Надеюсь, и тебе, Булат, оно понравилось?

— Я не удивляюсь, что газета, в которой печатаются такие подстрекательские стихи, закрыта, — с апломбом произнес Булат.

— К чему же подстрекают эти стихи? — спокойно спросил Умар.

— Как к чему? К посягательству на верховные органы власти, к смуте. И потом, весь этот наш спор возник из-за истории, которая произошла где-то в далекой Сибири. Какое дело нам — кабардинцам, черкесам, балкарцам, карачаевцам — до русских босяков. Мы все — мусульмане, и наш священный долг, как учит коран, — заботиться о благе мусульманского мира!

— Во-первых, никакого спора у нас не происходит. Мы не спорим, мы все единодушны в своем мнении. Ты один против всех. Ни на какие устои мы не посягаем, а возмущаемся массовым убийством, которое признано величайшим грехом и преступлением всеми людьми и всеми религиями мира. Во-вторых, — Умар с нескрываемой иронией смотрел на побагровевшего от злости Булата, — ты ведь знаешь, что царь — отнюдь не мусульманин. Почему же ты, ратуя о благе мусульманского мира, встаешь на защиту царя-христианина, но отрекаешься от рабочих-христиан? Только потому, что он — царь, а они — «русские босяки», как ты их называешь.

— Правильно, Умар!

— Давно пора обуздать этого блюдолиза и доносчика, этого чванливого Булата!

— Пусть он убирается отсюда, если ему не по душе то, о чем мы говорим!

Ахмет, выскочив из-за парты, со сжатыми кулаками подступил к Булату:

— Ты можешь не соглашаться с нами. Но если ты донесешь мутавалию или мударрису о том, что говорилось здесь, — знай: тебе придется жестоко поплатиться за твою подлость! А теперь — убирайся вон!

Вечером в каморку, которую занимал Умар во дворе медресе, без стука вошел Расул-эфенди.

Умар растерялся. Ему не на что было даже усадить гостя. Единственной мебелью в тесной каморке была деревянная тахта да грубо сколоченный столик с лежащей на нем стопой книг и тетрадей.

Расул-эфенди молча опустился на тахту и жестом пригласил юношу сесть с ним рядом.

— Я тороплюсь, Умар. Нежелательно, чтобы кто-либо знал о моем визите сюда. Тебе грозит большая беда. В моем присутствии Булат Мисостов рассказал мударрису о том, что сегодня днем ты читал после уроков своим однокашникам, оставшимся в классе, статью и стихи, направленные против правительства, говорил крамольные речи о трагическом событии, происшедшем в апреле на Ленских золотых приисках.

Сразу же после ухода Булата мударрис поспешно надел чалму и вышел из мектебе на улицу. Я решил проследить за ним. Уже начинало темнеть, и я, держась поближе к деревьям, шел за длинноногим мударрисом, проклиная немощь, укротившую быстроту моих ног. Недолго пришлось мне идти. Мударрис прошел три квартала и, опасливо осмотревшись по сторонам, позвонил у дверей дома, в котором живет жандармский ротмистр. Дверь открылась, и мударрис вошел туда. Я же вернулся в медресе, чтобы предупредить тебя об опасности. Ах, Умар, у тебя голова ученого, ты можешь и должен весь отдать науке, стать гордостью своего народа. К чему тебе эта политика, эти распри, в которых ломаются копья и летят многие хорошие, но безрассудные головы?

— Но, учитель...

— Молчи. Умар, молчи. Сейчас не время спорить. Ты должен продолжать свое образование. Мой старинный друг возглавляет в кумыкском селении Аксай мектебе. Ты сейчас же отправишься туда. У тебя есть деньги? Гм, всего один рубль... Этого мало. Вот тебе еще пять рублей. Не отказывайся и не стесняйся. Доберешься до Хасав-Юрта, а там до Аксая — ру-

кой подать. Передашь мударрису Мусе Сайфуллину вот это письмо от меня.

Умар торопливо укладывал в сумку книги и тетради. Расул-эфенди помогал, продолжая давать советы юноше:

— Не вздумай податься вначале в Чегем, к Салиху. Все знают, что там твой дом. Обнаружив твое исчезновение, мударрис не замедлит направить туда жандармских ищеек. Сюда никому, и мне в том числе, не пиши. Когда эта беда уляжется, мы еще увидимся с тобой.

Расул-эфенди обнял Умара.

— Ну, счастливого пути! Да помогут тебе добрые силы этого взбалмошного, но все-таки прекрасного мира!

В АКСАЕ

Мударрис Аксайского высшего мусульманского училища Муса Сайфуллин вел урок литературы. Занятия только начались. Муса Сайфуллин опросил своих учеников по материалу, который они должны были усвоить, и остался доволен ответами, о чем свидетельствовала одобрительная улыбка на его добродушном лице. Каждого ученика мударрис называл «мугалим» — ведь это были уже те, кто через год должен завершить обучение в медресе.

— Питомцы мои возлюбленные! (Мударрис питал слабость к возвышенным выражениям и оборотам речи: этому способствовали превосходное знание поэзии Востока и восторженная любовь к ней). Сегодня нам предстоит выслушать научное сообщение нашего Умара Алиева о великом поэте Низами Ганджеви и его произведении «Поход русов против Бердаа». Мы слушаем тебя, Умар.

Алиев встал за невысокую кафедру, положил на нее тонкую тетрадь с тезисами своего сообщения и начал говорить. В тетрадь он почти не заглядывал, лишь приводил некоторые даты и выдержки из текстов, сверяясь для точности с записями.

Умар просил поручить ему сделать сообщение о творчестве другого поэта — Омара Хайяма, но Муса Сайфуллин, сам очень любивший четверостишия великого поэта, ответил, что в медресе не поощряется увлечение этим «вольнодумцем». Остановились на Низами.

— Между светилами, сияющими на небосклоне восточного Парнаса, — начал Умар, — Низами занимает, бесспорно, выда-

ющеся место, наравне с Фирдоуси, Саади, Хафизом, Джами... (Алиев хотел назвать и Хайяма, но его остановил предостерегающий взгляд мударриса).

Голос Умара звучал уверенно. Стихи он читал наизусть — выразительно и красиво.

Закончив свое сообщение, Умар взял с кафедры тетрадь. Он чувствовал, что маленькое литературно-историческое исследование, результатом которого явился его только что произнесенный реферат, удалось. Свидетельством этого было внимание, с которым его слушали все. Даже сын кадия, вначале прерывавший Умара своими репликами, настолько оказался захваченным повествованием, что даже раскрыл рот и так сидел, слушая того, кого считал своим противником по духу и положению.

После окончания урока мударрис подошел к Умару.

— Слушай, Умар, — сказал он. — Почему бы тебе не подготовить свое сегодняшнее сообщение о Низами к опубликованию? Его с удовольствием напечатают в Тифлисе или даже в Петербурге. Хотя воспитанникам медресе нельзя посылать свои литературные или научные опыты для публикации в светских изданиях, можно обойти этот запрет, попросив редакцию поставить под статьей какое-нибудь вымышленное имя. Я помогу тебе в этом.

— Дорогой учитель! Я благодарен вам за похвальный отзыв о моем реферате, но думаю, что он нуждается в существенной доработке, печатать его нельзя.

— Не слишком ли ты скромничаешь, Умар? Я понимаю — скромность, конечно, украшает человека...

— Это не ложная скромность, Муса-эфенди. Надо еще много работать, — твердо сказал Умар.

К Мусе Сайфуллину подошел служитель и сказал, что его приглашает к себе старший мударрис.

Умар вышел из медресе и направился на свою квартиру — он снимал маленькую комнатку с обедом и ужином вблизи училища. Платил он за нее уроками, которые давал десятилетнему сыну хозяина дома.

* * *

— Да, Юнус, если наши мозги так же тучнеют, как тощают наши желудки, то я благодарен аллаху даже за этот скромный ужин.

Умар улыбнулся, отправив в рот последние крохи кукурузной лепешки и молодого сыра. Юноша встал из-за стола, а за-

тем примостился на своей жесткой койке, раскрыв небольшую книжку.

— Что это за книжка у тебя, Умар? Ты слишком часто к ней обращаешься. Ее можно было бы перечитать от начала до конца за это время уже добрый десяток раз.

— О, Юнус, если бы наш муталиб узнал о том, что я храню эту книжку, меня бы с позором изгнали из медресе.

— Зачем же ты читаешь ее?

— Ты не выдашь, муталиб не увидит, сама книжка к нему не придет. Чего же мне бояться? А книжку эту написал почти двести лет назад французский философ-просветитель Гольбах, называется она «Карманное богословие».

— Богословие? Так его мы даже обязаны изучать.

— Эх, Юнус, Юнус. Чистая у тебя душа, но уж настолько чистая, что на ней можно написать какую угодно чепуху и чушь. Пора ведь понять, что мудрость житейского познания заключается не в одном коране и не в пространных проповедях наших духовных наставников. Вот, к примеру, у всех людей имеется потребность в еде. Почему же мы с тобою довольствуемся крохами прогорклой лепешки и еще не дозревшего сыра, а нашим почтенным наставникам жарят на вертелах сочных куропаток, приправляя их гранатовым соком и не жалея отборного кишмиша?

— Брат мой, Умар! Но ты ведь знаешь, что всевеликий аллах разделил людей на более достойных и менее достойных, что здесь, на греховной Земле, мы проводим лишь ничтожную долю жизни, уготованной нам. И потом, ты сам намекнул, что телесный голод помогает просветлению и обогащению разума.

Умар звонко расхохотался:

— Юнус, дорогой мой светоч доверчивости! Благо наше, что скоро Курбан-Байрам, к нам в медресе усердные богомольцы понанесут кое-какой снеди. А без этого наши утяжеленные головы не удержатся на слишком отощавших шеях. А «Карманное богословие» помогает держать голову выше!

* * *

Праздновался третий день Курбан-Байрама. Перед медресе толпились мужчины в черкесках и чохах. На глинобитных заборах, окаймлявших площадь, сидели и стояли женщины, с укрытыми до самых глаз лицами. В толпе сновали неугомные ребятишки.

Уже закончились скачки. Все ожидали скорого начала «гвоздя программы» — состязания борцов, или, как их тут называли, «пехлеванов».

Вряд ли жителям Дагестана, Терека, горного Прикубанья были известны правила французской борьбы. Лишь немногим из них довелось побывать в цирке. Однако условия борьбы, практиковавшейся здесь, были строги и неукоснительны, хоть и несколько отличались от общепринятых.

Наиболее удачливых, ловких и сильных борцов знали все. Вокруг каждого из них стояла тесная кучка поклонников.

Вот молодежь окружила Мухтара Исмаилова — бойщика скота с местной колбасной фабрики. Мухтар — огромный, в узкой неподпоясанной рубахе и шароварах, заправленных в цветные шерстяные носки, — расправляет плечи, и видно, как под рубахой играют могучие мускулы.

По местным правилам пояс надевать нельзя. Борец может свалить соперника, лишь направляя свои усилия на его тело, но не на предметы одежды.

Группа мужчин более взрослых ведет оживленный разговор с Сафаром Касымовым. Внешне Сафар не так выделяется могуществом своего телосложения, как Мухтар, но знатокам известны его спортивные качества.

У самых ворот медресе виднелась худощавая, но плотная, крепко сбитая фигура Умара Алиева. Даже его соученики сомневались в победе своего однокашника и заключали грошовой пари на то, сколько минут продержится Умар в поединке с Мухтаром или Сафаром.

Накануне вечером предприимчивый Юнус обошел все конурки, где жили ученики медресе, собирая для своего друга, где кусок вяленой баранины, где курдючного сала или пшених лепешек, и обеспечил Умару не только ужин, но также завтрак и обед перед ответственным поединком.

И вот затрещали трещотки, загремели барабаны и бубны, пронзительно заныли звуки зурны. Голос главного судьи — местного скупщика кож — зычно объявил о начале состязаний.

Заранее было известно, что главным призом победителю будет годовалый, хорошо откормленный бычок, который давно уже мычал, привязанный толстой веревкой к стволу старого тополя.

Первые схватки были недолгими, особого интереса зрителей не вызывали.

Но вот для сражения с последним из победителей вышел

Мухтар. Не прошло и минуты, как его соперник, плечистый и головастый чабан из соседнего аула, был уже повержен.

Мухтар не выпил даже глотка воды. Эта короткая схватка ничуть не утомила, а, наоборот, возбудила его перед решающим поединком.

Он и Сафар долго ходили один перед другим, то подсучивая рукава, то несколько протягивая вперед руки. Трудно было уловить миг, когда борцы вдруг сцепились, и их тела слились, казалось, в единый, нерасторжимый монолит. Тяжело переступая ногами, прочно и упруго упиравшимися в землю, не разнимая рук даже для того, чтобы отереть обильно струящийся по лицам и шеям пот, они походили на двух гигантов, решивших вколотить в каменный грунт один другого.

Вдруг, резким наклоном корпуса в сторону, Мухтар оторвал Сафара от земли. Еще мгновение — и Сафар уже лежал на спине, лишь голова и лопатки были приподняты в нечеловеческом напряжении.

Площадь, затаив дыхание, ждала. Не было сомнений — через минуту главный судья поднимет руку победителя — Мухтара.

Но произошло неожиданное: Сафар, воспользовавшись преждевременной расслабленностью соперника, сделал вдруг титанический рывок, корпус Мухтара описал дугу в воздухе, и вот он уже лежит на лопатках.

Как лавина, сорвавшаяся с гор, заревела многосотенная толпа. Кто-то из помощников судьи уже отвязывал от тополя бычка, а сам главный судья подошел к Сафару, чтобы поднять его руку.

По законам состязаний судья обязан был еще спросить, нет ли желающих сразиться с победителем последнего поединка. Но все считали, что такой вопрос пуст и излишен: кто посмеет выступить против Сафара, перед которым не устоял даже Мухтар.

И, к великой неожиданности всех собравшихся, в ответ на чисто формальный вопрос главного судьи раздался спокойный, уверенный голос:

— Я хочу побороться с почтенным Сафаром.

И вперед выступил Умар Алиев. Одни смотрели на него с удивлением, другие с сожалением покачивали головами, находились и такие, что с усмешкой приставляли указательный палец ко лбу.

Сафар со скептической усмешкой смерил взглядом юношу с головы до ног, по обычаю подал ему руку и тут же, отойдя лишь на шаг, свирепым барсом кинулся на Умара. Юноша уклонился от этого броска, и Сафар чуть не упал, наткнувшись на пустоту.

Юнус и другие соученики Умара надеялись лишь на его ловкость, но каковы были их удивление и неподдельный восторг, когда Умар Алиев сжал тело Сафара так, что лицо надменного соперника побагровело, ноги утеряли свою стойкость, а через пару минут правую руку Умара Алиева уже поднял главный судья. Левая рука победителя сжимала веревку, к которой был привязан годовалый бычок.

Вечером в медресе шел пир горой. И вареное, и жареное мясо, и благоухающий бульон в пиалах услаждали взоры и желудки друзей Умара. Оставшееся мясо решено было разрезать на куски и провялить.

Больше всех торжествовал сам Умар. Ему была приятна не столько одержанная победа, сколько радость, доставленная товарищам, изголодавшимся по настоящей еде.

— Ешьте, друзья! Теперь нам хватит мяса на много дней. А там, глядишь, милосердный аллах вновь нам чем-нибудь поможет! Хотя, — Умар лукаво усмехнулся, — не часто жалует он нам, правоверным, такие милости.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

В последний четверг апреля к концу занятий в класс пришел важный, всегда подчеркивающий свое мнимое превосходство мутавалий.

— Завтра — наша святая мусульманская пятница. Но занятий не будет не только завтра...

И хотя все студенты медресе знали о предстоящих каникулах, мутавалий, считавший их несмышленышами по сравнению с собой, стал поучающе объяснять:

— Послезавтра, 30 апреля, — день начала нашей мусульманской эры, день бегства посланца всевеликого аллаха — Мухаммеда из Мекки в Медину. 2 мая — день рождения святейшего и мудрейшего Мухаммеда и день его кончины. 4 мая — день восшествия на престол первого халифа Абубекира. Все дни за-

нятий в медресе не будет. Но каждый из вас должен это время провести в усердных молениях, причем утром и вечером каждого дня — в нашей мечети. Я лично буду проверять, насколько вы соблюдаете установления ислама, повеления аллаха, наставления Мухаммеда и поучения корана!

Поднялся Умар Алиев.

— Мутавалий-ага, я прошу вашего разрешения на эту святую неделю отлучиться из Аксая.

— Куда это ты вздумал отлучаться? — прокричал мутавалий. Но осекся, с опозданием увидев, что с просьбой обращается студент, к которому даже он, вопреки своему самомнению, относился с вынужденной уважительностью.

— Говори, Умар. Какая причина вынуждает тебя не принимать участия в наших общих молениях?

— Я должен побывать в родном ауле, дома. Получил весточку, что...

Умар хотел сказать, что кто-нибудь из родных нездоров, но устыдился выдумки о мнимом нездоровье дорогих сердцу людей. А солгать было необходимо.

— Я получил весточку, что в день рождения пророка Мухаммеда в нашем ауле открывается новая мечеть, и я желаю быть на первом богослужении.

— Гм... Похвально! Я одобряю твое богоугодное стремление. Ты, Умар — украшение нашего знаменитого медресе. Тебе недоставало лишь одного: более прилежного соблюдения предписанных кораном обрядов. И отрадно видеть, что этот изъян ты стараешься ликвидировать. Хвала аллаху, поправившему тебя на твоём пути! Разрешаю. Даже, если тебе придется задержаться — еще бы, такое торжество, новая мечеть! — можешь на два—три дня продолжить свое пребывание дома.

В тот же день Умар был на железнодорожной станции Хасав-Юрт. Но, убедившись, что за ним никто не наблюдает, он, пройдя к билетной кассе, попросил билет не до Невинномысской или Кисловодска, откуда удобнее всего добираться до Картджурта, а в противоположную сторону — до Темир-Хан-Шуры.

Утро 30 апреля 1914 года в Темир-Хан-Шуре выдалось удивительно прозрачное, солнечное, безветренное. Легкая прохлада бодрила, поднимала настроение. У собора в центре небольшого города, скорее похожего на гарнизонное поселение из-за обилия военных, толпился народ. Празднично звонили колокола. У православных была пасхальная неделя.

Мусульмане не менее торжественно отмечали день бегства Мухаммеда из Мекки в Медину. Мечети были заполнены молящимися, муллы изнемогали от длительной службы, муэдзины надрывали голоса, призывая правоверных к молитве.

У горских евреев, составлявших довольно многочисленную прослойку населения Шуры, тоже был праздник — суббота. Бакалейные и мануфактурные лавочки, ювелирные и портняжные мастерские были закрыты, а хозяева их сидели по домам в приличествующем святому дню бездельи и безмолвии.

Но были в Шуре, как и во всех других городах России, люди, для которых 30 апреля было тоже торжественным днем, но не в силу религиозных традиций. Эти люди — русские, кумыки, аварцы, даргинцы, горские евреи — готовились отметить свой общий праздник — 1 Мая.

...К небольшому, аккуратному одноэтажному особняку на тихой Барятинской улице подошли двое. Одному из них было на вид лет девятнадцать — двадцать, другому — побольше, лет около двадцати пяти. Тот, что помоложе, был одет в обычный наряд горца: недорогой серый бешмет, перехваченный по узкой талии наборным кавказским поясом, мягкие юфтевые сапоги, кубанка из серого же каракуля. На стройном, высоком его спутнике была студенческая тужурка с вензелями Императорского Московского университета, брюки с узким синим кантом вправлены в хромовые сапоги. Под козырьком студенческой фуражки поблескивали стекла пенсне со свисающей золотой цепочкой.

— Вот мы и пришли, — мягким, приятным голосом сказал студент и потянул за рукоятку звонка, свисавшую сбоку двери.

— Не буду ли я лишним, Уллубий? — нерешительно спросил юноша в бешмете. — Ведь я никого не знаю из тех, что будут здесь.

— Оставь, Умар! Достаточно того, что я знаю тебя, а познакомиться с моими друзьями — дело несложное.

Умару вспомнился зимний январский день этого года, когда произошло его неожиданное знакомство с Уллубием.

Придерживаясь совета Расула-эфенди об осторожности в переписке, Алиев свои письма отправлял не из Аксая, а добирался в таких случаях до Хасав-Юрта и здесь опускал конверты, на которых не ставил обратного адреса, в щель почтового вагона проходивших через станцию поездов на Ростов. Писал Умар не слишком часто и только в три адреса: в Чегем — Салиху и двум приятелям по учебе.

И вот, прогуливаясь по пустому перрону станции Хасав-Юрт в ожидании проходящего поезда, Умар увидел высокого молодого человека в студенческой шинели, с не слишком часто встречающимся в этих краях пенсне на длинном бритом лице.

В руках у молодого человека был небольшой саквояж. Когда Умар проходил мимо незнакомца, тот вежливо обратился к нему:

— Извините, пожалуйста, нет ли у вас спичек?

— Я не курю.

— Вот досада! Как я забыл взять с собой спички? Придется спросить у кого-нибудь из работников вокзала — ведь пассажиров, кроме меня и вас, никого больше нет. Вы едете тоже в сторону Баку?

— Нет, в сторону Ростова, — невольно краснея за свою ложь, ответил Умар.

— А я домой, в Темир-Хан-Шуру. Учусь в Москве, у нас каникулы, и вот я, по пути домой, остановился здесь, чтобы повидать родственников. А вы живете здесь?

— Нет, я учусь в недалеком отсюда селении Аксай, в медресе.

— О! По вашему, несколько не отрешенному от жизни виду трудно предположить в вас будущего муллу.

— А я и не собираюсь быть муллой. Медресе дало мне возможность познать арабский и турецкий языки, а также весь круг обычных для высшего мусульманского духовного училища наук: арабскую грамматику, мусульманскую этику, риторику, логику, восточную литературу, юриспруденцию и, конечно, все тонкости мусульманского вероучения. Видите, какой я ученый человек! — Умар прониически усмехнулся.

Он как-то сразу почувствовал доверие к собеседнику и жалел о том, что солгал о поездке в сторону Ростова.

— Да, круг наук, действительно, широкий! У нас в университете изучается меньшее количество дисциплин.

— Университет! Я б с удовольствием учился не в медресе, а в университете, но, к сожалению, и та возможность, которой я теперь пользуюсь, досталась мне с большим трудом. Даже от родителей пришлось удрать тайком...

И Умар рассказал вкратце историю своего поступления в Нальчикское медресе.

— Но почему же вы теперь в Аксае?

И, как ни странно, Умар, забыв наставления Расула-эфенди об осторожности, влекомый интуитивной магнетической тягой к

человеку, даже имени которого он еще не знал, поведал о причинах бегства из Нальчикского медресе.

Рассказал — спохватился. «Что я наделал? Глупый ишак, не можешь держать язык за зубами!» — ругал он себя в душе.

Но, взглянув в лицо собеседника, видя, как потептели его глаза под стеклами пенсне, понял, что опасения напрасны. Сочувствие и молчаливое одобрение читались в умном и приветливом взгляде студента.

Так они вдвоем вошли в небольшое здание вокзала. В зале был только один человек — станционный жандарм, стоявший у окошка билетной кассы, и о чем-то оживленно разговаривавший с невидимой собеседницей. То, что жандарм говорил именно с женщиной, угадывалось по его грубоватой галантности, по жестам руки, то и дело подкручивавшей упрямо опустившиеся книзу кончики длинных усов.

Он-то и дал прикурить спутнику Умара. Потом спросил:

— Вы не на Баку ждете поезда?

— Я на Баку, а мой товарищ — на Ростов.

Жандарм подозрительно посмотрел на смущенного юношу, собравшегося в путь без всякого багажа.

— Ростовский будет через полчаса, а вам, молодой человек, придется отложить свою поездку до самого позднего вечера. Только что получена телеграмма по линии, что дневной бакинский поезд задерживается из-за неисправности пути, так что придется ехать, — жандарм достал из кармана массивные часы, — в десять вечера.

Когда Умар и раздосадованный его спутник вновь вышли на присыпанный легким снежком перрон, московский студент поправил пенсне и, дымя длинной папирсой, вздохнул:

— Придется возвращаться к родственникам: ведь не торчать здесь до десяти вечера! Как жаль, что вы через полчаса уезжаете.

Теперь же Умар решил сказать правду о цели своего прихода на станцию.

Молодой человек шутливо укорил юношу в обмане, а потом, глядя задумчиво в пространство, вымолвил:

— Боже мой, в какое время мы живем! Даже переписываться с близкими и дорогими нам людьми должны тайно! Но ведь не вечно же будет продолжаться эта жизнь исподтишка, если можно так выразиться? Не так ли? Знаете что, после того, как подойдет поезд на Ростов и вы отправите письма, пойдете со мной к моим родственникам. Мне приятно беседовать с

вами и не хотелось бы, чтобы наша встреча была последней. Кстати, я до сих пор не представился. Зовут меня Уллубий Буйнакский. А вас?

— Умар Алиев.

— Вот и познакомились! Итак, вы согласны скоротать со мной время до вечера?

— Конечно же, согласен, Уллубий.

— Вот и прекрасно!

Эта встреча, положившая начало их знакомству, стала поворотной в жизни Умара. Беседа с Уллубием была как струя свежего воздуха в знойный день.

И вот новая встреча. Умар Алиев шел с Уллубием к его друзьям.

В скромно обставленной большой комнате на стульях, придвинутых к стенам и на длинном диване расположились десятка полтора незнакомых Умару людей. Посреди комнаты, у покрытого шелковой с узорами скатертью стола сидел человек. Он пристально, как показалось Умару, посмотрел на него, потом приветливо улыбнулся.

— Вот и Уллубий! Мы уж думали, не случилось ли чего с тобой! Ведь ты всегда так аккуратен и пунктуален! — раздались возгласы присутствующих.

— Прошу простить меня, товарищи. Пришлось долго приглашать моего стеснительного друга.

Умар чуть не провалился от нахлынувшего чувства стыда и умоляюще посмотрел на Уллубия.

— Знакомьтесь, товарищи. Это тот самый Умар Алиев, который из пастыря бессловесных телят решил стать пастырем не менее бессловесных верующих людей.

Умар вскипел. Чувство негодования побороло стыд.

— Зачем ты говоришь неправду, Уллубий? Ведь тебе известно, что я отнюдь не собираюсь стать муллой!

К Умару подошла, встав с дивана, миловидная девушка с длинными косами. На плечи ее был накинут кашемировый платок.

— Не сердитесь, Умар! Уллубий любит пощекотать нервы своих друзей. И чем ближе ему друг — тем чаще наше московское светило обжигает его нещадными лучами своих острот... Мы ведь узнали о вас все задолго до сегодняшнего дня. Разве стали бы мы терпеть присутствие здесь будущего муллы?

Умар успокоился. Уллубий, взяв его за локоть, усадил рядом с собою на оставшуюся свободной низенькую софу.

— Можно продолжать? — обратился ко всем стоявший у стола человек. Только теперь Умар сумел разглядеть его и увидел в этом русоволосом, в синей косоворотке с расстегнутым воротом юноше своего ровесника.

— Продолжай, Борис, мы слушаем тебя!

— Борис Шеболдаев, — тихонько шепнул Умару Уллубий. — Приехал из Петербурга. Работает в редакции газеты «Правда».

— Итак, товарищи, не каждый, называющий себя марксистом, является таковым на самом деле. Господа меньшевики иступленно клянутся в своей верности Марксу и Энгельсу, но для них эти имена давно стали только завесой, которой они стараются прикрыть свою антимарксистскую сущность!

— Ты клеветешь на нас, Борис! — не поднимаясь со стула, прервал оратора сидящий в углу у окна щеголевато одетый в модную шевиотовую тройку с аккуратно повязанным галстуком молодой брюнет с короткими усиками и клинообразной бородкой. — Не забывай, что первым марксистом в России был и остается Плеханов — один из наших лидеров.

— Мы не отрицаем заслуг Георгия Валентиновича в распространении марксизма в России. Но Плеханов оказался во власти оппортунистических настроений, которые заразили западно-европейскую социал-демократию и оторвали ее от истинного марксизма, как и наших отечественных лжемарксистов, вроде Мартова, Дана, Церетели. Плеханов разделяет оппортунистические взгляды меньшевизма, его оппортунизм ясно проявляется и в таком важном вопросе, как право наций на самоопределение. А этот вопрос имеет особенно важное значение для национальных окраин России, в частности, для Кавказа.

В апрельском номере журнала «Просвещение» напечатано начало работы Владимира Ильича Ленина «О праве наций на самоопределение». В последующих номерах публикация этой работы будет продолжена. В редакции «Правды» мы внимательно ознакомились с полным текстом ленинской рукописи.

В то время, как меньшевики пытаются оправдать свои шовинистические, чисто националистические тенденции, Ленин по-иному рассматривает вопрос о праве наций на самоопределение. Я сделал выписки из этой работы. Ленин пишет:

«В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революция в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего «востока». И в этой

цени событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе».

Ленин делает выводы:

«С точки зрения теории марксизма вообще, вопрос о праве самоопределения не представляет трудностей...

Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классово-борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача. Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации».

Вот, товарищи, подлинно марксистский подход к решению одного из важнейших и насущнейших вопросов современной революционной борьбы!

По докладу Шеболдаева развернулся оживленный обмен мнениями, которые резко разделились. Одни выступающие горячо солидаризировались с ясной, четкой, убедительно мотивированной позицией большевиков, выраженной их вождем Лениным. Другие безуспешно пытались найти слабое звено в этой нерасторжимо спаянной логической цепи рассуждений и выводов.

Умар, уже вполне освоившийся среди новых друзей, захваченный неопровержимой правотой ленинских идей, попросил слова.

— Я лишь недавно стал приобщаться к марксизму. Работа, выдержки из которой сообщил нам товарищ Борис, не может оставить равнодушным ни одного искреннего борца за подлинное народное счастье. И я прежде всего примеряю указания Ленина к судьбе того маленького народа, к которому принадлежу. Владимир Ильич учит нас творчески подходить к идейному наследию Маркса и Энгельса. Вот такой же творческий подход я стараюсь, в данном случае, проявить и к положениям, высказанным товарищем Лениным в данной работе.

Карачаевский народ и прежде всего его трудовое, эксплуатируемое большинство может добиться своей свободы и счастья только в теснейшем союзе с трудовыми классами всей страны, в первую очередь с трудящимися русскими. Самоопределение карачаевского народа может быть выражено лишь в форме автономии в рамках свободной России. Ни о каком отделении для Карачая не может быть и речи, ибо он станет добычей империалистических хищников. К тому же, отсутствие рабочего класса, забитость и неграмотность карачаевского крестьянства в рамках обособленного карачаевского государства сделали бы возможным еще большее усиление эксплуатации и паразитизма со стороны нашей национальной знати и богатеев. Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что Ленин именно так подразумевает решение вопроса о самоопределении наций: в каждом случае надо подходить с точки зрения конкретных условий, с точки зрения конкретных интересов каждой нации в сочетании с общими интересами всего трудового народа.

— Вы совершенно правы, Умар, — сказал Шеболдаев, — вы рассуждаете с ясным пониманием конкретных условий борьбы за национальное и социальное освобождение...

По домам расходились около полуночи. Умар ушел вместе с Уллубием Буйнакским, у которого остановился в Темир-Хан-Шуре. До самого дома Уллубия с Умаром проводили Борис Шеболдаев и коренастый, с большими усами кумык в коричневой черкеске и папахе — Джелал Коркмасов, ушедшие потом в одну из боковых улиц.

Почти до рассвета не спал молодой горец. Он думал о своих новых друзьях. И смелые мысли будоражили пытливый ум.

ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

Почти два года шла война. В большой кумыкский аул Кумторкала приходили вести об отступлении русских войск на германском фронте, о тяжелых боях в труднодоступных горных районах восточной Турции. Местные муллы и приехавший в аул воинский начальник агитировали «отважных джигитов» идти добровольцами в «дикую дивизию», однако желающих оказывалось ничтожно мало.

Вздорожала жизнь. Купцы и лавочники заламывали бешеные цены на предметы первой необходимости. Трудно стало доставать керосин, соль, спички. Будущее жителям аула рисовалось неопределенным и ничего хорошего не предвещало.

Умар Алиев год назад блестяще выдержал экстерном экзамены, получил звание преподавателя восточных языков. Джелал Коркмасов, уроженец Кумторкалы, предложил Умару учительствовать в этом ауле. Алиев с благодарностью принял предложение шурина знакомого, с которым уже почти два года поддерживал переписку. Джелал дружески предоставлял Умару жилье и стол в доме своих родных.

Не терпелось побывать в Картджурте, в Теберде, в Чегеме, в Нальчике — повидать отца и мать, братьев и сестру, Хызыра Халилова, Салиха, Расула-эфенди.

Год назад, весной 1915 года, получил Умар печальное известие: в Картджурте умер его старший брат Локман.

Старания Умара ввести в школе прогрессивные методы преподавания натолкнулись на отчаянное сопротивление начальства. Особенно ярким противником всего нового был мусульманский законоучитель, видевший не без оснований в намерениях молодого, энергичного, высокообразованного горца угрозу древним устоям, на которых держалось обучение и воспитание аульских детей.

Тогда Алиев при посредстве Коркмасова получил денежную помощь от одного из активных участников революционной организации Махача Дахадаева — владельца кинжального завода. Это дало возможность учителю открыть в Кумторкале частную новометодную школу.

Поначалу в новую школу поступило лишь несколько учеников. Но уже через месяц после начала занятий родители этих детей убедились, что Умар-мугалим дает такие твердые и нужные знания, которые немислимо получить в обычной школе. Добрая слава распространилась по аулу и округе, и скоро в двух классных комнатах арендуемого Умаром дома стало тесновато.

С утра до вечера Алиев неотлучно был с учениками, до поздней ночи просиживая над их тетрадами. К этой большой нагрузке добавлялось то, что жадная к знаниям и самоусовершенствованию натура молодого учителя не оставляла его равнодушным ни к сокровищам, уже накопленным историей развития науки, ни ко всему новому, что открывалось в ней. Все скромные свои средства, часть которых приходилось, несмотря на

поддержку Махача Дахадаева, вкладывать в содержание школы, Умар расходовал на приобретение книг, на газетную и журнальную подписку. Кроме того, он регулярно посылал немного денег матери.

Но было еще одно дело, которое Умар Алиев считал для себя самым главным. По пятницам, когда кумторкалинцы отдыхали от тяжелого и приносящего мало радости труда, в доме родителей Джелала Коркмасова, где жил Умар, собирались люди, число которых медленно, но неуклонно росло. Любопытным кумторкалинцам посетители собраний объясняли, что Алиев создал своеобразную школу грамоты для взрослых.

Не только любопытные, но и сообразительные кумторкалинцы, слыша такое объяснение, покачивали головами: в доме Коркмасова собирались люди, умевшие не только читать и писать, но и слывшие в ауле если не учеными, то весьма незаурядными грамотеями.

В эту пятницу Умар с удовлетворением отметил присутствие еще одного новичка. О нем он знал уже несколько дней. Привел его на собрание местный кузнец с разрешения товарищей по кружку.

«Растут наши ряды,— думал Алиев,— а ведь сколько в России аулов, станиц, селений, городов, где есть кружки, подобные нашему. Если каждый кружок так же увеличивается, пополняется новыми членами, как наш, то нетрудно представить себе, какая могучая революционная армия встает на борьбу за освобождение трудящихся и угнетенных!»

— Сегодня, товарищи,— обратился к собравшимся Умар после того, как прошла обычная беседа об аульских делах, о войне,— я познакомлю вас с новой книгой Владимира Ильича Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», недавно напечатанной за границей. Значение этой книги особенно велико потому, что она вышла в разгар кровавой мировой войны, развязанной империалистами, войны, трагические результаты которой ощущаем и мы, живущие в далеком от центра страны ауле. В своей книге Ленин во всей полноте раскрывает звериную сущность империализма.

Умар доходчиво рассказывал о содержании книги Ленина. Идеи революционной борьбы, объединения сил трудящихся пробуждали сознание горцев, освещали путь к свободе, к лучшей доле.

Убедительно, страстно звучит голос Умара Алиева:

— Кавказ — колония русского царизма. Но ведь царизм — это враг и для русских рабочих. А вот у трудящихся горцев и у русских рабочих интересы общие. Глубоко вдумайтесь в это. Стало быть, трудящимся Кавказа в тесном союзе с русскими рабочими следует активизировать борьбу за свои права. Вы, друзья мои, должны не только сами участвовать в этой борьбе, но и умело разъяснять другим горцам, где наши враги, а где — друзья, привлекать на нашу сторону все новые и новые массы угнетенных, несущих двойной гнет: со стороны русского царизма, русских капиталистов и со стороны национальной знати, национальной буржуазии.

— Вот мы, Умар, здесь каждую пятницу беседуем, слушаем все, что ты нам так убедительно, справедливо и понятно рассказываешь, — Керим встал и, глядя на Алиева прямо и решительно, говорил резким голосом, — а богачи все равно не дадут нам ни клочка земли! Богач даже умирающему бедняку и крошки не даст! Надо за шашки браться, головы рубить кровососам, будь у каждого из них хоть по двенадцати голов!

— Ты справедливо рассуждаешь, Керим. Только насильственным путем трудовой народ может отобрать у эксплуататоров то, что они награбили. Так оно и будет. Ведь Ленин, большевики призывают трудящихся России превратить войну империалистическую в войну гражданскую.

* * *

Уже несколько месяцев Умар Алиев преподавал арабский и турецкий языки в Тифлисе. Здесь он близко сошелся с представителями передовой интеллигенции. В журнале, выходящем на азербайджанском языке и поэтому менее подверженном репрессиям военной цензуры, за подписью Алиева появилось несколько статей. Рассказывая о бедственном положении карачаевских бедняков и батраков, Умар делал ясные каждому читателю обобщения, бичевавшие не только местных, но и вообще всех эксплуататоров.

В один из свободных вечеров Умар Алиев пришел в большой зал Тифлисского купеческого собрания. Приехавший из Петербурга известный искусствовед должен был читать здесь лекцию о восточном искусстве.

Лекция только началась, когда Умар вошел в многолюдный зал.

Умар много читал о восточном искусстве, ему не раз приходилось разговаривать и спорить с людьми, выдававшими себя за знатоков культуры Востока, и с настоящими знатоками. Но, тем не менее, он с глубоким интересом слушал искусствоведа. Ведь в его сознании все больше зрела мысль создать книгу о родном народе, о Карачае. Эта книга должна быть своего рода энциклопедией о природе, истории, современности Карачая. В ней задуман был также раздел о языке и культуре карачаевцев. Надо было копить и бережно отбирать материал, необходимый для создания такой книги.

Умар был не согласен с некоторыми социально-историческими концепциями лектора, но интересные факты и, главное, тонкая и объективная характеристика искусства привлекли его внимание. Он весь превратился в слух, время от времени делая записи карандашом в специально взятой с собой тетради.

Перед мысленным взором Алиева возникали пышные дворцы и стройные минареты. Искусствовед уводил слушателей в магнетизирующий мир прекрасного. Карандаш Умара проворно бегал по листам линованной бумаги.

После окончания лекции Умар медленно шел по набережной Куры, размышляя о том, что его родному Карачаю мусульманское искусство не дало равным счетом ничего, кроме хмурых, мрачных мечетей. Талантливый народ вкладывал свою тягу к прекрасному в художественные ремесла, в искусную отделку одежды, домашней утвари, оружия.

Через некоторое время Умар принес рукопись своей статьи о народном искусстве Карачая в редакцию журнала. Редактор вежливо отказал Алиеву, ссылаясь на то, что материалом он уже располагает на несколько номеров вперед.

Когда Умар выходил из редакции, ему все стало ясно: подошедший к нему молодой сотрудник отдела этнографии тихонько, доверительно сообщил, что на днях редактора вызывал к себе сам председатель Закавказского суннитского духовного правления муфтий Гусейн Эфенди Габиев и сделал разнос за опубликованные в журнале статьи Алиева. Муфтий предупредил редактора, что им сделано официальное заявление в полицию о подозрительном карачаевце, использующем печать для возбуждения народа против правительства и самодержавия.

— Будьте осторожны, — сказал в заключение молодой журналист.

На другой день Умар Алиев ехал в вагоне третьего класса с билетом до Уфы.

В Уфимской семинарии «Османие» шел богословский диспут преподавателей. Было 13 сентября 1916 года — день чудесного вознесения пророка Мухаммеда из Мекки в Иерусалим и студа — к престолу аллаха. Чудо этого вознесения и было темой диспута.

Почтенные и ученейшие мужи — гордость славящейся во всем мусульманском мире семинарии «Османие» превозносили божественную силу Мухаммеда, говорили о величии его чудесного полета над Землей и в недосыгаемую обитель вездесущего аллаха.

Слово взял самый молодой из допущенных к участию в диспуте преподаватель восточных языков и арабской литературы Умар Алиев.

По установившейся с давних времен непререкаемой традиции участника богословского диспута никто не смел прерывать. Следовало выслушать оратора до конца, даже если его речи неуютны слушателям. В зале, кроме преподавателей, находились студенты семинарии и гимназисты старших классов — башкиры и татары.

— Люди издавна, — начал Умар свою речь, — в поэтические сказания и предания вкладывали мечту о проникновении в недоступную небесную высь. В этой мечте отражалась интуитивная вера в неминувность полновластного господства человека над природой. Недаром в преданиях и сказках едва ли не всех народов говорится о «ковре-самолете», что по слову человека «в небо подымет, по всему свету повезет», о «золотой скамейке», что «вдруг сама собой стала в небо подниматься», о легендарных героях, строящих столб «до самого неба», «в мгновение ока» преодолевающих пространство «в сто лет пути».

Народ создал образы замечательных героев — титанов, решивших достать с неба «траву рождения» или жизненно необходимый людям огонь. В их числе герой древневавилонской поэмы Этана и легендарный Амирани — центральный образ одноименного старейшего грузинского и осетинского эпоса, сходный с античным Прометеем, а также герои нартских сказаний кабардинцев, черкесов, карачаевцев Сосурка и Насран Длиннобородый. «Только сила человека на Земле достойна славы!» — восклицает нарт Сосурка...

— В народном эпосе ярко и поэтически выражена мысль, что на каких бы высотах ни обитало счастье, оно будет добыто

человеком и именно тем, кто не охвачен пустой гордыней мелкого тщеславия и стяжательства, а движим благородными мыслями о благе народа.

Религия и церковь издавна объявили небо таинственным обиталищем богов, сверхъестественной «силы», просторами, яковы, недоступными и запретными для человека...

Более получаса говорил Умар, заключив свое выступление словами:

— Все большее число людей начинает понимать, что религиозные вымыслы — плод невежественного заблуждения или жестокого обмана. При всей своей цепкости и живучести религия сдает позиции.

Умар собрал на кафедре и сунул в карман сюртука листочки с тезисами своего выступления и обвел взглядом, выразившим решительность, переполненный зал, ожидая полагавшихся по канонам диспута вопросов. Он знал, чего ему следует ожидать от яростных фанатиков, выступавших перед ним со схоластическими умствованиями о «великом мирадже всевеликого Мухаммеда».

И вдруг в задних рядах зала, заполненных семинаристской и гимназической молодежью, раздался взрыв дружных рукоплесканий.

Сидевшие на сцене за столом, покрытым зеленым бархатом, «ученые мужи» грозно нахохлились и зашущукались между собой. Их единомышленники, занимавшие первые ряды зала, яростно повскакивали с мест, обернулись к аплодирующей части зала и, потрясая кулаками, стали выкрикивать оскорбления и угрозы. Поднялся невообразимый шум, никак не соответствовавший задаче, поставленной инициаторами и организаторами диспута.

Умар Алиев, или, как он именовал себя в Уфе после вынужденного исчезновения из Тифлиса, — Гумар Галави, спокойно и невозмутимо стоял за кафедрой.

Шум наконец смолк. За зеленым бархатом стола тяжело встал ректор семинарии «Османие».

— У меня только один вопрос к Гумару Галави: мусульманин он или не мусульманин? Прошу ответить.

— Я не скрывал своего отношения к исламу, как и ко всякой другой религии. Вы помните, господин ректор, нашу беседу, когда вы интересовались причинами непосещения мною мечети? Я прямо вам ответил тогда, что к верующим в бога себя не отношу. Точно такой же ответ я даю вам и сейчас.

— А вы, Гумар Галави, помните, чего потребовал я от вас во время упомянутой вами беседы? Я сказал, что достославная «Османие» не хотела бы расстаться с высокообразованным и пользующимся уважением и успехом у студентов преподавателем восточных языков и литературы. Я посоветовал вам держать свое неверие при себе, не высказывать его, а тем более не заражать студентов омерзительной язвой богоотступничества. Но вы преступили черту, вы использовали эту высокую трибуну, с которой произносились лишь угодные аллаху речи, для пропаганды безбожия. Вы не убоялись и не постеснялись не только опровергать неопровержимые истины, дарованные нам аллахом и его посланником Мухаммедом, но и публично поносить, злобно оскорблять бога и пророка. Я обращаюсь к моим уважаемым коллегам с вопросом: возможно ли дальнейшее пребывание Гумара Галави в стенах «Османие?»

— Поддерживают ли почтенные коллеги мое непререкаемое решение считать с этого момента Гумара Галави свободным от исполнения преподавательских обязанностей в «Османие?»

На сцене и в первых рядах зала все головы наклонились вниз в знак согласия. Казалось, словно в руках у ректора были десятки невидимых веревочек, — он натянул их, и головы опустились книзу.

— Гумар Галави, вы свободны!

В задних рядах вновь вспыхнул шквальный шум. Но если незадолго до этого молодежь восторженно одобряла рукоплесканиями выступление умного и смелого преподавателя, то теперь звучали голоса протеста.

Умар неторопливо сошел в зал и направился к выходу, сопровождаемый злорадными улыбочками, свирепыми взглядами убежденных или лицемерствующих фанатиков и приветствиями, возгласами сочувствия и одобрения большинства молодежи. Вместе с ним покинула зал добрая половина присутствующих.

Диспут о божественном чуде мирадже пророка Мухаммеда явно не удался.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

30 апреля, 1917 года,
гор. Уфа.

Дорогой Уллубий!
Прости меня за долгое молчание — после моего «изгнания» из «Османие», о котором я тебе сообщил, время мое оказалось,

к моему удивлению, не разгруженным, а во много раз более занятым, нежели до этого.

Прежде всего, поздравь меня: я стал членом Российской социал-демократической партии (большевиков). Ты знаешь, что я не склонен к сентиментальности, но это событие наполнило мое сознание, все мое существо такой возвышенной радостью и гордостью, что я несколько дней мыслил стихами, говорил стихами и, конечно, написал уйму стихов.

Ты понимаешь, какой огромный сплав замечательных событий, неотделимых от моей жизни! Свержение царя, приезд Владимира Ильича Ленина и его гениальный доклад «О задачах пролетариата в данной революции», тезисы которого я прочел в «Правде» за 7 апреля, и вот — принятие меня в партию! Разве я могу не радоваться и не гордиться, если отныне мне доверена высокая честь быть солдатом великой армии большевиков, которую создал, воспитал и ведет в битву за свободу и счастье трудящихся сам Ленин!

Как только в Уфе стало известно об отречении царя, здесь у нас был организован союз восточных учителей. Меня избрали председателем сначала городского, а недавно и губернского комитета этого союза. По моему предложению союз поставил цели своего существования и всей деятельности в соответствии с положениями большевистской, ленинской программы.

Через несколько дней я выезжаю во Владикавказ на съезд объединенных горцев Кавказа. Как ни говори, а Кавказ, мой родной Карачай, не дают покоя моему сердцу, и судьбы их заставляют меня с головой окунуться в борьбу, которая неминуемо будет сопутствовать решению этих судеб. Мне кажется, что назначенный во Владикавказе съезд попытаются использовать в своих интересах горские князья, землевладельцы, промышленники и купцы. Поэтому еще до съезда надо хорошенько подумать об отпоре им — ведь и ты и наши общие товарищи, несомненно, будете на съезде.

У нас в Уфе уже с марта стала выходить газета объединенной (большевики и меньшевики) организации РСДРП. Вначале она не была как следует налажена, появлялись меньшевистские статейки, проповедующие оборончество и воздержание от посягательства на помещичьи земли. Но после недавно закончившейся в Екатеринбурге Уральской областной конференции РСДРП(б) наша газета приняла более правильную линию. Вот передо мной лежит на столе сегодняшний номер. В нем

опубликовано сообщение о том, что завершила свою работу VII Всероссийская конференция нашей партии.

Именно решения этой конференции вооружили нас для борьбы, которая закономерно развернется на Владикавказском съезде.

Особенно остро, помимо вопросов о войне и мире, стоит национальный вопрос как на Кавказе, так и во всей стране.

Политика национального угнетения, будучи наследием самодержавия, поддерживается помещиками, капиталистами и мелкой буржуазией в интересах охраны их классовых привилегий и разъединения угнетенных разных национальностей. Современный империализм, усиливая стремления к подчинению слабых народов, является новым фактором обострения национального гнета.

Устранение национального гнета возможно лишь при последовательно-демократическом республиканском устройстве и управлении государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков.

За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и принятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов и аннексий. Лишь признание пролетариатом права на самоопределение и отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций.

Конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и Временным правительством, особенно наглядно показывает, что отрицание права на самоопределение ведет к прямому продолжению политики царизма.

Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы трудящихся за социализм.

Мы должны требовать широкой областной автономии, определения границ самоуправляющихся автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных

и бытовых условий, национального состава населения и других обстоятельств.

Мы должны решительно отвергнуть так называемую «культурно-национальную автономию», то есть изъятие из ведения государства школьного дела и других вопросов образования и культуры и передачу их в руки своего рода национальных сеймов. Рабочих, живущих в одной местности и даже работающих на одних и тех же предприятиях, культурно-национальная автономия искусственно разделяет по принадлежности к той или иной «национальной культуре», то есть усиливает связь трудящихся с буржуазной культурой отдельных наций, между тем как задача социал-демократии состоит в усилении интернациональной культуры всемирного пролетариата.

Мы должны требовать включения в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций, какие бы то ни было нарушения прав национальных меньшинств.

Интересы эксплуатируемых требуют слияния трудящихся всех национальностей России в единых организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и других. Только такое слияние в единых организациях трудящихся различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом.

Такое решение национального вопроса определяется линией большевистской партии, работами Владимира Ильича Ленина.

От нашей Уфимской организации большевиков мы послали на VII Всероссийскую конференцию товарищей Брюханова и Свицерского.

Николай Павлович Брюханов — верный ученик и соратник Ленина. Он в партии с 1902 года. В 1903 году — один из руководителей Кавказского комитета партии. В 1904 году он был сослан на 4 года в Вологодскую губернию, из ссылки бежал и в 1907 году участвовал в работе Лондонского партийного съезда. Сразу же после февральской революции Николай Павлович был избран председателем Уфимского Совета рабочих депутатов...

Милый мой Уллубий! С каким удовольствием я вспоминаю наше знакомство в Хасав-Юрте и последующую встречу в Темир-Хан-Шуре, которая, как ты тоже, конечно, помнишь, состоялась ровно три года назад. Сегодня — канун Первомайского

1
праздника. И если тогда, в 1914-м, мы отмечали его, укрываясь от жандармов и сыщиков, то завтра трудящиеся России впервые отметят праздник в условиях страны, сбросившей ненавистные оковы самодержавия.

Итак, до встречи во Владикавказе, дорогой Уллубий. Вернулся ли Джелал Коркмасов из-за границы? Думаю, что его приезд из эмиграции — значительная прибавка наших сил.

Всего светлого!

Твой Умар Алиев.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

14 апреля 1918 года,
гор. Казань.

Мой славный, мой чудесный друг и товарищ Уллубий! Как неблагоприятна судьба к нашей с тобой дружбе! И я, и ты постоянно мечтаем о встрече, а она никак у нас не получается. Я знаю, что тебе, как и мне, скучать не приходится — ведь каждый день наполнен событиями, которые со временем в глазах потомства приобретут черты не только большой значимости, не замечаемой нами в стремительном потоке сегодняшнего момента, но и законного величия! И хоть скучать некогда, все-таки, как хотелось бы по-братски обняться с тобой, поговорить не торопясь обо всем, что нас волнует, почитать стихи.

Постараюсь рассказать в этом своем послании о моей жизни за год, прошедший со времени моего последнего письма тебе. Подумать только, за целый год — всего одно письмо! Даже для этого не удается улучить свободный час.

Итак, в мае прошлого года я прибыл во Владикавказ, командированный Уфимской большевистской организацией для участия в так называемом «съезде объединенных горцев Кавказа». Товарищи из Дагестана сообщили мне, что тебя на съезде не будет. Это известие, понятно, огорчило и раздосадовало меня. Пусть после этого пресловутого съезда прошло уже около года, но я все равно хочу поделиться с тобой своими впечатлениями о нем, ибо тогда впервые резко обозначились силы, противостоящие на Северном Кавказе. И сейчас, когда борьба за власть Советов далеко не завершена, когда силы контрреволю-

ции хотят взять реванш за свое поражение в Октябре, не лишне припомнить Владикавказский съезд и вновь надлежащие выводы из хода и итогов его работы. Я постараюсь взвесить значение этого съезда вообще, и в применении к Дагестану в частности. Ибо судьбы Дагестана для меня не менее волнующи, чем судьбы Карачая и, следовательно, судьбы всего Кавказа и всей России.

Дагестанская буржуазия после Февральской революции искала союзников на случай возможных революционных осложнений. Кстати, долго их искать и не пришлось, так как они сами тянулись к Дагестану со всех сторон. Первой рукой, протянутой к Дагестану, оказалась рука бакинской крупной буржуазии—нефтепрмышленников и фабрикантов. По-видимому, азербайджанская буржуазия также искала возможности утвердить свое бытие в революции и занять командные высоты по праву сильного. Для этого ей нужен был слепой и сильный союзник, так как врагов у нее было немало: под боком — бакинский пролетариат, а немного подальше, да в самом Баку, конкурирующая армянская буржуазия. Где же было искать лучшего союзника, как не в нищем Дагестане, население коего испокон веков было резервом дешевой наемной рабочей силы для бакинских нефтепрмыслов, азербайджанских земельных магнатов и крупных скотоводов.

К тому же, религиозно настроенного бедняка лезгина, или аварца, или кумыка в буквальном смысле слова можно было обмотать вокруг пальца, если ему твердить об аллахе, пророке Мухаммеде и шариате. В Баку был устроен съезд мусульман Кавказа, и туда, как на свадьбу, были приглашены все, «кто верует в ислам». В первых рядах, конечно, оказался Дагестан. «Братство народов» было с непреложной точностью установлено. Договор между «мусульманскими народами» был скреплен крепкими пожатиями буржуазных рук. Но не успели заключить один союз с бакинцами, как возник следующий, как бы в развитие первого. «Узы дружбы и крови» спаяли буржуазию и знать Дагестана не только с южными «братьями по исламу», но и с северными — с буржуазией и знатью горских народов Северного Кавказа.

Это было вызвано боязнью казачьей опасности и соображениями личного характера горских воротил.

Такие магнаты, как Тапа Чермоев и его сторонники думали о нефти на чеченской земле, а помещики Хасав-Юртского округа хотели быть ближе к Дагестану, где революционных орга-

низаций было меньше, чем в Терской области. Все эти соображения послужили основанием к новому союзу, который пошел дальше Бакинского, создав союзный орган, общий для Северного Кавказа — Центральный комитет Союза объединенных горцев. Легальным лозунгом Союза было «объединение для свободной жизни раскрепощенных от царизма горцев Кавказа». Внутренними же движущими силами Союза были боязнь горских верхов, типа Чермоева: боязнь революционных потрясений и недоверие к русскому мужику...

У буржуазии всегда цель оправдывала средства. Так случилось и в данный момент: кавказская буржуазия в своих классовых интересах, во-первых, объединилась под различными зажигательными лозунгами, прикрывавшими их классовые побуждения, а во-вторых посеяла семена раздора и ненависти между демократией городов и солдатской массой с одной стороны и национальными инородческими массами Кавказа с другой. Окопавшись таким образом, ошетинившись в сторону революции, буржуазия считала, что теперь она спокойнее может утверждать свое господство.

Первый общегорский съезд во Владикавказе задал тон всему «горскому движению», подняв зеленое знамя шариата. Муллы, шейхи, князя Чечни и Дагестана, Кабарды и Карачая дали волю своим страстям в течение десяти дней работы съезда. Как разрешить такой-то вопрос? «По шариату!» — отвечает дружно хором съезд, словно им управляет ловкий дирижер. Интеллигенция для вида голосовала иногда против, воздерживалась, масса духовенства, присутствовавшая на съезде, стояла за шариат, словно до съезда уже все вопросы были предрешены и согласованы с самим аллахом...

Большевики выставляли одним из программных требований отделение церкви от государства, а владикавказский горский съезд избирает духовного главу, муфтия — Нажмуддина Гоцинского и духовный совет при нем.

Коль все дела должны решаться по шариату, нужно же кому-то и толковать шариат. А раз так, то кто же лучше растолкует его в интересах имущих классов, чем собственник 10 тысяч овец Нажмуддин Гоцинский? Тапа Чермоев сохранит за собой нефть, Нажмуддин Гоцинский — баранту, беки и бии — землю. А народ? А народ... «свободу»!

Земельный вопрос вызвал бурные прения. Предполагали решить и этот вопрос по шариату, но, повидимому, и горским воротилам стало неудобно в таком людном месте, как Владикав-

каз, сказать, что земельный вопрос — краугольный камень революции — подлежит разрешению только на основе шариата. Поэтому, постановили земельный вопрос передать Учредительному собранию, ибо более отдаленного времени для разрешения не предвиделось, но выразить пожелание и Учредительному собранию, чтобы при разрешении вопроса не был забыт шариат.

Я выступил на владикавказском съезде с речью, которую на следующий день реакционная газета назвала «откровенно большевистской». Меня поддержали выступившие в тот же день Джелал Коркмасов и представитель Чечни Асланбек Шерипов. Я даже был избран в состав Центрального Комитета «Союза объединенных горцев Кавказа»!

Побывал я в Картджурте, повидался с родными и возвратился в Уфу, а в июле переехал сюда, в Казань, где меня избрали сначала заместителем председателя, а затем и председателем Центрального бюро Всероссийского союза восточных учителей. Одновременно я участвовал в редактировании общественно-политического журнала «Учитель», выходившего на татарском языке.

Большевистское влияние в Казани накануне Октября активно росло. Нашей опорой были солдаты — сорокатысячный гарнизон Казани. В начале октября местный Совет полностью стал большевистским. 24 октября под нашим руководством произошло восстание гарнизона, а 26 октября был образован «Временный революционный комитет». Вновь избранный Совет учредил «Казанскую рабоче-крестьянскую республику» — составную часть Российской Советской республики — и избрал Совнарком.

Работы у меня стало вдвое больше, особенно по пропаганде, по разъяснению татарскому населению Казани, вводимому в заблуждение муллами, значения Октябрьской революции, декретов о мире и земле, большевистской программы. Я перевел на татарский язык несколько статей Ленина, эти переводы, опубликованные в местной газете, помогли трудовому населению Казани узнать мудрость, правдивость, чистоту ленинских идей.

В ноябре Казанский комитет большевиков, по указанию ЦК, командировал меня, как члена Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РСДРП, в Туркестан для разъяснительной работы о смысле Октябрьской революции, о целях, которые ставят большевики. Я побывал в Верном, в Ташкенте.

Приняв участие в собрании московских большевиков и меньшевиков, где мы дали отпор попыткам последних очернить величие Октябрьской революции, я возвратился в Казань. С головой окунулся в работу по перестройке школьного образования, по составлению новых школьных программ, отвечающих требованиям Программы большевистской партии. В журнале «Укутучу» («Учитель») поместил ряд статей о политике Ленинской партии и Советской власти. В некоторых номерах журнала публиковались сразу две, а то и три моих статьи, поэтому пришлось изобретать литературные псевдонимы. Теперь их у меня целых три: Гумар Галави, Казбек, Даглы. В журнале я сотрудничаю вместе с крупнейшими прогрессивными татарскими педагогами, авторами ряда школьных учебников, — языковедом Мухитдином Курмангалиевым, математиком Ахметжаном Мустафиным, биологом Габдуллой Шупаси, историком Газисом Губайдуллиным. Наш журнал очень популярен, и я рад, что своим скромным участием в нем помогаю вовлечению трудящихся мусульман в активную борьбу за укрепление Советской власти.

В феврале нынешнего года мне пришлось взяться за оружие — вновь, как 24 октября. Татарская и русская буржуазия Казани, опираясь на созванный здесь 2-й Всероссийский мусульманский военный съезд, задумала организовать капиталистические «Урало-Волжские штаты». Казанские рабочие под руководством большевиков быстро ликвидировали эту «Забулачную республику» (Булак — речка в Казани) с помощью прибывших из Москвы матросов Балтийского флота.

Из Казани я пишу тебе, видимо, в последний раз: распоряжением Наркома по делам национальностей я назначен четыре дня назад заведующим отделом по делам мусульманского пролетариата Кавказа, Крыма, Туркестана и Казахстана.

Отдел по делам мусульманского пролетариата Кавказа, Крыма, Туркестана и Казахстана ставит своей целью планомерное проведение в жизнь социалистической культуры и борьбу с буржуазией, которая под лицемерной маской национализма тайно организует отряды международной контрреволюции.

Ведению отдела по делам мусульманского пролетариата Кавказа, Крыма, Туркестана и Казахстана подлежат те дела, кои носят специфический характер и не могут быть рассмотрены в других отделах Комиссариата. Этот отдел подчиняется Центральному мусульманскому комиссариату при Наркомнаце.

Центральный мусульманский комиссариат был образован в январе 1918 года, декрет о его образовании подписал Владимир Ильич Ленин. Возглавляет этот комиссариат выдающийся татарский революционер, пламенный большевик Мулламур Вахитов. Я горд, что мне предстоит честь работать под руководством этого человека!

Завтра я уезжаю в Москву, прощусь с замечательными товарищами по парторганизации, по Союзу учителей, по журналу. Прощусь с широкой Волгой, тинным Булаком, спокойной казанской рекой. Жизнь продолжается, борьба продолжается. Нам еще предстоит участвовать в свершении небывалых по размаху и замечательнейших по плодотворности делам, ибо мы — солдаты великого Ленина... Когда же мы повидаемся с тобой?

Да будет светла твоя жизнь, как снега Минги-Тау, и полезна для народа, как воды Кубани!

Твой Умар Алиев.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Заведующий отделом по делам мусульманского пролетариата Крыма, Кавказа, Туркестана и Казахстана Умар Алиев вместе с турецким коммунистом Мустафой Субхи работали всю эту ночь напролет. Лишь в девять часов утра дело наконец было почти завершено: они перевели на турецкий язык работу Ленина «Очередные задачи Советской власти». Перед Умаром лежал номер газеты «Правда» за 28 апреля со статьей Владимира Ильича. Мустафа читал вслух по-турецки выполненный ими перевод, а Алиев еще раз сверял его правильность по русскому оригиналу.

«Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*», — читал Мустафа.

— Ты понимаешь, Мустафа, насколько ответственна работа, которую мы выполняем! — воскликнул Умар. — Сделать несравнимые ни с каким откровением, мудрые и предельно ясные мысли Ленина понятными миллионам людей, читающих арабские письма — очень и очень важно. Ведь турецкий язык, в он

ределенной степени, понятен и азербайджанцам, и аджарцам, и кумыкам, и карачаевцам, и татарам, и узбекам... И перевести мы должны с соблюдением абсолютной, ювелирной точности, не отступая ни на йоту от ленинского текста. Это и легко, и трудно. Легко потому, что слова Ленина сразу врезаются в сознание и в память, как бы обретают вещественную осязательность и зрительную ясность. Трудно потому, что каждая фраза заключает в себе такую широту и глубину мысли, на которую способен только Владимир Ильич.

Мустафа Субхи еще не очень хорошо владел русским языком, но он был полезен при выполнении перевода тем, что помогал Умару в подборе наиболее подходящего слова из богатой лексики турецкого языка, его литературного анатолийского наречия.

Мустафа на двенадцать лет старше Умара. Еще в 1910 году он стал членом Социалистической партии Турции. В 1913 году был арестован за революционную работу и осужден на пожизненную каторгу.

В начале 1914 года он бежал из Синопской крепостной каторжной тюрьмы и сумел перейти русскую границу. Царское правительство, узнав о революционной деятельности Мустафы в Турции, высылает его на Урал. Там в 1915 году Субхи вступает в большевистскую партию. Он переводит на турецкий язык «Коммунистический манифест» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Обладая недюжинными научными способностями, Мустафа еще в 1911 году, в двадцать восемь лет, получил в Турции звание профессора.

В наркомате по делам национальностей Субхи заведовал отделом международной пропаганды. Он и Умар Алиев сразу подружились, и их общий начальник — глава Центрального Мусульманского комиссариата Мулламур Вахитов, заставая их за совместной работой, читал в их адрес стихотворение Носира Хисроу «Дружба»:

Ты знаешь, сердце, что такое друг? —
Он должен быть твоей судьбою — друг!
За друга пусть тебе не будет жаль
Пожертвовать самим собою, друг!..

Вахитов, Субхи и Алиев всего несколько дней назад вернулись в Москву из трехнедельной поездки по Поволжью, где шли бои против белочехов и белогвардейцев. Они выступали

на митингах рабочих, крестьян, в красноармейских частях, разъясняя, что несут трудящимся враги революции и Советской власти. Во время этой поездки они провели большую, очень трудную и важную работу по организации красноармейских частей из местного населения.

Умар и Мустафа продолжали проверять правильность перевода, когда дверь отворилась и в кабинет вошел заместитель наркома по делам национальностей Станислав Станиславович Пестковский. Друзья встали и обменялись с вошедшим крепкими рукопожатиями.

Если имя Мустафы Субхи было широко известно в Турции, особенно после его беспримерного побега из Синопской крепости, то имя Станислава Пестковского пользовалось не меньшей популярностью в Польше. В революционном движении он стал принимать участие восемнадцатилетним юношей, в 1900 году. В 1902 году вступил в ряды социал-демократической партии Польши и Литвы. Был членом Лодзинского, Ченстоховского, Варшавского и Домбровского комитетов партии. В 1906 году был арестован за участие в революционной борьбе ченстоховских рабочих и в 1907 году приговорен к четырем годам каторги. Оставленный после отбытия каторги на вечное поселение, он в 1913 году бежал за границу. Стал принимать активное участие в деятельности левого крыла Британской социалистической партии. В июне 1917 года, обманув бдительность английской полиции, приехал в Россию. В Октябрьские дни был комиссаром Центрального телеграфа в Петрограде. Сразу же после Октября Пестковский назначается членом коллегии, а затем заместителем наркома по делам национальностей.

И вот они стояли, по-братски соединив руки, — карачаевец, турок, поляк, которых сроднило ставшее главным в определении их сущности слово — коммунист.

— Я пришел к тебе, товарищ Умар, по очень важному делу. На днях внимательно ознакомился с твоим обстоятельным докладом о положении на Северном Кавказе. Полностью согласен с тобой: горские трудящиеся сами не в силах одолеть местную контрреволюцию, поддерживаемую иностранными империалистами. Конечно, необходима существенная помощь центра, а также посылка агитаторов, которые разъясняли бы массам, кто является их истинными друзьями и кто — злыми врагами.

— Да, Станислав Станиславович, если будет создан специальный орган Наркомата национальностей по работе среди гор-

цев Кавказа, то это даст возможность гораздо шире развить организаторскую и воспитательную работу на Северном Кавказе, активнее содействовать развитию социалистических идей и объединению горских масс, быстрее обеспечит победу над буржуазно-феодальной контрреволюцией.

— Правильно, товарищ Умар! Так вот я представил ваш доклад и свои соображения Владимиру Ильичу. Это было вчера. А сегодня, полчаса назад, Владимир Ильич позвонил по телефону и предложил мне доставить вас к нему. Ясно, что я сразу помчался за вами.

* * *

Яркие лучи июньского солнца ослепили Умара, вошедшего вслед за Пестковским в кабинет Ленина из полумрака уставленного телеграфными аппаратами коридора третьего этажа бывшего здания Сената в Кремле. Он даже зажмурился, переступив порог. Пестковского и Алиева встретила Лидия Александровна Фотиева — секретарь Совнаркома и одновременно секретарь Ленина. Приветливо поздоровалась.

— Садитесь, пожалуйста! Владимир Ильич сейчас придет.

Умар был во власти необъяснимого чувства, в котором смешались восторг, гордость и какая-то робость, неуверенность в себе. Сейчас настанет счастливая минута, о которой давно и много раз мечтал, — он увидит Ленина.

Внимание Умара было остро напряжено. Он с необыкновенной быстротой сумел оглядеть кабинет Ильича.

Комната была светлая, с высоким сводчатым потолком и двумя распахнутыми настежь лучам солнца окнами, с простой и скромной обстановкой.

В центре находился письменный стол, обитый зеленым сукном. На нем чернильный прибор из серого мрамора, бювар из красного сафьяна, различные письменные принадлежности. Справа от стоящего за столом простого плетеного кресла — два телефонных аппарата, настольная лампа с зеленым абажуром. Здесь же свечи в четырех подсвечниках, видимо, на случай, если погаснет электричество. Слева — небольшая деревянная конторка.

Перпендикулярно к рабочему столу поставлен продолговатый стол, накрытый темно-красной суконной скатертью, и четыре мягких кожаных кресла для посетителей.

Справа и слева от письменного стола — две этажерки, заполненные книгами и бумагами. Умар узнал корешки томов «Толкового словаря» Даля на одной из этажерок. На другой лежали папки и стопа газет. У окна — подставка с газетными подшивками.

Напротив стола, у стены, кожаный диван. Над ним — портрет Карла Маркса. А на диване сидел он, Умар Алиев — счастливейший человек на свете.

У стены, на небольшом столике возле двери — настольная лампа в виде чугунной фигуры кузнеца у наковальни, перековылающего орудия войны — меча и стволы пушек — на орудие труда — плуг. Рядом изящно выполненный из разноцветного мрамора настольный пресс в виде книжечки.

На столе для посетителей — письменный прибор, искусно инкрустированный серебром, металлическая пепельница с зажигалкой в виде снаряда. Здесь же — развернутая географическая карта Европейской части России.

Справа, у двери, — карта мира, наверху, видимо, для удобства пользования, на вал, который, в случае надобности, можно вращать. Все свободные простенки заняты книжными шкафами.

Умар так сосредоточенно вглядывался в каждую деталь обстановки ленинского кабинета, что как-то незаметно избавился от чувства напряженности и смущения. Когда открылась дверь, ведущая в кабинет слева, и в комнату быстрыми шагами вошел Ленин, Умар поднялся с дивана почти спокойно, лишь сердце стучало необычно гулко и часто.

Ленин подошел к Пестковскому и Алиеву, потом отступил на шаг и, держа одну руку в кармане брюк, а другою поправляя галстук, какое-то еле заметное мгновение пристально вглядывался в Умара. Но Умару это мгновение представилось бесконечным, и он с тревогой ощутил, что к нему опять возвращается только что преодоленное чувство внутренней натянутости и растерянности.

— Здравствуйте, товарищ Алиев! — Ленин приветливо улыбнулся и протянул руку.

Умар, совершенно растерявшись от восторженного смущения, крепко схватил руку Владимира Ильича, резко встряхнул и, не выпуская ее из ладоней, не сказал, а почти прокричал:

— Здравствуйте, дорогой Владимир Ильич! Здравствуйте, товарищ Ленин!

И тут же опомнившись, спохватился и выпустил руку Ленина. Лицо его, мгновенно залившееся пунцовой краской, было смущенным до крайности.

Ленин весело расхохотался. Этот смех был так добр, искренен и заразителен, что засмеялся Пестковский, а вслед за ним и Умар.

— Вот вы какой, товарищ Умар! Я знал, что вы молоды, но вы, батенька мой, оказывается, еще моложе, чем я предполагал. О вашей духовной силе мне кое-что известно, но вы вдобавок обладаете и превосходной физической силой!

И Ленин с шутливой озабоченностью потер ладонь правой руки о свой пиджак.

— Простите, Владимир Ильич, — еле выдавил из себя Умар.

— Ну, ну, ну! Не надо просить прощения, не допустив никакой вины! Садитесь, пожалуйста, и позвольте мне присесть рядом с вами. Не выношу мягкой мебели, — улыбнулся Владимир Ильич, опускаясь на диван между Пестковским и Алиевым, — но ради таких замечательных гостей можно допустить исключение из правил... Не задаю вопроса о вашем здоровье: у Станислава Станиславовича я уже осведомлялся об этом сегодня по телефону, а в отношении вас, товарищ Умар, это совершенно ясно и без слов...

Ленин весело захохотал и снова потер ладонь о борт пиджака.

— Приступим к делу. Я полностью согласен с вашим предложением и считаю вполне справедливыми ваши доводы. Рад, что наш государственный аппарат уже приобретает опыт и умение правильно оценивать обстановку.

Ленин порывисто встал с дивана и подошел к столу, на котором лежала карта Европейской части России. Кивком головы пригласил к столу Пестковского и Алиева.

— Прочно утвердить Советскую власть на Кавказе — дело архиважное. Кайзеровская Германия нарушила условия Брестского мира и тянет свои щупальца к кубанскому хлебу и к грозненской нефти. Подняла голову «деникия», ей обещает поддержку Антанта. Вчера мне сообщили о том, что во Владикавказе мятеж, 20 июня злодейски убит председатель Терского Совнаркома Буачидзе. Я распорядился: Свердлову взять личное шефство над отправкой оружия на Северный Кавказ, за которым приехал оттуда Киров; чрезвычайному комиссару Юга

страны Орджоникидзе лично выехать во Владикавказ, разобратся на месте и действовать соответственно обстановке. Киров выступит в «Правде» и даст отповедь буржуазным газетам о положении дел на Тереке. Создание отдела горцев именно сейчас крайне необходимо. И я думаю, товарищ Пестковский, что кандидатура товарища Алиева будет самой подходящей на пост руководителя этого отдела. Не так ли, Станислав Станиславович?

— Безусловно, Владимир Ильич.

— А вы согласны принять этот, не будем скрывать, тяжелый, очень трудный пост? Прошу учесть: ваше согласие крайне необходимо, и мы со Станиславом Станиславовичем очень рассчитываем на него.

— Согласен. Постараюсь оправдать доверие, — ответил Алиев.

— Вот и отлично. Поскольку Нарком Сталин находится в Царицыне, подготовку проекта решения о создании этого отдела я поручаю вам, товарищ Пестковский. А вас, товарищ Алиев, я еще приглашу к себе. Нам надо побеседовать не только об укреплении Советской власти на Кавказе, но и о другом. Ведь вы отлично знаете свои родные места, не так давно, как мне рассказывали, ездили туда. Не то, что я — тридцать лет не был в своем Симбирске!

Ленин на минуту задумался, на лицо его легла легкая тень грусти.

— Нам надо подумать о будущем Кавказа. Ведь у вас в Карачае — уголь, свинец, серебро. А Теберда с ее целебными дарами разве не заслуживает заботы и внимания? Но это — потом. А сейчас я поздравляю вас, товарищ Алиев, с новым назначением, верю в успех вашей работы.

* * *

29 июня 1918 года постановлением Коллегии Наркомата по делам национальностей был учрежден Отдел горцев Кавказа при Наркомнаце. Заведующим отделом и членом Коллегии Наркомнаца Совнарком утвердил Умара Алиева.

Заместителем заведующего отделом и заведующим Чечено-Ингушским подотделом был назначен коммунист ингуш Хамзат Гастемиров. Несколько позже заместителем заведующего стал Магомед Альтемиров, заведующим Дагестанским подотделом —

сначала Гарун Саидов, а затем Уллубий Буйнакский, подготовленном организации, агитации и пропаганды — осетинский большевик Умар Кубатиев, литературно-издательским — профессор Мирза Гаффаров, экономическим — Батырбек Туганов, культурно-просветительным — И. Хубиев.

В начале августа из Москвы было разослано предписание:

«Всем уездным и губернским Советам Северного Кавказа, Дагестана, Черноморской и Ставропольской губерний о немедленной организации отделов по делам горцев.

Для планомерного удовлетворения нужд трудящихся горцев и объединения их вокруг Советской власти предлагается всем уездным и губернским Советам на местах с наличием горского населения немедленно организовать отделы по делам горцев с подотделами, необходимость коих диктуется местными условиями.

Организацию отделов поручить левореволюционным организациям горцев, стоящим на советской платформе.

Исполнительным органам Советов предлагается оказывать всяческое содействие в делах организации отделов.

Отделы будут считаться юридически признанными по утверждению их Отделом горцев Кавказа при Народном комиссариате по делам национальностей.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Заместитель народного комиссара по делам
национальностей
С. С. Пестковский.

Заведующий Отделом горцев Кавказа при Народном
Комиссариате по делам национальностей
У. Д. Алиев».

БУРЛЯЩИЙ КАВКАЗ

Тревожной жизнью жил Владикавказ осенью 1918 года. Поддерживаемые империалистами Антанты белогвардейские войска Деникина развивали наступление на Северном Кавказе. Серьезный удар в спину Северокавказской Красной Армии

нанес ее главком, авантюрист Сорокин, который, ради установления своей личной диктатуры, 21 октября расстрелял в Пятигорске руководителей ЦИК Северо-Кавказской Советской Республики, а незадолго до этого — командарма Таманской — Ивана Матвеева.

Совершал бандитские налеты на города и железнодорожные станции Шкуро со своими головорезами, в горских аулах имамы, князья, муллы призывали горцев поднять зеленое знамя газавата — «священной войны» против большевиков.

Чрезвычайный комиссар Юга России Серго Орджоникидзе, не зная сна и отдыха, мчался из Владикавказа на самые напряженные и опасные участки фронта, оттуда — в охваченные смутой горные аулы, в казачьи станицы, население которых резко разделялось в своем отношении к Советской власти.

26 ноября, после того, как красноармейские части взяли Моздок — последний оплот белоказачьего восстания Бичерахова, во Владикавказ из Москвы прибыли члены Чрезвычайной коллегии ВЦИК по делам Северного Кавказа и Дагестана Умар Алиев и Умар Кубатиев. Чрезвычайная коллегия была создана по настоянию Свердлова, поддержавшего инициативное предложение по этому вопросу Умара Алиева, который и возглавил ее. Чрезвычайная коллегия должна была помочь местным органам власти на Северном Кавказе организовать горских трудящихся на борьбу против белогвардейцев. Третий член коллегии — Уллубий Буйнакский — по пути остался в Астрахани для формирования воинских частей из горцев.

Григорий Константинович Орджоникидзе радостно принял посланцев Москвы. «Славная пара — два Умара», — шутливо окрестил их никогда не терявший жизнерадостности Серго. В тот же день они приняли участие в торжественном смотре революционных войск. Командовал парадом Михаил Левандовский, принимал парад Орджоникидзе на золотистом кабардинском скакуне. Вот проходит пехотный рабочий полк. Прносятся на рысях красные казаки, ингушские, кабардинские, осетинские джигиты. «О, да это ведь карачаевские всадники», — с удовольствием отметил про себя Алиев. Идут грузинские и китайские добровольцы. Мелькают истрепавшиеся солдатские шинели и горские бурки, трофейные английские френчи и штатские пиджаки.

После парада Орджоникидзе пригласил «кавказских москвичей» пообедать с ним.

— Спасибо, дорогие, что приехали! Трудно, ой, как трудно

здесь у нас! Конечно, принимать парады приятно, тем более по такому замечательному поводу, как разгром бичераховщины. Но положение на фронте, как и в тылу, весьма тревожное.

«Два Умара», то вместе с Орджоникидзе, то с Гикало — руководителем грозненских большевиков, то сами разъезжали по чеченским, ингушским, кумыкским, кабардинским, балкарским, карачаевским аулам. Они выступали на митингах, конференциях, создавали партийные ячейки.

В кубанской долине Карачая хозяйничали белогвардейские отряды полковника князя Мырзакула Крымшамхалова, на которого батрачили сверстники Умара. Алиев побывал в расположенных вблизи Кисловодска карачаевском ауле Хасаут, кабардинском — Каменноостском, балкарском — Хабаз. Здесь он организовал сбор теплых вещей и продовольствия для Красной Армии. Вместе с Магомедом Энеевым Умар формирует балкарский конный добровольческий полк, сам участвует в нескольких боях против конницы Шкуро и Улагая...

Приехав с фронта во Владикавказ, Алиев вместе с Орджоникидзе отправился на заседание бюро горских фракций Пятого съезда народов Терской области.

Придя в зал, где заседали фракции, Серго после выступлений нескольких горцев спросил тихонько Умара, не желает ли он выступить.

— Я незнаком с предыдущей работой съезда, не знаю, о чем говорили на нем, — устало ответил Умар.

Тогда Орджоникидзе попросил слова:

— Когда меня спросили, не смогу ли я прийти на заседание горцев, я ответил, что пойду с удовольствием...

Я хотел прийти приветствовать горские фракции и уйти, но когда я услышал речи этих седобородых кабардинских стариков, увидел ту резолюцию, которая вынесена сейчас о контрреволюционерах, я сказал себе, что уйти я не могу, ибо тут сидят революционеры, ибо среди горских масс произошла Октябрьская революция!

Разве я не понимаю, какой переворот произошел в умах горцев!

В заключение Серго горячо воскликнул:

— И я ухожу с этой трибуны с уверенностью, что трудовые горские народы не изменят Советской власти, которая является их собственной властью, ими же утвержденной в Терской республике!

В морозный февральский день 1919 года в читальном зале библиотеки Румянцевского музея в Москве, пустоту которого еще более подчеркивали массивные мраморные колонны, сидел за столом молодой человек в черной суконной бекеше с небольшим воротником из светло-серого курпья, рядом на стуле лежала белая меховая папаха. Тип лица этого редкого в ту пору посетителя читальни явно говорил о его кавказском происхождении.

Старый библиограф, отогревавший коченеющие руки и ноги у единственной печки-«буржуйки», стоявшей за стойкой, где выдавалась литература, с любопытством и изумлением поглядывал на вошедшего в зал горца. Его удивление еще более усилилось, когда посетитель, на правильном русском языке, но с сильно выраженным акцентом, попросил выдать ему на три—четыре часа не что иное, как «Историю Нижегородского драгунского полка», написанную известным историографом Кавказских войн Потто. Кроме того, он осведомился, имеется ли в русском переводе работа Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», и, получив утвердительный ответ, попросил и эту книгу.

Старик, поднявшийся по приобретенной за долгие годы службы привычке еще при входе посетителя, хотел было направиться в книгохранилище, но тут из-за солидной полки, заполненной томами разной толщины, вышла худенькая, коротко остриженная русоволосая девушка.

— Сидите, пожалуйста, грейтесь, Сергей Сергеевич, я позабочусь о посетителе.

И девушка устремила на Умара Алиева (а это был именно он) спокойный взгляд синих глаз, в котором удивительно сочетались приветливость и строгость.

Бывает так в жизни, что с первого взгляда люди проникаются друг к другу взаимной симпатией, уважением и доверчивостью. И это — не досужая выдумка восторженных поэтов или чрезмерно экзальтированных натур. Умар сам не раз уже испытывал правдивость этого утверждения. Ведь в общем-то хорошие, добрые люди встречаются в жизни гораздо чаще, чем злые.

Но есть среди хороших людей и такие, чистота и искренняя благожелательность которых сразу вызывают ответные чувст-

ва, и вам кажется, что эта встреча — отнюдь не первая, что вы уже когда-то встречались, беседовали откровенно и доверительно.

Именно такое ощущение переживал Умар, глядя в синие глаза девушки. Она была красива — это несомненно, несмотря на худобу и бледность щек. Но не о внешней ее красоте восторженно стучало сердце молодого горца, а о той прелести, которая настолько пронизывает всю внутреннюю сущность хороших людей, что не может не отразиться даже в случайном взгляде открытых глаз.

Товарищи по учебе, по работе, по фронту считали Умара Алиева аскетом, добровольно отказавшимся от всех житейских удовольствий. Когда Умару говорили об этом, он обижался.

— Я такой же человек, как все. Просто, некогда сейчас даже думать обо всем этом. Но зачем же начисто отречься от благ земных? В будущем все придет...

И сейчас, невольно вынув руки из карманов теплой бекешки (рукавиц Умар принципиально не признавал), Алиев в одно мгновение сделал фантастический рывок в будущее. Он любовался девушкой.

Мгновенное самоуглубление Умара в мир своих чувств преврал вопрос девушки:

— Что вы хотели получить, гражданин?

Умар повторил названия книг.

— Прошу вас подождать. Энгельс близко, а вот за фолиантами Потто путь не малый.

— Может, вам нужна моя помощь? — с готовностью предложил Умар.

— Нет, что вы, во-первых — это моя обязанность, а во-вторых — идти вдвоем за одной книгой, хотя она и в нескольких томах, — просто нерационально.

Когда девушка скрылась в лабиринте книжных полок, Сергей Сергеевич, еще раз окинув стройную, крепкую фигуру посетителя, сказал:

— Только как вы читать-то будете в таком холоде? Видите, нам дали дров ровно на две печки: вот на эту, у которой отогреваемся мы с Варенькой, да на ту, что установлена в комнате, где хранятся уникальнейшие, древнейшие рукописи.

— О, не беспокойтесь, если снимать верхнюю одежду не обязательно, то меня удовлетворят и такие условия работы. Мне приходилось делить с книгой труд и досуг в обстановке, куда более суровой.

— Да, конечно. Говорят, что даже сам Ленин держит себя на весьма скудном дровяном пайке. А сколько ему приходится работать! Он часто присылает в библиотеку просьбы выдать ему на ночь две—три книги.

Сам Ленин мерзнет, а нашей библиотеке, по его личному указанию, выделен запас колотых березовых дров на всю зиму.

— Вы — простите за нескромный вопрос, — что же, здесь при библиотеке и живете?

— Да, здесь при библиотеке у меня квартира. Супругу свою я схоронил уж лет десять назад, сын — ему сорок два — на Восточном фронте с Колчаком воюет, жена вместе с ним — красной сестрой милосердия, а дочь их, внучка моя, Варенька, опекает мою старость и в работе помогает. Хотя какая здесь работа сейчас? Сами видите. За день десятков посетителей обслужим — и все... А вы, молодой человек, не видели Ленина?

Умар, с каким-то неожиданным воодушевлением, даже с гордостью ответил:

— Видел, даже беседовал с Владимиром Ильичем.

Как раз в этот момент появилась Варенька.

Умар без спроса поднял тяжелую планку, преграждавшую вход за стойку, кинулся к девушке, чтобы помочь ей: она явно выбилась из сил, неся откуда-то, по-видимому, издалека три увесистых тома громадного формата, в бархатных парадных переплетах.

— Зачем вы, не надо, — смущенно, словно стыдясь своей слабости, тихо сказала Варенька.

А Сергей Сергеевич лишь с печальным сочувствием поглядел на внучку, покачав седой головой в черной профессорской шапочке.

— Простите, молодой человек, но я должен записать в формуляр полученные вами книги. Имеете ли вы какой-либо документ?

— Пожалуйста, уважаемый Сергей Сергеевич!

— Откуда вам известно, как меня зовут?

— Но ведь ваша внучка назвала вас по имени и отчеству!

— Ах, да! Вот что значит старость! Даже простейшие выводы становятся недоступными... Так... Записывай, Варенька. Алиев Умар, заведующий Отделом горцев Народного комиссариата по делам национальностей.

Сергей Сергеевич опустил голову и посмотрел на Умара поверх очков.

— Понятно, молодой человек... простите, товарищ.

— Что понятно? — почти растерянно спросил Умар.

— Понятно, почему вам довелось беседовать с Лениным. Значит, вы горец? С Кавказа?

— Да, я карачаевец. Слыхали про такой народ?

— Вот именно, лишь слышал мимолетно. Ничего определенного и основательного про вашу национальность не знаю, несмотря на то, что в свое время с отличием окончил не какой-нибудь, а как раз географический факультет Московского Императорского университета.

— Я несколько не удивлен, Сергей Сергеевич. Я карачаевец, и тоже очень мало, непростительно мало знаю про свой родной народ. По крохам стараюсь собрать все, что о нем написано до сей поры и льщу себя светлой надеждой написать о Карачае и карачаевцах книгу.

— Это в нынешнее время-то? — с тенью недоумения спросила Варенька.

— Разве суровость времени может быть помехой, а тем более оправданием для безделья? — улыбаясь, ответил Умар. — Разве не ведут сейчас сложную научную деятельность Павлов и Тимирязев, Покровский и Марр?

— И сочинение Потто — тоже для вашей работы? — осведомился Сергей Сергеевич, даже отошедший от печки, заинтересовавшийся беседой с Умаром.

— Конечно. Нижегородскому драгунскому полку довелось в конце XVIII и в начале прошлого века участвовать в военных действиях на землях, где живут карачаевцы и черкесы. У Потто, несомненно, я найду немало интересных фактов.

— А Энгельс? — чуть прищурился Сергей Сергеевич. — Какое отношение имеет этот ученый муж и политик к вашему Карачаю?

— Какое отношение имеет Фридрих Энгельс к Карачаю? Вы читали много его работ, Сергей Сергеевич?

— Признаться, ни одной. Как-то ненароком взял в руки немецкий оригинал «Анти-Дюринга», но меня она не заинтересовала, я оборвал чтение на одной из первых же страниц.

— Напрасно. Если б вы продолжили чтение, углубились в суть предмета, то, я уверен, прониклись бы ко всему написанному Энгельсом, как лично, так и в содружестве с Карлом Марксом, не только интересом и уважением, но и подлинным доверием. В этой книге Энгельс, — Умар положил ладонь на обложку «Происхождения семьи, частной собственности и государства», — действительно, нет ни слова о Карачае, но в ней

содержится методология основ истории любого народа, она поможет каждому изыскателю под правильным углом зрения посмотреть на прошлое любой национальности на Земле.

— Больные ноги, к сожалению, еще в молодые годы приковали меня к библиотечной стойке, я не смог побывать в так властно манивших меня экспедициях — мой профиль, избранный в университете — этнография. За свои годы, даже ограниченный пределами квартиры и Румянцевского музея, я видел немало удивительного, из ряда вон выходящего. Но более всего меня поражает стремление большевиков, от Ленина до простого рабочего, постоянно и жадно пить из неистощимых родников знания.

— А знаете, Сергей Сергеевич, и вы, Варенька, — простите, что я осмелился так вас назвать, — ведь пить из родника в утомительном и тяжком походе, когда все внутри пересыхает от жажды, — великое наслаждение! Вот вам и ответ на ваши слова о том, что странно заниматься наукой в наши суровые дни. Мне двадцать три года. И каждый раз в день моего рождения я задаю себе вопрос, требующий самого правдивого и безбоязненного ответа: а что ты успел сделать полезного?

— Ну, товарищ Алиев, — поглядев на Вареньку, словно прося ее поддержки, проговорил Сергей Сергеевич, — задавать себе такой вопрос в двадцать три года рановато!

— Как, рановато? А разве мало моих, наших единомышленников, товарищей по борьбе сложили головы, не дожив и до двадцати? Выходит, они ничего не сделали и не вправе были, хотя бы в предсмертный миг, задать себе этот вопрос? А ведь они боролись за новую жизнь, за счастье людей.

— Не надо быть таким безжалостным к себе, — просто и убежденно сказала Варенька. — Вы воевали и, наверное, будете еще воевать, вы работаете, если не рядом, то в одном русле с Лениным, вместо законного отдыха изучаете историю своего народа — разве этого мало? А трудностей сколько! Правда, может быть, вам, наркоматским, пайки дают чуть побольше, чем всем.

Умар усмехнулся: в это утро его завтрак, как и завтрак его товарищей по работе в Наркомнаце, состоял из осьмушки немислимого по цвету и вкусу хлеба да из кружки кипятка.

Около часа сидел Умар Алиев за просторным столом, перелистывая страницы и занося записи в блокнот. Варенька любезно принесла ему незамерзшие чернила из-за стойки, и Умар обрадовался возможности писать не карандашом, а любимой

ручкой из клыка дикого кабана -- прошлогодним подарком Серго Орджоникидзе...

В читальный зал пришло еще несколько человек. Они молча углубились в работу.

Внезапно зазвонил висящий на стене за стойкой телефонный аппарат.

Варенька сняла трубку:

— Алло, вас слушают в читальном зале библиотеки Румянцевского музея... Нет, не много посетителей. Конечно, знаем. Товарищ Алиев? Здесь... Сейчас.

Несмотря на то, что Варенька говорила очень тихо, стараясь не мешать сидящим в зале, Умар услышал свою фамилию, повернул голову и, не дожидаясь варенькиного приглашения, встал и направился к телефону. Варенька молча передала ему трубку.

— Да, я. Здравствуйте... К Владимиру Ильичу? Через час? Хорошо, я сейчас буду в Наркомате.

Сергей Сергеевич и Варенька не отрывали уважительных взглядов от Умара, пока он вернулся к своему столу, принес вначале книги, а затем чернильницу, вложил блокнот в полевую сумку армейского образца.

— Срочно вызывают. Книги эти я прошу вас пока не относить. Возможно, вечером еще зайду сюда. А не то завтра. До скорой встречи!

Сергею Сергеевичу Умар протянул руку, а Вареньке вежливо поклонился, но она сама подала ему худенькую ладонь...

В Кремле, в Управлении делами Совнаркома Умара Алиева встретил Бонч-Бруевич.

— Как раз вовремя, товарищ Алиев. Пойдемте, я вас проведу...

Через пару минут, в уже знакомом кабинете, вышел из-за стола и своей быстрой походкой направился навстречу Умару Владимир Ильич Ленин.

И снова Умар ощутил в себе такую переполненность радостной торжественностью, которая словно на какое-то мгновение окрыленно подняла его на самую высокую точку бытия, а затем с невероятной силой сковала все его существо.

А Владимир Ильич уже приветливо протянул ему руку, затем, взяв Умара под локоть, пригласил его к столу.

— Здравствуйте, товарищ Алиев! Мне сказали, что вы ушли поработать в библиотеку Румянцевского музея, но я вынужден оторвать вас по весьма неотложному делу... Кстати, вы знакомы?

Только теперь Умар, которого простота и внешняя обыденность Ленина вернули в естественное состояние духа, заметил стоявшего справа от рабочего стола Владимира Ильича коренастого, краснощекого человека во френче, перетянутом ремнями, с веселыми глазами и короткими усиками.

— Знакомьтесь, — продолжал Ленин, — товарищ Федько, товарищ Умар Алиев.

— Да мы еще с прошлого года знакомы, Владимир Ильич, — пояснил Федько.

— Тем лучше. Долго я вас задерживать не стану, подробные инструкции вам даст товарищ Стасова. Вы, конечно, знаете, что недавно Крым освобожден от оккупантов и контрреволюции, там восстановлена Советская власть. Ваша задача — помочь местным коммунистам еще более упрочить эту власть, сделать так, чтобы местное население стало надежной опорой социалистических преобразований в Крыму. Вы должны помнить и о другом: Деникин, овладевший Северным Кавказом, несомненно, при поддержке английских, французских и иных интервентов, попытается овладеть этим архиважным по стратегическому значению районом.

И я не уверен, что в случае решительного наступления контрреволюции нам удастся удержать Крым. Это, конечно, в самом худшем случае, наш уход с полуострова будет временным, но и к этому следует тщательно подготовиться.

Вам, товарищ Алиев, Центральный Комитет нашей партии поручает организацию надежных сил для подпольной работы из числа местного мусульманского населения. А вы, товарищ Федько, будучи командующим войсками Советского Крыма, должны одновременно заняться созданием подпольных боевых групп и отрядов, действия которых окажутся весьма полезными в случае белогвардейского вторжения.

— Простите, товарищ Алиев, — Ленин вдруг вплотную подошел к Умару, — но вполне ли вы здоровы?

— Абсолютно здоров, Владимир Ильич!

— Значит, просто усталость наложила отпечаток на вашем лице. Вот эта командировка как раз будет полезной и для вашего здоровья: в Симферополе обязательно зайдите к моему младшему брату, Дмитрию Ильичу Ульянову. Он руководит здравоохранением в Крыму и, кроме того, — говорю это совершенно беспристрастно, абсолютно отбросив родственные симпатии, — он довольно толковый врач...

Итак, дорогие товарищи, не смею вас дольше удерживать, вас ждет товарищ Стасова. Если потребуется экстренная помощь — не стесняйтесь, по прямому проводу обращайтесь лично ко мне.)

В тот же вечер Алиев и Федько выехали с Курского вокзала поездом, идущим в Харьков.

Сборы в дорогу отняли все короткое время до отхода поезда. Умар очень жалел, что не зашел проститься с Сергеем Сергеевичем и Варенькой...

Лишь летом 1920 года сумеет вновь заглянуть Умар в библиотеку Румянцевского музея, и пожилая дама, весьма несловоохотливая, сообщит, что Сергей Сергеевич скончался год назад, а его внучка Варя, сразу же после смерти дедушки, отправилась сестрой милосердия на Южный фронт. Она погибла в боях за Ростов-на-Дону.

А пока — февральская тьма девятнадцатого года сурово глядела в окно вагона, где сидели друг напротив друга Федько и Алиев. Они ехали выполнять задание партии.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

По севастопольскому морскому бульвару, заполненному гуляющей публикой, мимо петербургских и московских расфранченных «беженцев», щеголеватых офицеров, оживленно болтающих с дамами, мимо вытягивающихся в струнку юнкеров, шел высокий, стройный кавказец с лихо закрученными усами и коротко подстриженной бородкой, в черкеске с серебряными погонами сотника. На повороте с бульвара он остановился у афишной тумбы, с которой глядели лица столичных театральных знаменитостей, кафе — шантаных див, опереточных «звезд». Прямо в-глаза проходим били крупные черные буквы:

«Всему населению Крыма и Севастополя.

По данным вверенной мне контрразведки в Крыму скрывается и ведет преступные действия в ущерб Добровольческой армии один из главарей так называемого Крымского областного комитета партии большевиков-коммунистов Умар Алиев (он же Гумар Галави, он же Казбек). Лицо, сообщившее о местонахождении упомянутого врага российского народа, получит

щедрое вознаграждение. Лица, укрывающие большевистского лазутчика, будут повешены без суда и следствия.

Начальник контрразведки вооруженных сил Юга России — генерал-майор Я. «С л а щ е в».

Сотник внимательно прочитал броский плакат и окликнул проезжавший мимо фаэтон. Через пятнадцать минут он расплатился с извозчиком на тихой окраине Севастополя, дождался, пока фаэтон скроется из вида, и зашагал по узенькой улочке. Свернув в переулок, он трижды негромко стукнул рукояткой шашки в серебряных ножнах в закрытую ставню вросшего в землю, покосившегося домика с камышовой крышей...

— Итак, товарищи, пора расходиться. Считаю, что каждый выполнит свой долг. Адреса явочных квартир вам теперь известны. Постоянно информируйте центр о ходе работы. О времени следующего совещания вы будете оповещены.

Когда люди покинули поодиночке домик, было уже темно. Готовясь ко сну, сотник стал снимать с черески узкий пояссок, богато украшенный серебром. Вдруг в комнату вбежал хозяин:

— Умар, беда! Двор оцепляют солдаты и казаки! Что делать?

Умар схватил лежавшую на табуретке шашку, другой рукой — кинжал, перебросил через плечо ремешок с висевшим на нем маузером и выскочил во двор, за угол домика. В калитку стали сильно стучать. Раздался повелительный крик:

— Эй, хозяин, открывай! Дом окружен, открывай добром! Все равно, отсюда и мышь не выскочит!

Умар разглядел во мраке большую кучу конского навоза. Не раздумывая, он с удивительной быстротой разгреб ее сверху, прыгнул в образовавшуюся яму, а хозяин быстро забросал его навозом и только потом, лениво потягиваясь, сердито пробасил:

— Чего раскричался? И ночью не даете людям покоя? Иду, можешь и подождать!..

Едва хозяин отодвинул тяжелый железный засов и открыл калитку, во двор буквально ворвались три казака: хозяин выглянул на улицу и увидел там до десятка пеших и конных.

Один из вошедших, высокий, смуглолицый, втянул хозяина за ворот рубахи во двор и изо всех сил стеганул нагайкой

по спине. Вскрикнув от боли и неожиданности, хозяин громко проговорил:

— За что бьете, господин хороший? Чем я провинился?

— Ах ты, быдло! Еще голос поднимаешь? Прячешь преступника, краснопузого бандита, и спрашиваешь, за что тебе плетюганы положены? Да тебя убить не жаль!

— Какого преступника? Какого бандита? Вы шутите, начальник!

— Шучу? — казак вновь занес нагайку. — Говори подобру-поздорову, где ты его спрятал, не заставляй нас тратить лишнее время. Мы все равно разыщем эту красную сволочь, а тебя за укрывательство шлепнем на месте.

— Да никого у меня нет. Пожалуйста, ищите! Человек-то не иголка, как я его спрячу? Зачем попусту измываться надо мной?

— Мы даром не явились бы. Знаем, что злоумышленник здесь. Сидоренко, Пивень, приступайте!

Начался обыск. Более часа длился он. Были тщательно обследованы двор и огород, сарай и конюшня, чердаки и подвалы, опрокинуты сундуки, переверошены постели. Все напрасно. Погрозив напоследок хозяину и крепко выругавшись, пышноусый верзила с двумя своими подручными покинул дом.

Калитка захлопнулась. Хозяин через щель в заборе сумел рассмотреть на темной улице силуэты коней и людей.

«Не торопятся уходить, — отметил хозяин про себя, — видно, собираются вновь обыскать двор, когда рассветет».

А пышноусый казак, помнивший строгое наставление есаула найти опасного большевика, решил отвести свою команду подалее от подозреваемого дома, чтобы ввести хозяина в заблуждение. Если даже разыскиваемый покинул дом, то он наверняка еще придет туда. Надо наблюдать. Казаки и солдаты получили соответствующие указания.

С демонстративным шумом, бряцая оружием и понукая лошадей, казаки и солдаты удалялись от дома; вскоре затих стук копыт и вновь воцарилась глухая ночная тишина.

Успокоив жену, хозяин подошел к навозной куче и, натянув брезентовые рукавицы, стал разгребать ее.

— Скорее выходи, Умар!

— Ушли солдаты?

— Ушли. Но, конечно, наблюдают за домом. Моя Санида на чердаке, она следит за всем, что происходит на улице, и при малейшей опасности оповестит нас... А пока давай войдем в

дом да подумаем, что делать. Ой, спину так и жжет! Проклятая нагайка, чтоб сплели такую же из кожи ее хозяина!

Не зажигая лампы, Умар и Джагафар уселись на низенькой тахте.

— Видишь ли, Джагафар, нет никакого сомнения: рано утром этот казак, что был старшим при обыске, доложит начальству о безрезультатности поисков. Дом, конечно, под неусыпным надзором. И начальник, возмущившись неудачей, может сам пожаловать сюда. А при дневном свете даже в куче навоза от наблюдательного глаза не скроешься. Надо придумать, как мне уйти отсюда пораньше... Если бы ты знал, Джагафар, до чего я удручен тем, что причиняю тебе и твоей доброй Саниде такое беспокойство.

— Что ты, что ты, Умар! Твоя жизнь — моя жизнь, и я рад помочь тебе. А способ провести за нос белогвардейских ищек я, кажется, нашел.

И несмотря на то, что в комнате они были только вдвоем, Джагафар стал шепотом излагать свой план. Умар тихонько рассмеялся...

Едва стало светать и тихая улица огласилась криками петухов, радостно приветствующих румяную зорьку, со скрипом распахивались ворота то одного, то другого двора, на улицу выезжали телеги. Позвякивал на подводах крестьянский нехитрый инвентарь: вилы да лопаты, грабли да мотыги. Жители пригорода торопились на свои скудные земельные наделы, нужно было торопиться пахать зябь, сеять озимые. На многих подводах высились кучи навоза — каменистая земля требовала, чтоб ее погуще удобряли.

Когда первая телега с навозом завернула за угол, из узкого переулка к ней приблизились двое солдат с винтовками наперевес.

— Стой, стой, нехристь! Куда едешь чуть свет? Что везешь?

— Тпру!.. Зачем спрашиваешь, солдат? Куда еду? Земля работать еду! Что везу? Понюхай, что везу, если глазами слепой!

Один из солдат воткнул штык в навоз, ткнул еще раз. Махнул рукой:

— Поезжай, не нашего бога черт!

Такая же процедура была проделана со второй, третьей подводами. Потом солдатам надоела эта возня, и они лишь хмуро поглядывали на тянувшиеся вереницей возы...

Выехав на телеге из ворот своего двора, Джагафар построился за подводой соседа, поздоровавшись с ним. Пара коней неторопливо шагала по улице. Вот и поворот, Джагафар с тревогой увидел солдат, идущих наперерез ему. Сердце дрогнуло.

— Стой, земляк! Табак есть?

— Табак есть, солдат. Бери, кури.

И Джагафар протянул русоволосому бородачу объемистый кисет. Солдаты свернули сигарки.

— Спасибо, земляк. Поезжай с богом...

Когда телега спустилась с горки под кручу, где дорога пряталась в густых зарослях ивняка, Джагафар придержал лошадей и тихо сказал:

— Приехали, Умар.

Из навозной кучи показалась сначала голова Умара, обмотанная рогожей, а потом он ловко спрыгнул наземь.

— Иди, Умар, по этой тропинке. Выйдешь к каменной хижине пастуха. Скажешь: «Опять овец стричь надо». Тебе ответят: «Придет пора — обязательно острижем».

Умар скрылся за поворотом. Джагафар тронул лошадей.

Вдруг позади послышался стук копыт. Поднимая пыль, галопом скакали трое ночных знакомцев — казаков.

— Стой! Стой!

Долговязый спешился, выхватил шашку из ножен и стал ворошить навоз на телеге. Потом крепко выругался, сплюнул, вскочил на коня, и все трое поскакали вперед, догоняя другие подводы.

Умар Алиев, выполнив задание партии по организации большевистского подполья в Крыму, в форме белогвардейского офицера едет на Кавказ, налаживает конспиративные связи и собирает разведывательные данные в Екатеринодаре, Майкопе, Пятигорске и Кисловодске, Владикавказе и Грозном, Порт-Петровском и Темир-Хан-Шуре.

В Кисловодске, занятом денкинцами, Алиев случайно встретился с советским активистом Локманом Тохчуковым, который остался там, сваленный сыпным тифом. Тохчуков снабдил Умара новыми документами, ибо «сотника Чеченской дивизии генерала Бабиева — Султана Гучикова» уже разыскивала слащевская контрразведка.

По распоряжению Кавказского краевого комитета РКП(б) Умар Алиев несколько месяцев работает в большевистском под-

полье Баку. Вместе с Виктором Нанейшвили, Анастасом Микояном, Рухуллой Ахундовым, Габидом Джабиевым он руководит подготовкой антиденикинского восстания в Дагестане и антимусаватистского в Азербайджане. Он ведет пропагандистскую и агитационную работу, пишет воззвания к трудящимся на арабском, персидском, турецком, кумыкском языках.

Осенью 1919 года Алиев получает новое задание: участвовать в руководстве повстанческим движением в Дагестане. Его избирают членом подпольного Дагестанского обкома РКП(б) и членом Совета Оборона Дагестана и Северного Кавказа. Он заведует Политотделом повстанческих войск, а как секретарь Совета Оборона пишет многочисленные листовки, разоблачающие истинные, антинародные цели горских правителей, деникинцев, турецких и мусаватистских агентов.

В ночь с 4 на 5 марта 1920 года Умар Алиев вместе с другими членами Совета Оборона — большевиками был неожиданно арестован в ауле Леваша командовавшим группой повстанческих войск «военным специалистом» турецким полковником Казым-беем.

Предвидя крушение своих авантюрных планов, турецкие офицеры, подвизавшиеся в повстанческой армии Дагестана, заодно со своими дагестанскими единомышленниками, решили расправиться с большевиками — руководителями повстанческого движения — и провозгласить буржуазную националистическую республику. Турецкие аскеры Казым-бея злодейски убили председателя Совета Оборона видного дагестанского коммуниста Казбекова, такая же участь неминуемо ждала и других арестованных. Но дагестанские трудящиеся с оружием в руках освободили своих руководителей. Генерал Нури-паша, полковник Казым-бей и другие турецкие авантюристы позорно бежали из Дагестана.

Повстанческие войска в конце марта 1920 года перешли в решительное наступление на деникинцев и 27 марта освободили административный центр Дагестана Темир-Хан-Шуру. В тот же день было опубликовано воззвание Революционного Совета Оборона Северного Кавказа к населению с призывом оказывать активную поддержку Советской власти. Это воззвание подписали председатель Совета Джелал Коркмасов и секретарь — Умар Алиев.

29 марта командование повстанческих войск Дагестана обратилось к населению с призывом переходить к мирному строительству. Под обращением стояли подписи командующего вой-

сками Мутаева, начальника штаба Умара Алиева и политического комиссара Бориса Шеболдаева.

За активное участие в борьбе за победу Советской власти на Северном Кавказе и за умелое руководство антиденикинским повстанческим движением в Дагестане Умар Алиев был награжден Почетной грамотой Реввоенсовета Кавказского фронта и именован оружием.

И СИЯЕТ СОЛНЦЕ

2 апреля 1920 года в Темир-Хан-Шуру прибыл командующий Астраханским экспедиционным корпусом Смирнов. Его встречали Мутаев, Алиев, Шеболдаев, Қоркмасов. По случаю победного соединения красных войск Дагестана с Красной Армией Советской России в тот же день на площади за городом состоялся торжественный парад войск, как местных, так и прибывших из Астрахани. Этот парад явился демонстрацией результатов огромной работы, которую проделала большевистская партия, пока не привела красного воина от палочной муштры царской армии через партизанщину и анархию к сознательной дисциплине.

К красноармейцам обратился с речью Смирнов:

— Я счастлив приветствовать красные партизанские отряды горцев, шедшие нам навстречу в борьбе за освобождение трудового народа от ига капиталистов. Но не должно быть и нет Красной Армии Дагестана, нет Красной Армии России, а есть единая Красная Армия, армия трудового народа.

Приветствую единую Красную Армию, единую Российскую Социалистическую Советскую республику и Третий Интернационал!

На импровизированную трибуну поднялся политический комиссар Экспедиционного корпуса.

— Положен конец грубому издевательству над трудовым народом. Поздравляю с победой красные Дагестанские войска и приветствую их от имени красных войск Советской России. Наша армия голодала в астраханских песках, терпела невообразимые лишения, о которых знает присутствующий здесь герой красного дагестанского повстанчества товарищ Умар Алиев, испытавший на себе всю тяжесть отступления

XI Армии. Но мы верим в конечную нашу победу. И теперь, идя с боями сюда, мы знали, что народы Кавказа встретят нас достойно, что они уже подняли повстанческий меч на головы преступников генерала Деникина. Мы стремились навстречу вам, стремились на Кавказ освободить поработанные народы, и нас везде ждала торжественная встреча. Авантюристы, разбойники с большой дороги теперь отброшены далеко за пределы наших баррикад: отступая, они побросали оружие и обманутые войска, которые посылали против вольного народа. Нет такой силы, которая могла бы противостоять движению армии трудящихся! Против вольного Дагестана не могли устоять никакие разбойники, старавшиеся ухватить дагестанцев за ворот и сказать: «Я господин, потому что ты раб». С другой стороны, у Дагестана была твердая надежда, что Красная Армия России придет и поможет ему в непосильной борьбе и даст мир измученному народу. Ваши надежды оправдались. Вы видите перед собой наши красные войска. Не может быть уже речи о возвращении черных дней контрреволюционного владычества.

Сегодняшний день — день нашей общей радости и единения, праздник освобожденного трудового народа!

Громкими рукоплесканиями встретили все появление на трибуне Умара Алиева.

— Приветствую доблестные части Красной Армии от имени Дагестанского областного комитета Российской Коммунистической партии большевиков! Всю силу и умение положили мы, чтобы помочь Красной Армии Советской Республики. Лучших своих товарищей мы отдали для борьбы с контрреволюционной авантюрой. Имена товарищей: Буйнакского, Дахадаева. Казбекова и других лучших борцов, положивших жизнь в борьбе, свидетельствуют о желании дагестанского трудового народа соединить свою судьбу с судьбой трудового народа всей России. Теперь мы на перевале. Мы победили. Но перед нами стоят еще великие задачи. Одна задача — очистить всю нашу страну от последних остатков контрреволюции. Другая задача — приступить к мирному строительству. Мы с честью выполним эти задачи!

На трибуне Борис Шеболдаев.

— Только ложью и обманом старались оттянуть день своей гибели царские опричники и прочие любители снова поставить на колени трудящихся, освобожденных великим Октябрем. Мы долго ждали протянутую нам с севера руку — руку помощи, которая помогла бы нам одолеть наших врагов и за-

кончить борьбу с контрреволюцией в Дагестане. Наши надежды оправдались. Общими усилиями Дагестан очищен от насильников генерала Деникина. Мы должны забыть прежнее разделение на казаков, горцев и крестьян, должны забыть ту люютую злобу, которая царила и умножалась нашими эксплуататорами между этими группами. Теперь рабочий, крестьянин, казак, горец — одна единая семья, объединившаяся под Красным знаменем для свободной, честной и мирной жизни и труда. Для населения наступает теперь период мирной хозяйственной и культурно-просветительной работы. Мы надеемся и верим, что в этой созидательной работе нас поддержит такая же сильная рука помощи, как и та, что оказала нам поддержку в работе боевой. Руку эту направляет могучая большевистская партия, руководимая самым близким трудовому народу человеком — Владимиром Ильичем Лениным. И это — залог нашей победы!

В начале апреля повсюду в Дагестане были распространены листовки с текстом приветствия Северо-Кавказского Ревкома. Листовки эти читались вслух на стихийно возникающих митингах, в людных местах. Вот каков был текст этого приветствия:

«Свободные дагестанцы!

От имени победоносной Красной Армии мы приветствуем вас, гордые сыны Дагестана. Тяжелые цепи, которыми вас сковали враги трудового народа, разбиты навсегда и Советская Россия никогда не забудет той героической борьбы, которую вы в течение долгих месяцев вынесли на своих изможденных плечах. Советская Россия всегда помнила, что в ее тяжелой борьбе с угнетателями трудящихся масс она имеет верных и твердых союзников гордого Дагестана и всего Северного Кавказа и вот теперь мы крепко сжимаем друг другу руки и празднуем нашу общую победу.

Враги наши уничтожены, остатки их еще прячутся кое-где в глубоких ущельях и далеких аулах, но и там мы совместно с вами скоро найдем их. Теперь, чтобы закрепить нашу торжественную победу, нам нужно создать твердую революционную власть, как на Северном Кавказе, так и в Дагестане. Лучшие люди из вашей среды, честные борцы за дело трудового народа должны стать во главе этой власти.

Задача Советской власти прежде всего помочь населению Дагестана, пострадавшему от деникинцев, восстановить свои родные жилища. Враги Советской власти не перестают распро-

странять о ней гнусную ложь, будто бы Советская власть уничтожает религию, шариат и т. д.

Помните дагестанцы, что Советская власть и ее Красная Армия идут только затем, чтобы освободить угнетенные народности от порабощения кем бы то ни было. Религия, нравы, ваши обычаи, весь внутренний уклад горцев Советская власть оставляет в полной неприкосновенности и сделает все к тому, чтобы горцы Северного Кавказа стали истинно свободными в своем национальном развитии и самоопределении.

Приветствуем выделение из Совета Обороны Революционного Комитета Дагестана в составе:

1) Председатель Революционного Комитета тов. Кормасов, члены: 2) Сафар Дударов, 3) Осман Османов, 4) Шеболдаев Борис, 5) Мирза-бек Ахундов, 6) Магомет Инеев, 7) Саид Габиев, 8) Абас-Ага Эфендиев, — который установит твердый порядок в Дагестане, после чего трудовые народы Дагестана сумеют определить сами свою судьбу и создать такую власть, которая сумеет стать постоянной защитницей интересов трудящихся масс Дагестана.

Советская власть представит всем Горским Народам полную возможность самоопределяться.

Поздравляя вас, гордые сыны Дагестана, с очищением Вашего Края от деникинцев, мы заявляем, что все Ваше оружие должно остаться при Вас, дабы Вы могли окончательно сокрушить всех Ваших врагов, врагов трудового народа.

Свободна отныне Советская Россия от всех врагов, уничтожены враги Советской власти на Северном Кавказе и в Дагестане.

Да здравствует победоносная Красная Армия!

Да здравствует свободный Дагестан и его самоотверженные борцы за дело революции! Да здравствует Советская Россия, освобождающая угнетенные народы!

Командующий Кавказским фронтом

Тухачевский

Член Революционного Военного Совета фронта
и Председатель Северо-Кавказского Ревкома

Орджоникидзе

Член Революционного Военного Совета XI Армии
и член Северо-Кавказского Ревкома

С. Киров».

А 15 апреля Умар Алиев, работавший уже две недели комиссаром просвещения и печати Дагестана, был вызван по телеграфу в Пятигорск, в Северо-Кавказский Ревком. Под телеграфным вызовом стояли подписи Орджоникидзе и Кирова.

СВЕТ РОДНОГО ОЧАГА

Северо-Кавказский Ревком помещался в красивом двухэтажном особняке на центральной улице Пятигорска. Постовой красноармеец, проверив документы Алиева, указал ему дверь кабинета председателя.

Умар постучал.

— Войдите, пожалуйста, — послышался из-за двери знакомый голос Григория Константиновича Орджоникидзе.

Умар вошел, и Орджоникидзе, увидев его, буквально рванулся навстречу из-за массивного письменного стола.

— Спасибо, спасибо, дорогой! Молодец, что сразу приехал. Ты очень нужен! Садись. Мне кажется, вы знакомы с Сергеем Мироновичем.

У кресла, стоящего справа от Умара, около самой двери, с удивительным добродушием, сразу располагавшим к себе, улыбался невысокого роста коренастый русоволосый мужчина лет тридцати пяти, одетый в полувоенную гимнастерку, перепоясанную широким ремнем, и в брюки-галифе, заправленные в сапоги. На лице, тронутом еле заметными рябинками, сияли добрые, но твердые взглядом глаза.

— Рад с вами вновь встретиться, товарищ Алиев. Мне о вас два года назад много хорошего говорил и покойный Яков Михайлович Свердлов. Он назвал вас «первым революционным могиканом» из горцев.

— А я, Григорий Константинович, давно знаком с Сергеем Мироновичем, с той поры, когда начал читать его статьи в «Тереке».

— Вот и отлично! — воскликнул Орджоникидзе. — Выходит, что вам и знакомиться не надо. Так вот, Умар, я и Киров вызвали тебя для того, чтобы предложить тебе пост заведующего горским Отделом Северо-Кавказского Ревкома по организации Советской власти среди горцев. Мы остановились на твоей кан-

дидатуре не только потому, что тебя знают горцы, но и потому, что ты сможешь придать и правильную политическую линию, и литературную доброкачественность большевистской газете на арабском языке, намеченной нами к изданию. Мы даже, вместе с Сергеем, — Орджоникидзе подмигнул Кирову, — и название для газеты придумали: «Коммуна Кавказа».

...Прямо из Пятигорска Умар Алиев отправился в Баталпашинск, где 26 апреля должен был открыться съезд горцев Карачая и Черкесии.

Умар Алиев выступил там с докладом о текущем моменте, разъяснил делегатам политику партии по земельному и национальному вопросам.

После съезда Умар посетил некоторые аулы Карачая. Он побывал в Картджурге, вместе с братьями и сестрой погоревал об отце и матери, умерших от тифа два года назад. Потом направился в Теберду.

* * *

Аул Верхняя Теберда — один из живописнейших в Карачае. Быстрая, неумолчно грохочущая горная река, подступающие к аулу вековые сосны, грозные громады величественных скал... Благословенный воздух, равного которому по свежести и волшебной целительности трудно сыскать... Но смутная тревожность беспокойного времени, казалось, пропитала даже чистую легкость этого воздуха, нависла над рекой и скалами, над соснами и строениями аула.

Еще вчера вечером прискакавший на взмыленном от дальней и утомительной дороги из Нижней Теберды коне верховой привез весть о том, что завтра сюда приедет «большой красный начальник».

— Этот начальник, — глядя в сосредоточенные лица аульчан, сказал гонец, — будет устанавливать новую власть в нашем ауле, как и по всему Карачаю. И знаете, кто он? Умар Алиев, сын Джашу из Картджурта!

Большинство жителей отнеслось к этому известию с надеждой и радостью. Но нашлись и такие, что злобно отплевывались, не предвидя для себя ничего хорошего.

Едва заалела зорька следующего дня, как в аул стали стекаться люди из соседних селений, с высокогорных кошей, с за-

терянных в глубине ущелий и каменистых плато урочищ. Ехали верхом и добирались пешими, в одиночку и целыми семьями. Скрипели колеса выносливых арб, цокали подковами кони, оглашали воздух криками ослы. Мужчины и женщины, старики и дети располагались во дворах своих родичей и кунаков, а многие распрягали быков и коней прямо на площади перед мечетью, разжигали костры, варили в котелках похлебку, поджаривали мясо, прикладывались к бурдюкам с айраном.

«Что скажет нам «красный начальник?» — думал каждый. Среди ожидавших многие знали Джашу Алиева и его семью, бывали в Картджурте, видели Умара мальчиком и подростком. Они старались представить, как он выглядит теперь, с какими мыслями и намерениями приехал он в родные, отчие места.

На крыльце здания школы сидели два местных учителя — Хызыр Халилов и Шугаиб Акбаев. Они вели беседу о самом волнующем: когда, наконец, воцарится подлинный мир на нашей земле, скоро ли народ сможет воспользоваться теми благами, путь к которым открыла Октябрьская революция. И, конечно, говорили о приезде Умара Алиева.

— Да, высоко взлетел наш орел! Кто бы мог подумать, что сын бедного горца, дитя нашего маленького, затерянного в горах народа, будет продолжать дело революции в Москве, рядом с Лениным.

В это время к крыльцу подбежал восьмилетний сын Акбаева — шустрый, круглоголовый крепыш Хамид. Бойко приплясывая, топая босыми ножками, он во всю мочь закричал:

— Отец! Хызыр-ушаз! К нам приехал карачаевский царь! Идите скорее к мечети!

Хызыр и Шугаиб недоуменно переглянулись, хотели спросить мальчугана, о чем он говорит, но того уже и след простыл.

Небольшая площадь перед мечетью была плотно запружена народом. С балкона мечети громко звучал голос Умара Алиева. Да, это был он. Умар рассказывал жителям Верхней Теберды об Октябрьской революции, о Ленине. Он объяснял, за что борются большевики и почему с такой яростью и бешеной злобой противодействуют им силы старого, черного мира, низвергнутые революцией.

Когда Умар обратился к слушателям, спрашивая, все ли им понятно, нет ли у них вопросов, из первых рядов раздался гнусавый голос местного муллы:

— Вот ты, Умар Алиев, говоришь здесь, что большевики несут народу счастье, свободу, равенство. О каком счастье может

быть речь, если карачаевцы воюют против карачаевцев уже почти три года? Брат убивает брата, сын поднимает руку на отца. И эту смуту подняли твои, Умар, большевики. Разве можно говорить о свободе, если чуть ли не каждый день меняется в наших аулах власть и жители не ведают, кому подчиняться. В этой неразберихе повинны тоже большевики. Смешно твердить о равенстве. Вот ты стоишь над толпой народа, на балконе мечети. Раньше оттуда говорили царские начальники и чиновники, для которых даже мысль о равенстве с простыми карачаевцами была оскорбительна. Теперь с того же места поучаешь людей ты. Чем же ты отличаешься от слуг русского царя? Ты такой же, как они, начальник, хотя служишь другому царю — Ленину...

Окружавшие муллу местные богатеи одобрительно зашумели. Умар поднял руку.

— Да, почти три года идет война. Но ее начали те, кто хочет счастья не для трудового народа, а лишь для себя, для кучки денкиных да гучковых и их приспешников крымшамхаловых и дудовых. Да, трудовому народу мешают воспользоваться завоеванной свободой банды авантюристов и карателей, которым народная свобода встала поперек горла. Да, я действительно нахожусь сейчас на том самом балконе, откуда высокомерно разговаривали с людьми царские холуи. Но разница в том, что теперь, в эту самую минуту, на балкон мечети имеет право подняться любой из жителей аула, стать рядом со мной и говорить так, как ему велит честь и совесть, говорить так же свободно и безбоязненно, как говорю я. Верно и то, что я служу ленинской партии, которая борется за счастье народа.

Почтенный мулла назвал Ленина царем. Да будет известно, что этот «царь» имеет всего один костюм, работает от зари до зари, забывая о еде, об отдыхе. Этот «царь» не сядет сам до тех пор, пока не усадит пришедшего к нему простого рабочего или мужика.

Умар вдохновенно рассказывал о Ленине, и толпа слушала напряженно и жадно. Теплели глаза исстрадавшихся людей, на лицах появлялись радостные улыбки.

Толпа одобрительно зашумела, убежденная доводами Умара, покоренная железной логикой его слов.

Но мулла не унимался:

— Пусть представитель, пожаловавший к нам, скажет прямо: как собираются поступать большевики с вековыми устоями

жизни нашего народа — адатом и шариатом? Почему они закрывают святыне мечети? Впрочем, господин—товарищ Умар Алиев давно уже забыл заветы предков, принял веру гяуров. Он, конечно, плюет на адат и шариат, для него наш божественный Коран — тьма, в которой он ничего не видит. Он позабыл даже те места Корана, которым его обучал мулла в детстве.

В ответ Умар улыбнулся и выразительно, громко произнес наизусть несколько сур Корана по-арабски, потом перевел их содержание на карачаевский. В этих сурах говорилось о тех невежах, что кичатся своими скудными познаниями перед учеными мужами.

На площади раздался хохот.

После окончания митинга к Умару подошел Халилов. Трудно передать радость, которая захватила обоих при этой встрече. Подумать только, они не виделись целую вечность!

Халилов надеялся провести вечер в приятной беседе со своим бывшим учеником. Но Умар и его спутники торопились. Еще до наступления сумерек они тепло простились с провожавшими их жителями аула и поскакали вниз по ущелью, к Нижней Теберде.

* * *

Возвратившись в Пятигорск, Алиев доложил Орджоникидзе и Кирову о результатах своей поездки. Он высказал мнение, что Карачай следует выделить в самостоятельную административно-территориальную единицу.

Между тем, свободно разгуливали в Баталпашинске и в аулах Карачая враги трудящихся князья Наурузовы, Барасбиевы, богачи, генерал Петренко, князь Гагарин. В Теберде спокойно проживал перед финальным своим контрреволюционным выступлением генерал Хвостиков.

В мае 1920 года для ликвидации остатков контрреволюционных банд в горы Карачая направился отряд, возглавляемый уполномоченным Северо-Кавказского Ревкома, верным другом и соратником Умара — Тауканом Алиевым. Мандат Таукану подписал и вручил Серго Орджоникидзе. В аулах, через которые лежал путь отряда, устраивались митинги. Таукан и его товарищи рассказывали о разгроме белогвардейских банд, призыва-

ли земляков активнее укреплять Советскую власть и бороться с ее врагами.

Таукан очень удивился, когда увидел на митинге, собравшемся в селении Верхняя Мара, среди многочисленных слушателей княжну Крымшамхалову, дородную Тотай, богато одетую, выставлявшую напоказ массивные золотые серьги, браслеты и кольца. Ее приходилось ему встречать и в своем родном Хурзуке, и в Кисловодске.

Когда Таукан окончил свое короткое выступление, одобрительно встреченное присутствующими, Тотай вышла вперед с явным намерением говорить. Люди осуждающе зашушукались. Хотя Тотай была и княжеского рода, но еще твердо держалась вековая традиция, по которой женщина не могла и помыслить высказаться вслух при посторонних мужчинах, да еще на аульской площади.

Не скрывая своего озлобления, яростно размахивая руками, бросая ненавидящие взгляды на Таукана и его спутников, Тотай стала поносить новую власть, обливать потоками грязной клеветы большевиков, призывать к истреблению всех, кто сочувствует Советам.

— Люди! Вы слепы и глухи! — неистово кричала Тотай. — Большевики хотят поголовно искоренить весь карачаевский народ, а наши пастбища, леса, скот и имущество раздать голодранцам — русским мужикам, которые осквернят наши святые мечети. Таукан Алиев привел в наши горы красных шакалов для того, чтобы заговорить, обмануть вас, а потом ограбить, растерзать мужчин, насиловать женщин и девушек. Люди! Если каждый из нас бросит хоть по одному камню в этих собак, то они будут заживо погребены в каменной могиле.

На Тотай были устремлены сотни пар глаз. Одни — с еле сдерживаемым гневом, другие — с каким-то испугом, третьи — со скорбным сожалением: уж не сошла ли она с ума?

Долго изрыгала свою злобу Тотай, а когда она, надорвав голос и исчерпав весь запас проклятий и брани, умолкла, Таукан, посоветовавшись со своими помощниками, громко и решительно произнес:

— Эта женщина позволила себе то, что выходит за рамки человеческих понятий о совести и приличии. Дело даже не в том, что она ругала большевиков, которые, кстати сказать, пальцем не тронули ее, сестру белогвардейского вожака, руки которого обагрены кровью сотен и тысяч честных людей. Дело в том, что она показала себя грязной хулиганкой, мерзкой кле-

ветницей и провокаторшей, побуждающей вас к кровопролитию. Опираясь на предоставленные мне Советской властью полномочия, я арестовываю Тотай Крымшамхалову на трое суток. Я не надеюсь, что она одумается и изменит свои взгляды и намерения. Но наказание она должна понести.

* * *

Через несколько дней Таукан Алиев, выехавший по служебным делам за окраину аула Хасаут, был наповал убит пулей из-за уступа скалы. Испуганный конь помчался в аул, оставив сползшее с седла мертвое тело хозяина на каменистом берегу горного потока.

Из-за скалы воровато подошли, озираясь по сторонам, трое, чьи лица до самых глаз были закрыты башлыками. Один из них обнажил широкий, массивный кинжал и одним ударом отсек Таукану голову. Ухватив ее за волосы, он быстро вместе со своими спутниками зашагал назад к скале. За уступом стояли стреноженные кони. Тот, что нес голову Таукана, положил ее в притороченный к седлу мешок. Трое всадников поскакали быстрым галопом на запад, в сторону селения Верхняя Мара.

* * *

— Ну, почему же ты молчишь, грозный Таукан? Почему не хочешь поговорить с родной сестрой белогвардейца Крымшамхалова? Может быть, у тебя язык присох к гортани от жажды? Эй, Сафият, ленивая девчонка, где ты запропастилась? Поддай поживее серебряный рог с самым лучшим вином храброму Таукану!

Явившаяся на зов служанка остолбенела от ужаса, когда увидела свою хозяйку посреди комнаты с окровавленной человеческой головой в руках. Сафият вскрикнула и, как подкошенная, упала без чувств.

Тотай повелительным жестом остановила бородатого, плечистого горца, бросившегося, было, к девушке.

— Не смей, Хусейн! Сама очухается... Спасибо тебе за этот подарок. Молодец, что выполнил мою просьбу. Теперь я почти

отомщена. Да, только почти! Ибо голова Таукана — это голова всего-навсего змееныша, хотя и ядовитого, опасного, но только змееныша! Нам велит всевеликий аллах поступить так же и с другими змеенышами, а главное уничтожить самого змея — Умара Алиева! Да свершится воля аллаха! А голову Таукана я сварю и отдам самому злому псу, пусть он сытно пообедает! Возьми вот это, Хусейн...

Тотай подала Хусейну пригоршню золотых червонцев.

— Разделишь на всех троих. А тебе лично, как аванс за будущие такие же подарки, жалую и вот это...

Она сняла со своей руки увесистый золотой браслет.

* * *

Через месяц Умар Алиев приехал из Пятигорска в Хурзук и посетил кладбище, где был похоронен Таукан. Гнев и скорбь жгли его сердце. Он произнес над могилой погибшего речь, призвал жителей аула беспощадно бороться против врагов новой жизни, быть бдительными к их проискам.

* * *

9 июня 1920 года в Кисловодском курзале, где еще три года назад веселились, кутили, слушали оперных знаменитостей и заезжих шантанных певичек окопавшиеся в тылу светские франты и купчики, собралась необычная публика: степенные седобородые старики в бешметах, молодежавшие парни в черкесках, смуглолицые красноармейцы в защитного цвета одежде, женщины-горянки. Вместе с русской речью слышались разговоры на карачаевском и кабардинском языках.

В просторном зале заседал общегорский съезд кабардинцев и карачаевцев.

Съезд начался утром, и лишь к позднему вечеру закончилась его работа.

Перед закрытием заседания к трибуне подошел председатель съезда, единодушно избранный всеми делегатами, Умар Алиев.

— Товарищи делегаты! Есть предложение послать от имени съезда приветствие нашему дорогому вождю, первому другу горской бедноты Владимиру Ильичу Ленину.

Эти слова Умара были встречены бурей рукоплесканий и восторженных взглядов делегатов, в едином порыве вставших с озаренными лицами.

РАДОСТЬ СВЕРШЕНИИ

19 июля 1920 года открылся II конгресс Коминтерна. Одним из членов делегации РКП(б) на нем был Умар Алиев.

На первом заседании конгресса Умар, долго не видевший Ленина, избрал себе место почти у самой трибуны и простоял здесь, впитывая всем своим существом слова доклада Владимира Ильича «О международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала».

В перерыве Умар, беседовавший с делегатом Азербайджана Нариманом Наримановым и своим товарищем по работе в Наркомнаце Мустафой Субхи, вдруг увидел, что его собеседники мгновенно умолкли и как-то растерянно смотрели мимо Умара, а на своем плече он ощутил чью-то руку. Алиев обернулся. Рядом с ним стоял Ленин.

— Здравствуйте, товарищ Умар! Вы что же это, батенька мой, глаз не кажете?.. Знаю, знаю, не надо оправдываться. Орджоникидзе рассказывал мне о той поистине громадной и тяжелой работе, которую выполняете вы на Северном Кавказе. Но, все-таки, надо было хоть здесь, перед открытием конгресса, повидаться со мной: события на Северном Кавказе очень, очень интересуют меня, и я хотел бы услышать информацию от работника, который, можно сказать, находится в самой гуще этих событий. Но об этом мы еще поговорим. А сейчас я подошел к вам вот по какому поводу. Прежде всего, познакомьтесь — это художник Бродский, а это тот самый замечательный горец, который так привлек ваше внимание...

Обращаясь ко всем, стоящим рядом, Ленин пояснил:

— Бродский пишет большое художественное полотно, на котором хочет запечатлеть работу нашего конгресса. И вот, его внимание привлек наш Умар. Исаак Израилевич сказал мне пять минут назад, что фигура этого горца весьма колоритна и

показательна: с одной стороны, этот воинственный вид — белая черкеска, мохнатая папаха, маузер и кинжал, с другой — как сказал Бродский, необыкновенная одухотворенность выразительного лица, теплота глаз, громадная внутренняя сосредоточенность. Так вот, товарищ Умар, Бродский просит вас всего на один час пожаловать к нему в мастерскую, позировать ему. Не отказывайтесь, я тоже согласился на такое позирование, хотя, в принципе, презираю всякую позу. Я думаю, что вы договоритесь. А теперь извините, мне надо готовиться к следующему выступлению. Товарищ Субхи, товарищ Нариманов! Вы оба должны обязательно выступить, рассказать делегатам о самых насущных потребностях трудящихся Востока в данный момент!..

Ленин удалился так же быстро, как подошел.

Умар договорился о времени своего визита к Бродскому — невысокому полноватому человеку с копной вдохновенно растрепанных волос, в широкой, свободной блузе с повязанным крупным узлом бантом вокруг ворота.

Ленин сделал на конгрессе несколько докладов, неоднократно выступал с речами. На одном из заседаний Ленин вначале, когда разбирал вопрос о германской партии, выступил на немецком языке, затем, когда перешел к французской партии, стал говорить по-французски. Суть всех его выступлений сводилась к одному: братские компартии должны быть организованы на принципах революционного марксизма, тесно связаны с массами, проявлять больше решительности и умения, владеть марксистской стратегией и тактикой в деле подготовки победоносной социалистической революции.

Умар Алиев незадолго до конгресса, несмотря на предельную занятость практическими делами, изучил вышедшую в мае 1920 года работу Владимира Ильича «Детская болезнь» левизны в коммунизме». И сейчас в докладах и речах Ленина на конгрессе Умар отмечал те же главные мысли, что и в книге.

Умар Алиев сознавал, что все эти положения являются определяющими и для коммунистической работы в условиях Северного Кавказа. Именно с таким убеждением он вновь ехал на юг: 9 августа закончился II конгресс Коминтерна, а 11 августа Умар Алиев был назначен уполномоченным Наркомата по делам национальностей по Северному Кавказу и Дагестану, с полномочиями — как указывалось в его мандате — на организацию горских отделов при местных органах Советской власти для информации и установления связи с центром.

В конце августа 1920 года Умар Алиев приехал в Баку в числе делегатов Северного Кавказа на I съезд народов Востока.

Умар остановился у Наримана Нариманова — председателя Азербайджанского Ревкома. Съезд должен был открыться 1 сентября, и три дня, предшествовавшие этому, Нариманов и Умар провели в увлекательных для обоих беседах. Вернее, не три дня, а три поздних вечера с захватом и значительной части ночи. Все дневное время у Нариманова уходило на организационную работу, связанную с предстоящим съездом.

Нариманов рассказывал Умару о своей учебе в учительской семинарии, о том, как почти тридцать лет назад он организовал в Баку первую народную общедоступную библиотеку — читальню, о занятиях на медицинском факультете университета в Одессе и о последующей своей врачебной работе, о пятилетней ссылке в Астрахани, о слиянии азербайджанской организации «Гуммет» с партией большевиков. Умар испытывал чувство глубокого уважения к этому человеку, который почти на четверть века был старше его. Разговаривали и о литературных произведениях Нариманова — Умар еще лет пять назад с удовольствием прочел его роман «Бахур и Сона», направленный против национально-религиозных предрассудков.

— Знаете, я как только буду посвободнее располагать своим временем, — горячо заверил Нариманова Умар, — обязательно переведу ваш роман на карачаевский язык. Эта книга поможет бороться с темнотой, невежеством и предрассудками, пустившими глубокие корни в моем народе!

Когда Алиев вернулся из Баку на Северный Кавказ, контрреволюционные банды генерала Хвостикова, генерала Султана Кылыч-Гирея, полковника Крымшамхалова уже заняли всю горную часть Баталпашинского отдела Кубанской области. В горах Чечни и Дагестана орудовали банды авантюриста имама Гоцинского.

Генерал Хвостиков, от которого Врангель требовал более решительных действий, раздраженно писал полковнику Крымшамхалову:

«Медленность формирования и инертность в действиях карачаевских частей свидетельствуют о выжидательности позиции, которую горцы избрали...

...Просил Вас о высылке ко мне делегатов Большого Карачая, и это не выполнено.

Анализируя все происходящее, я прихожу к заключению, что карачаевцы не только не помогают мне, но вредят и мешают работе...»

Борьба продолжалась.

НЕОБЫЧНАЯ МИССИЯ

Небо удивительно глубокой синевы и безмятежности осеняло Армавир в последний летний день 1920 года. Казалось, что, уступая место сентябрю, август решил похвастать всеми своими сокровищами и напоследок покрасоваться в полном великолепии.

И резким контрастом прекрасному и спокойному небосклону была тревожная настороженность, владевшая улицами города, лежавшая на лицах его обитателей. Впрочем, на улицах почти не было видно штатских, лишь проходили то отряды красноармейцев, то одиночный или парный патруль.

Было известно, что белогвардейские банды под командованием генерала Хвостикова несколько дней назад заняли станцию Отрадную и приближаются к Армавиру.

На вокзале, в военной комендатуре, Умару Алиеву рассказали, где размещается полевой штаб девятой армии.

Поднявшись по широкой лестнице с чугунными узорными ступенями на второй этаж, Умар столкнулся с широкоплечим, среднего роста военным.

— Умар, дорогой ты мой! — с радостным восклицанием заключил тот Алиева в объятия. — Как хорошо, что ты приехал! В самое необходимое время подоспел! Идем, дорогой, идем!

— Михаил Карлович, дайте хоть посмотреть на вас, ведь долго не видались.

— Успеем еще, дорогой, поговорить обо всем. А сейчас нас ждут.

Рядом с ними вырос молоденький, с бравой выправкой красноармеец в буденовке и, лихо щелкнув каблуками, обратился к собеседнику Умара:

— Товарищ командующий армией! Вас просит товарищ Серго!

— Иду, иду.

— Значит, Орджоникидзе здесь? — с нескрываемой радостью произнес Алиев. — Вот почему, оказывается, вы так торопили меня. Сразу бы и сказали, Михаил Карлович!

С тем окрыляющим волнением, какое испытываешь перед встречей с очень дорогим человеком, переступил Умар порог комнаты, дверь в которую открыл его спутник.

И вот, прямо перед ним, за столом, накрытым синей суконной скатертью, сидит, поглаживая ладонью густую копну волнистых волос, улыбаясь своей неподражаемо располагающей к нему улыбкой, Серго Орджоникидзе.

Умар молча глядел на него.

— Умар, здравствуй! — Серго встал и вышел из-за стола навстречу гостю. — Ах, как рад я тебя видеть! Что же ты молчишь? Или недоволен свиданием со мною?

Умар Алиев, так и не произнеся ни слова, кинулся к Орджоникидзе с той восторженной несдержанностью, с какой любящий сын рвется к возвратившемуся после долгого отсутствия отцу. Они обнялись и расцеловались.

— Видишь, Левандовский, — покручивая ус и шутливо улыбаясь, сказал Серго командарму, — мы с Умаром не виделись всего лишь три—четыре месяца, а радуемся встрече так, словно жили в разлуке целый век. Все истинные друзья подвластны этому чувству, но только у кавказцев оно проявляется с такой пламенной непосредственностью и искренностью.

— А разве я не отношусь к кавказцам? — с тенью обиды проговорил Левандовский. — Если в Грозном я каждую улочку знаю, то в Тифлисе — каждый камень на любой мостовой.

— Вот почему я и говорю о силе кавказской дружбы, — Серго положил Левандовскому обе руки на плечи. — Здесь встретились три настоящих кавказца, значит будет удача.

И Серго весело засмеялся.

Некоторое время они все трое стояли молча, соединив руки, и лишь глаза вели между собою красноречивую беседу. Сколько испытаний выдержала их дружба, скрепленная единством цели, сколько раз они делили и хлеб, и кров, и опасность!..

— Михаил Карлович, ты ознакомил Умара с обстановкой? — спросил Орджоникидзе Левандовского.

— Не успел, товарищ Серго. Ведь он только приехал.

Они сидели за столом, отхлебывая чай из жестяных кружек, который принес вместе с аппетитными ломтями мягкого ситно-

го хлеба и мелко колотыми кусочками сахара на подносе тот же молодцеватый красноармеец.

— 20 августа Владимир Ильич телеграфировал мне в Баку. Вот эта телеграмма.

Серго извлек из нагрудного кармана гимнастерки и аккуратно, бережно развернул листок голубоватой бумаги. Стал читать:

«— Сегодня провели в Политбюро обязательный выезд Ваш в Ростов для ближайшего участия в ликвидации десантов на Кубани и Черноморье. Ускорьте и налягте на это изо всех сил, извещайте меня чаще...»

— До Ростова, как видите, я не доехал, и застал полевой штаб девятой армии здесь, в Армавире. В отношении ликвидации врангелевского десанта мы с Левандовским уже предприняли необходимые меры. Руководство операцией возложено на Епифана Ковтюха, комиссаром у него — Дмитрий Фурманов. Не сомневаюсь, что под руководством этих замечательных товарищей красноармейцы, при поддержке трудовых слоев казачества, выметут с низовьев Кубани головорезов генерала Улагая.

Намного сложнее обстановка в верховьях Кубани, в твоём, Умар, родном Карачае. Посланный туда с красноармейским отрядом особоуполномоченный Реввоенсовета девятой армии Черемухин прислал донесение, в котором сообщает, что он вынужден был применить суровые меры наказания в станице Кардоникской и в Георгиевско-Осетинском селении, где антисоветские элементы оказывали поддержку белым бандитам. По приказу Черемухина расстреляны двадцать пособников контрреволюции...

— Можно мне высказаться, товарищ Серго? — проговорил Умар Алиев.

— Конечно, Умар. Говори, пожалуйста.

— Я успел в общих чертах получить реальное представление о положении, сложившемся в Карачае. Меня проинформировали вполне надежные люди, не верить которым я не имею оснований. Черемухин, несомненно, честный и преданный делу революции человек, он храбр и смел. С небольшим по численности отрядом он не устранился подняться вверх по Кубани в сердце Большого Карачая, до самого Хурзука. Побывал он и в моем родном ауле Картджурте. Беда Черемухина в том, что он незнаком с вековыми, устоявшимися горскими традициями

ны обычаями, а это приводит к досадным, порою роковым ошибкам.

Выступая на митинге в Картджурте, Черемухин публично оскорблял стариков. Это — непростительная бестактность по отношению к людям, которые с молоком матери впитывают обычай, имеющий силу закона в наших горах: «Не посоветовавшись со старшим, не приступай к делу».

Кроме того, для горца свят закон гостеприимства, закон качества. За безопасность и благополучие своего гостя карачаевец, как и любой другой горец, обязан не жалеть своей собственной жизни. А Черемухин не посчитался с этим, он без всяких оснований обвинил в шпионаже гостивших у своих карачаевских друзей двух ни в чем не повинных осетин из соседнего селения и расстрелял их самолично.

Этими роковыми ошибками Черемухина с радостью воспользовались контрреволюционные элементы, развернули антисоветскую пропаганду в народных массах, к действительным фактам произвола со стороны Черемухина они присочинили массу выдуманных историй о «зверствах большевиков». В Карачае вспыхнуло восстание, которым руководит отъявленный контрреволюционер, отвратительный человек — полковник князь Мырзакул Крымшамхалов.

На сторону Крымшамхалова встало много обманутых простых карачаевцев. Среди них привлекает внимание личность Джатдая Байрамукова. Джатдай — полный георгиевский кавалер, бывший пастух, получивший на фронтах первой мировой войны офицерский чин.

Когда Черемухин со своим отрядом стал уходить вниз по Кубанскому ущелью, поверив провокационному слуху об идущих со стороны Теберды крупных силах белогвардейцев, с ним вместе отправилась и большая группа карачаевцев — советских активистов.

Сразу же после ухода отряда контрреволюционеры стали распространять лживую выдумку, что Черемухин якобы расстрелял всех карачаевцев, отправившихся с ним.

Джатдай Байрамуков был в числе тех, кто поверил в эту гнусную нелепицу, поддался на уговоры матерого белогвардейца Даута Узденова, вместе с ним организовал банду и поднял мятеж. Этот мятеж, одним из главарей которого стал такой опасный авантюрист, как Джатдай Байрамуков, способный увлечь за собой неустойчивую, политически незрелую часть

местной молодежи, может привести к весьма тяжелым последствиям, к множеству бессмысленных жертв.

— Скажи, Умар, — после короткого раздумья спросил Орджоникидзе, — ты лично знаешь этого Джатдая? Тебе приходилось с ним встречаться?

— Разумеется. И он хорошо знает меня. До сих пор он стоял в стороне от политики...

— Ах, Умар, ты ведь прекрасно знаешь, что так не бывает, — перебил Алиева Орджоникидзе. — В политике нельзя быть нейтральным.

— Я не совсем точно выразился. Я хотел сказать, что Джатдай не обнажал последнее время оружия против защитников Советской власти...

— Но и против белых не воевал, — отрезал Серго.

Немного помедлив, Орджоникидзе приблизил свое лицо вплотную к лицу Умара и, твердо отчеканивая каждое слово, сказал:

— Обо всем этом известно и нам. И вот мы с Левандовским решили поручить тебе тяжелую, но крайне нужную миссию: ты должен вложить весь свой ум, всю свою житейскую мудрость в попытку оторвать Джатдая Байрамукова от контрреволюционеров. Если тебе это удастся, то тысячи простых карачаевцев, провокационно обманутых врагами Советской власти, поймут, что их место не в белогвардейском стане, а в рядах борцов за их собственные интересы, за интересы трудящихся. Повторяю, миссия крайне трудная и необычная... А теперь давайте хорошенько подумаем, выработаем подробный план этой операции.

Когда Умар Алиев приехал в Кисловодск, он узнал, что накануне, 4 сентября, белогвардейские банды под предводительством генерала Хвостикова захватили станицу Баталпашинскую. А еще раньше, 1 сентября, в Кубанском ущелье бандиты настигли отряд Черемухина, состоявший из 30 кавалеристов и такого же числа пехотинцев. Завязался неравный бой, в котором погибли почти все красноармейцы. Бандиты не пощадили и карачаевцев, присоединившихся к отряду Черемухина...

Омраченный этими нерадостными известиями, Умар Алиев медленно шел в глубоком раздумье по отдаленной тропинке Кисловодского парка.

Осень еще не коснулась ни веселой зелени листвы, ни малахитового травяного покрова. Бойко, неутомно журчала про-

зрачная речушка Ольховка, словно настойчиво уговаривала идущего вдоль ее берега человека отбросить прочь хмурость и осветлеть обликом и душой в единении с великой прелестью природы...

Однако из тяжелой задумчивости вывел Умара не беспечальный говорок речки, а раздавшееся рядом с ним приветствие:

— Салам алейкум!

Не оборачиваясь, Умар машинально ответил:

— Алейкум салам!

Лишь потом повернул голову. И очень удивился, когда узнал в полном, по-европейски одетом, пожилом человеке богатого помещика и коннозаводчика Хырхаева, переводившего дух от подъема на пригорок.

Тот некоторое время помолчал, а потом, указав глазами на стоявшую вблизи скамейку, сказал:

— Присядем, Умар?

Алиев, озадаченный появлением Хырхаева, направился к скамейке, смахнул с нее рукой опавшие листья, сел. Хырхаев занял место рядом с ним.

— Разговор есть, Умар. Серьезный разговор...

Умар молчал, выжидательно глядя на соседа.

— Тебе, Умар, конечно, известно положение, которое складывается отнюдь не в пользу Советской власти. Наступление Красной Армии на Варшаву провалилось. Польские войска поддерживаются французами и англичанами, они хорошо вооружены и в скором времени разгромят истощенные и обескровленные красноармейские части. Врангель развивает наступление в сторону Донбасса, его десант расширяет свои действия в низовьях Кубани. После взятия Баталпашинской Хвостиков и Крымшамхалов идут к Армавиру, а потом соединятся с силами Улагая.

Ты знаешь, Умар, что я никогда не был сторонником русского царизма и не поддерживал белогвардейцев.

— Однако ты и трудовому народу не помогал в его борьбе, — отрезал Умар.

— Это ты напрасно говоришь, — покраснел, оправдываясь Хырхаев.

— Разве я не укрывал у себя в доме во время денкинщины большевиков, не успевших отступить с Красной Армией? Разве я не раздавал вдовам и калекам баранов, деньги? Разве я не призывал карачаевцев вложить сабли в ножны и прекра-

тить братоубийственное побоище? Зачем горцам ввязываться в войну, идущую между русскими рабочими и русскими генералами?

— А ты не задумывался, почему горец Крымшамхалов сражается на стороне русских генералов? Почему генерал Улагай командует отборным корпусом у барона Врангеля? Почему Деникин назначил «правителями» захваченных в недавнем прошлом земель кабардинца Бековича-Черкасского, чеченца Алиева? Разве это борьба между русскими и горцами? Нет, воюют русские, кабардинские, карачаевские генералы и богатеи против русских, кабардинских, карачаевских бедняков. Воюют за то, чтобы опять сесть на шею трудовому народу и еще безжалостнее сосать из него кровь...

Долго еще Умар Алиев сидел с Хырхаевым, просто, ясно, доходчиво и с неотразимой убедительностью доказывая правоту дела, за которое борются большевики. Они покинули парк лишь в вечерние сумерки, когда повеяло прохладой.

А через четыре дня в местной газете появилось набранное крупным шрифтом сообщение о том, что помещик Хырхаев все свое движимое и недвижимое имущество добровольно передает, через органы Советской власти, рабочим и крестьянам...

В день этой публикации ни Умара Алиева, ни Хырхаева уже не было в Кисловодске.

Еще два дня назад они, не замеченные никем, приехали в Учкекен и остановились на кошу у верного кунака. В ту же ночь Хырхаев отправился дальше, в Верхнюю Мару, где, по достоверным сведениям, находился со своим отрядом Джатдай Байрамуков, пополняя силы перед наступлением на Армавир.

Уже более суток Умар, не выходя из внутренней комнаты дома, ожидал возвращения своего посланца. На исходе дня дверь в комнату, где Алиев составлял текст воззвания к обманутым белогвардейцами карачаевцам, без стука открылась и через порог, пропущенный вперед Хырхаевым, решительно и порывисто шагнул бородатый богатырь в мохнатой папахе и распахнутой бурке. Придерживая рукой саблю, достававшую почти до пола, звякая шпорами, он подошел к Умару. Вслед за ним вошел и Хырхаев, плотно прикрыв за собою дверь.

— Здравствуй, Умар. Хотя мы с тобой впряжены не в одну арбу и дороги наши лежат в разные стороны, я верю в твою порядочность и убежден в твоей честности. Как видишь, я принял приглашение, переданное тобою через Хырхаева, и явился сюда один, без спутников.

— Спасибо и тебе, Джатдай, за верность законам мужской чести. Моя жизнь была в твоих руках, ты мог нагряться в Учкекен со своим отрядом.

— Не говори так, Умар! Джатдай Байрамуков не из породы шакалов, трусливо бегущих от опасности и нападающих на одинокую жертву. Если ты позволишь мне сесть и утолить жажду чашкой айрана, я готов тебя слушать...

В ту же ночь Джатдай отправился в Верхнюю Мару, а на другое утро возвратился в Учкекен с несколькими десятками своих вооруженных людей.

— Вот, Умар, половина моего отряда. Если нас простит Советская власть, то мы сочтем за счастье с оружием в руках бороться против ее врагов, против наших врагов, ослепивших и обманувших нас. Другая половина отряда разошлась по домам. В народе говорят: когда упадешь, обними землю. Что бы ни случилось с тобой, помни о Родине, и с думой о ней поднимешься вновь!

В чудесное сентябрьское утро Умар Алиев с Джатдаем Байрамуковым и Хырхаевым выехали из Кисловодска в Москву. По пути они сделали остановку в Армавире, и Умар представил своих спутников Сергею Орджоникидзе.

10 сентября 1920 года Орджоникидзе телеграфировал Ленину:

«Ни одного солдата из десанта Врангеля на Кубани нет. Банды генерала Хвостикова и Крыжановского частью истреблены, частью прижаты к горам. Операция еще не закончена. У нас безусловное превосходство людских и технических сил, но сильно затрудняют операции условия горной войны. Сегодня выезжаю на Терек для проведения ряда народных съездов горцев...»

А вскоре по всем аулам Карачая только и было разговоров о том, что в Москве простили «великого грешника» Джатдая Байрамукова, которого привел туда Умар Алиев. Старики добавляли: «Повинную голову меч не сечет».

Другие старики недоверчиво покачивали головами и сомневались.

— Ленин, как мы слышали, очень добрый и мирный человек, — говорили они. — Но вряд ли Джатдай способен понять эту доброту и стать на верный путь мирной жизни. Давно оторвался он от пастушеского ремесла и привык разбойничать.

Действительно старики говорили правду. Ведь только глупец говорит то, чего не знает, а старикам ума не занимать!

Через некоторое время Джатдай Байрамуков, спровоцированный ложными слухами о якобы предстоящем его аресте, вместе с супругой скрылся в одном из кошей долины Уллу-Кама. Отряд крассармеев, получив сведения о том, что Джатдай ушел в банду, организовал преследование и настиг его. Джатдай был убит при перестрелке.

* * *

Ленин беседовал с Умаром Алиевым сразу же, как только тот приехал в Москву. Выслушав Алиева, Владимир Ильич предложил ему представить подробный письменный доклад о положении на Северном Кавказе.

К докладу Умар Алиев приложил препроводительную записку:

«Т. Ленину.

Представляя при сем докладную записку (согласно Вашего устного предложения во время заседания) о положении в Карачае, я прошу Вас рассмотреть в первое ближайшее заседание Политбюро Центрального Комитета РКП и разрешить предлагаемые меры (в конце доклада) для улажения настоящего положения в Карачае...

Член делегации съезда народов Востока,
делегат трудящихся Карачая

У. Алиев.

18. X — 20 г.»

В тот же день Владимир Ильич Ленин, внимательно ознакомившись с докладом Алиева, направил его ответственному работнику Наркомата по делам национальностей А. З. Каменскому, написав красными чернилами на препроводительной записке Умара:

«Т. Каменский! По-моему, надо тотчас послать копию т. Сталину для бюро Цека на Кавказе, а этот оригинал перешлите тов. Крестинскому. Ответьте мне также несколько слов по существу доклада.

18.X. Ленин».

Меры, принятые Лениным, ознакомившимся с докладом Умара Алиева, сыграли огромную роль в судьбе карачаевского народа. В качестве автономной единицы Карачай вошел в состав Горской Советской республики, образованной в ноябре 1920 года.

11 ноября 1920 года по инициативе Умара Алиева в Учкундане созывается Чрезвычайный съезд карачаевского народа. С докладом о текущем моменте выступил сам Алиев. Он глубоко и доходчиво разъяснил делегатам политику партии по национальному, земельному и другим вопросам.

Съезд в своих постановлениях и в обращении к трудящимся массам Карачая выразил единодушную поддержку Советской власти.

19 ноября 1920 года Умару Алиеву было поручено организовать Карачаевский окружной Ревком с местопребыванием в Кисловодске. 22 ноября Ревком уже начал работу, обнародовав свой первый официальный документ, в котором говорилось:

«...Окружной орган власти обслуживает нужды всех трудовых карачаевцев и прочих горцев, живущих с ними смешанно..»

До созыва съезда Советов трудового населения означенного района, в г. Кисловодске образован Карачаевский окружной Революционный Комитет (Карокрревком)».

Этот документ подписали председатель Ревкома Умар Алиев и секретарь — Ислам Хубиев.

Одной из главных задач, которые поставил перед собой Алиев, находясь на посту председателя Оргбюро РКП(б) и Карокрревкома, была подготовка к образованию Карачаево-Черкесской автономной области.

В декабре 1921 года делегация народов Карачая и Черкесии приехала в Москву и передала Ленину просьбу трудящихся образовать Карачаево-Черкесскую автономную область. Делегацию возглавлял Умар Алиев.

А 12 января 1922 года, по предложению Владимира Ильича Ленина, ВЦИК принял постановление об образовании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области.

После первой встречи с Владимиром Ильичем Лениным этот день был самым счастливым в жизни Умара Алиева.

НОЧЬ В ФЕВРАЛЕ

Рано ложились спать жители Баталпашинска в эту холодную и еще беспокойную зиму. Хотя позади уже были тревоги двух войн, одна из которых жадно забирала солдат на далекие фронты, а другая остервенело клочкотала и бурлила прямо здесь, — в глазах людей еще не появилась уверенность в сего-

дняшнем дне, еще мучили мысли о возможном налете бандитских шайк, остатки которых отсиживались в горах и лесах, время от времени по-волчьи налетая на станицы, аулы, а то и города, творя кровавый разбой.

Страшный голод, разразившийся в России прошлым летом, отозвался и в хлебобродных местах Кубани. Сюда толпами брели исхудавшие, обессиленные люди, чаявшие хоть здесь спастись. И сердобольные женщины, окруженные детьми, с ужасом, со слезами на глазах слушали страшные рассказы иссушенных голодом пришельцев о трагедии, обрушившейся на Поволжье, о потерянных родных и близких, об истребленном скоте и брошенных без оглядки домах.

Едва солнце скрывалось за горизонтом, в Баталпашинской пустыли улицы, закрывались ворота, двери и оконные ставни. Станица погружалась во мрак и безмолвие. Даже знаменитые злобным нравом здешние собаки лишь изредка повизгивали, не решаясь дать волю своему лаю.

Да и охотники посидеть при вечернем свете за починкой конской упряжи или за прялкой вынуждены были отказывать себе в этом. Не было керосина, а с лучинами неохота возиться — лучше уж дожидаться рассвета.

Лишь в двух окнах дома, выходящего на бывший станичный плац, в эту февральскую ночь тысяча девятьсот двадцать второго года горел свет. Возле дома размеренными шагами, с винтовками на ремне несли караул два бойца частей особого назначения.

Председатель Карачаево-Черкесского областного революционного комитета Умар Алиев в освещенной неярким светом керосиновой лампы комнате, служившей ему кабинетом, засиделся далеко за полночь с членом ревкома Николаем Ивановичем Ковалевым.

В углу комнаты гудела докрасна раскаленная чугунная «буржуйка», в которую время от времени то Умар, то Николай Иванович подбрасывали сложенные кучкой кизяки.

— Да, Умар, очень сложно говорить народу о преимуществах Советской власти в такое трудное время...

Николай Иванович отхлебнул глоток чая из жестяной кружки и оперся локтем на стол, по другую сторону которого сидел Алиев.

— Вот мы с тобой пьем морковный чай с сахарином, да еще с настоящим хлебом, а ведь у многих, у очень многих даже это

есть не каждый день. И, самое главное, нуждаются те, кто стал хозяином страны, — рабочие, крестьяне и горцы из бедняков. А те, что помыкали ими при царизме — кулачье и всякого рода дельцы, и теперь не испытывают тягот и лишений: кое-что припрятали, кое-что награбили и ожидают, когда, наконец, сгинет власть ненавистных им большевиков. Они верят в это, ждут этого и готовятся в нужный момент извлечь из тайников винтовки и патроны.

— А признайтесь, Николай Иванович, ведь вы, как и я, гордитесь тем, что нам приходится строить новую жизнь, бороться за нее именно в такое до крайности трудное время! Правильно Карл Маркс назвал борьбу высшим проявлением человеческого счастья. Правда, — Умар улыбнулся, — сейчас я завидую вам, вы гораздо счастливее меня, вы едете делегатом на XI съезд партии. Увидите Владимира Ильича.

— Дорогой Умар! Мне ведь только предстоит это, а ты уже не раз видел Ленина, Ильич беседовал с тобой...

— Все равно, сколько бы раз я ни встречался с этим необыкновенным человеком, спроси у меня в любой момент о самом заветном моем желании — я, не задумываясь, отвечу: увидеть Ленина, говорить с ним...

— Знаешь Умар, я вполне понимаю тебя. Действительно, вот в эти дни, когда до съезда остается месяц, если мне вдруг бывает особенно трудно, если я чувствую усталость, я обращаюсь к мысли о том, что совсем скоро, через месяц, я обязательно увижу Ленина. И я испытываю небывалый приток сил.

Ковалев только вчера вернулся из Ростова, где присутствовал на заседании Юго-Восточного бюро ЦК партии. Он уже подробно рассказал Умару обо всем, что говорилось на этом заседании.

— Засиделись мы, Николай Иванович. Вы с дороги, устали, а я проявляю удивительную бестактность и невнимательность: надоедаю разговорами, забывая, что вам следует отдохнуть.

— К чему эти слова, Умар? Эта беседа обоим нам доставляет радость... А вздремнуть все-таки надо.

Ковалев ушел в соседнюю комнату, служившую спальней ему и Алиеву: там стояли две железные кровати, снабженные набитыми сеном матрацами и грубошерстными одеялами. Уже забравшись под одеяло, Николай Иванович позвал Умара:

— А ты, председатель, не думаешь ложиться? Ведь скоро утро.

— Не беспокойтесь обо мне, Николай Иванович. Я совершенно нормально и вдоволь спал прошлую ночь.

В действительности всю ночь Алиев просидел за столом, набрасывая и обдумывая тезисы доклада о международном и внутреннем положении Советской страны, о деятельности партии за год, прошедший после X съезда РКП(б). С этим докладом он должен был выступить завтра перед коммунистами и советским активом Баталпашинска, а потом в нескольких крупных селениях Карачаево-Черкесии: надо было рассказать людям о жизни страны и партии. В дни, предшествующие очередному партийному съезду, это было очень важно.

Уже через пару минут из соседней комнаты стало доноситься легкое похрапывание Ковалева. Умар подошел к двери и, осторожно закрыв ее, возвратился к столу. Просмотрев несколько письменных сообщений с мест от председателей аульных и станичных Советов, он погрузился в глубокое раздумье.

Да, много, очень много надо еще сделать, чтобы жизнь вошла в нормальную колею. Враги не унимаются, они используют каждую нашу ошибку в своих коварных целях.

Вот месяц назад, спровоцированные контрреволюционерами кабардинцы — человек шестьсот, вооружившись и оседлав коней, внезапно налетели на коши, спокон веков арендуемые карачаевцами на территории Кабарды. Они завладели десятью тысячами голов карачаевского скота. Этим воспользовались контрреволюционеры и их приспешники. Распаленные их подстрекательскими речами, карачаевцы совершили набег на Кабарду, угнали около двадцати тысяч голов скота и даже захватили два кабардинских аула на реке Малке.

На место событий немедленно выехал Умар Алиев. Он встретился с председателем Кабардинского ревкома Беталом Қалмыковым. 25 января 1922 г. в Пятигорске было собрано совещание представителей Карачая и Кабарды, которым руководил командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Климент Ефремович Ворошилов. Несмотря на то, что инцидент был улажен, положение продолжало оставаться напряженным.

Умар не мог забыть убитых в прошлом году белобандитами председателя Мало-Карачаевского райисполкома Канамата Халкечева и члена окружного исполкома Саида Халилова, военного комиссара Большого Карачая Шаухала Алиева и заместителя председателя Картджуртского революционного комитета Османа Алиева.

Умар выдвинул один из ящичков стола, достал плотную папку и извлек несколько листов бумаги с отпечатанным на пишущей машинке текстом. Это была докладная записка председателя окружной ЧК Батчаева, составленная полгода назад. Умар стал внимательно перечитывать этот документ, который он решил использовать, включив в письменный отчет о партийной и советской работе в Карачае. Этот отчет должен был взять с собою в Москву Ковалев и представить его в Центральный Комитет партии.

Перечитывая докладную председателя окружной ЧК Батчаева, Умар снова воскресил в памяти мельчайшие подробности экспедиции в горы Карачая, возглавленной им полгода назад. Он горько усмехнулся в душе, вспомнив, что минувший год для него лично не был беден «острыми ощущениями». Да, председатель окружной ЧК Батчаев из верных уст получил информацию о том, что противники Советской власти в Карачае сговорились, как об одной из первостепенных акций, извести поголовно «семью Алиевых — этих ярых приспешников большевизма». И на первом месте в составленном контрреволюционерами списке намеченных жертв стояло имя Умара Алиева.

Весна 1920 года началась в предгорьях Кавказа рано. Казалось, что природа вместе с людьми, уставшими от тяжелых потрясений военных лет, решила отпраздновать радость наступившего мира. Хотя еще рыскали в окрестностях курортных городов остатки разгромленной деникинско-врангелевской армии — озверевшие, ожесточенные, как загнанные волки, шайки бандитов, хотя в горных ущельях еще прятались отряды обманутых знатью и муллами «рыцарей ислама», боявшихся возмездия за пролитую ими кровь — люди чувствовали, что долгожданный мир все прочнее заявляет о себе, что Советская власть надежно утверждается.

Почти ежедневно в Кисловодске проходили митинги: в просторной Нарзанной галерее, на площади перед вокзалом, на базаре. Именно сюда, на базар, который так и назывался «карачаевским», пришел Умар Алиев в то мартовское утро, чтобы вновь поговорить откровенно с карачаевцами, съезжавшимися из окрестных аулов. Из разных аулов привозили горцы на «карачаевский базар» в Кисловодске сыр и шерсть, дрова и баранов, чтобы выменять их на керосин и спички, на табак и мыло. Деньги тогда стоили не больше, чем листики курительной бумаги. Счет им велся на миллионы, и если сегодня стакан кукурузной муки стоил пять миллионов, то завтра цена на него увели-

чивалась еще на миллион. Но базар оставался базаром, здесь шел оживленный торг, в невообразимый гвалт сливались крики продавцов, усердно расхваливающих свой нехитрый товар...

Когда Умар, поднимаясь с двумя спутниками по крутой улице, замощенной булыжником, приблизился к базару, там грянул духовой оркестр, и воздух огласился удалым ритмом карачаевской лезгинки. Так было заведено: для сбора публики на митинг ревком снаряжал оркестр. Люди плотным кольцом обступали усердно дующих в трубы музыкантов, с удовольствием слушали мелодии маршей и танцев и даже одаривали трубачей, валторнистов и особенно тощего барабанщика — прямую противоположность его инструменту — кто чем мог: горстью семечек, парой луковиц или картофеля, ломтем хлеба.

Умар ловко вспрыгнул на один из возов, стоявших вблизи оркестра. Музыка смолкла, и раздался голос представителя Севкавказкома. Умар говорил по-русски, ибо в толпе смешались люди разных национальностей: карачаевцы и армяне, греки и русские. Старался говорить яснее, подбирая наиболее употребительные и понятные каждому слова.

— Я и мои товарищи пришли сюда, чтобы обратиться за помощью и поддержкой к вам, к тем, кто живет в Кисловодске, и к тем, кто представляет здесь жителей карачаевских аулов, затерянных в горных ущельях.

Люди удивленно переглядывались: какая помощь понадобится председателю ревкома? Многие знали Умара в лицо, а те, кто видел его впервые, узнали здесь же от рядом стоящих о должности оратора. Известность Алиева в Карачае была столь широка, что среди слушателей не оставалось равнодушных: большинство глядело на Умара с нескрываемым уважением и доверительностью, но было немало и таких, в чьих глазах поблескивали злые огоньки затаенной ненависти.

Кто-то насмешливо выкрикнул:

— Помощь понадобится комиссару! Спасайся, кто может! Сейчас реквизиция начнется!

Слово «реквизиция», лет пять—шесть назад известное лишь небольшому кругу образованных людей, за годы гражданской войны стало хорошо понятным каждому. И, пожалуй, это было одно из наиболее неприятных и пугающих слов. Кое-кто в толпе стал беспокойно озираться, словно намереваясь поудачнее выбраться отсюда.

Умар гневно, осуждающе глядел туда, откуда раздался провокационный выкрик.

— Если необходимой станет реквизиция, то Советская власть проведет ее! Проведет среди тех, кто прячет нажитое чужим трудом и награбленное добро, чтобы дать самое необходимое рабочим, крестьянам, горцам, многие из которых терпят суровые лишения. Но сейчас я прошу иной помощи. Эта просьба обращена и к кисловодчанам, и к жителям аулов... Вначале я хочу спросить горожан: любите ли вы свой город?

Люди недоуменно пожимали плечами — что за вопрос? Как можно не любить место, где живешь, даже в трудную пору питаешь себя надеждой на лучшие дни?

— Знаю, что любите Кисловодск — одну из бесценных жемчужин Кавказа. И я уверен, что пройдет не так уж много лет, и вы, освобожденные Октябрьской революцией люди труда, как подлинные хозяева своей страны, сделаете этот город еще краше, чем он был прежде. Нынешняя зима была тяжелой для всех нас. Я не буду напоминать обо всех испытаниях, пережитых вами, остановлюсь только на одном вопросе...

Глубокая тишина свидетельствовала о внимании слушателей.

— Замечательным украшением, настоящей гордостью Кисловодска является знаменитый парк. Зимой ему грозила гибель. Холод заставил горожан, лишенных топлива, тайком рубить по ночам ценнейшие деревья. Нашлись даже люди, которые предлагали вырубить парк ради обеспечения города дровами...

Толпа загудела. Слышались разноречивые восклицания: одни выкрикивали: «Позор!», другие громко восклицали: «Не околеть же от стужи!»

— Зиму мы пережили, наступает весна, хотя и затяжная, надобность в дровах до будущей зимы отпала. Но ведь нам надо наладить транспорт, обеспечить регулярное движение поездов. Поезда свяжут нас со всей Россией, они доставят нам самое необходимое, в том числе и донецкий уголь для будущей зимы. Но сейчас паровозы нуждаются в топливе, а где взять? Кто-то снова предлагает рубить деревья в парке. Разумно ли это? Простят ли нам потомки такое?

— Кисловодск без парка — это конь, с которого содрали шкуру! — горячо выкрикнул кто-то из толпы.

— Горькое, но меткое сравнение, — сказал Умар. — А что делать? Что можете предложить вы, как дать пропитание паровозам, двинуть транспорт?

Толпа ответила тяжелым, сосредоточенным молчанием.

— Революционный комитет Кисловодска обращается ко всем жителям города с призывом: записывайтесь в добровольческие отряды по заготовке топлива в горных лесах Карачая. С таким же призывом обращается к горцам отдел горцев Северо-Кавказского ревкома. Всеми усилиями мы должны организовать рубку леса, распиловку древесины и ее доставку в город. Одновременно предпринимаются все усилия по восстановлению Хумаринских каменноугольных копей. Карачаевский лес и карачаевский уголь возвратят жизнь железнодорожному транспорту и, заготовленные впрок, обеспечат Кисловодску безбедную зиму. Запись добровольцев в лесозаготовительные отряды поручена в Кисловодске военному коменданту города.

Умар Алиев положил ладонь на плечо стоявшему вплотную к возу молодому военному, одетому еще по-зимнему: серая папаха с красной звездочкой, шинель, перетянутая ремнем.

— Клянусь аллахом, этот продавшийся Москве Алиев хочет одурачить нас, бедных карачаевцев! — раздался злобный возглас.

А затем на деревянную колоду, стоявшую рядом с заколоченной наглухо мясной лавочкой, вскочил толстый, маленького роста человек, в распахнутом добротном бешмете и, сорвав с головы папаху, громко крикнул:

— Неужели ты, Умар Алиев, думаешь, что так легко обмануть нас?

— Бедных карачаевцев? — насмешливо спросил Умар. В толпе раздался смех: многие знали толстяка, взобравшегося на колоду, — это был богатый помещик Аслан Байчоров, хитрый и осторожный делец. Когда здесь господствовали белогвардейцы, Байчоров не вступал с ними в слишком откровенные взаимоотношения, как бы предугадывая непрочность их власти. Поэтому его, как и другого, еще более дальновидного и практичного помещика — Кеккеза Хырхаева — советские органы не нашли нужным репрессировать. Они свободно разгуливали по городу, ездили в ближние и дальние аулы, сея злые семена недоброжелательности к Советской власти, но, опять-таки, делали это столь скрытно и осторожно, что прямых улик против них не имелось.

— Твой неразлучный компаньон и наставник — тоже бедный карачаевец? — Умар указал рукой на Кеккеза Хырхаева. — Два таких бедняка, как вы, богаче целого аула!

Смех в толпе прокатился с новой силой. Это, видимо, разозлило обычно осторожного Аслана, и он, разъярившись, выкрикивал:

— Наше богатство отобрали такие же бедняки, как ты, Умар Алиев! А одурачить нас мы не позволим! Что же это выходит, а, люди? — Аслан, прижимая папаху к груди, апеллировал к толпе. — Значит, парк в Кисловодске надо сохранить, а знаменитые карачаевские леса погубить? Что толку нам от того, что по железной дороге пойдут поезда? Карачаевцам они ничего не привезут, а увозить будут наш скот, шерсть! Да и лес большевики замыслили вырубить не только, конечно, для Кисловодска. Наши вековые сосны будут свалены для того, чтобы согреть холодную и нищую Россию!

Кеккез Хырхаев после каждой крикливой фразы Аслана с важной сосредоточенностью кивал головой, выражая согласие с изрекаемыми тем обличениями.

— Люди добрые! Не поддавайтесь на уговоры этого болтуна и врага карачаевского народа! Все Алиевы — вероотступники и злодеи. И Умар — самый отъявленный негодяй. Хватит слушать его коварную болтовню, надо сбросить его под ноги и растоптать, как ядовитую змею!

По многоголосому гулу толпы можно было судить, что людьми владеют разноречивые чувства. Хырхаев и Байчоров не лишены были некоторого числа своих сторонников.

В этот момент рядом с Умаром выросла над толпой мощная фигура его заместителя — Шахыма Алиева. Шахым пользовался заслуженным уважением как горцев, так и трудовых слоев населения Кисловодска: все знали, что еще в 1918 году он работал заместителем председателя Кисловодского Совдепа. Широко известна была храбрость Шахыма, его незаурядный ум и поистине богатырская сила.

— Все вы слышали слова Аслана Байчорова. Это злобное рычание хищного зверя, на которого надели узду. Советская власть пощадила этого кровососа. Он же использует дарованную ему свободу для разжигания вражды к Советской власти. Правда, — Шахым с насмешливым презрением поглядел на Байчорова, — Аслан не одарен не только мужской статью, но и способностью разумно мыслить и говорить. Он поет с чужого голоса. А тот, кто вдохновляет Аслана на эти речи, стоит рядом. Вы все знаете его, самого богатого хозяина в дореволюционном Карачае, личного друга русских промышленников и земледельцев — Гучкова и Терещенко, Родзянко и Пуришкевича.

Вот он, озлобленно сверкающий глазами, любимец полковника Мырзакула Крымшамхалова — самоуверенный и наглый Кеккез Хырхаев! Ему плевать на то, что поезда не могут привезти для трудовых карачаевцев спички, соль, мануфактуру и гвозди, керосин и косы из России. Ему плевать на то, что верные друзья карачаевского народа — русские рабочие — будут мерзнуть. Ему и Аслану хочется одного: вернуть те благословенные времена, когда они роскошествовали за счет чужого труда. Но эти времена не вернутся!

Умар Алиев, касаясь плечом стоявшего рядом Шахыма, с глубоким одобрением слушал его горячую речь. Он видел, что вокруг Кеккеза и Аслана тесно сбились человек десять. Вдруг эта группа устремила к возу, служившему трибуной. Хырхаев обнажил кинжал и вызывающе крикнул:

— Ты, грязный бедняк и потомок бедняка, ополчаешься против меня? Это тебе не пройдет даром!

Шахым резко повернулся, на скулах под кожей забегали желваки. Умар, предвидя недоброе, пытался удержать своего заместителя, но было уже поздно: Шахым спрыгнул наземь, оказавшись лицом к лицу с Кеккезом.

— Спрячь кинжал, жалкий трус! Пусть честный поединок решит наш спор!

Толпа раздалась в стороны, образовался довольно широкий круг.

Кеккез был ниже ростом, превосходил Шахыма массивностью, весом. И это обстоятельство сразу почувствовал Шахым, один из лучших борцов Карачая, еще в юности неизменно бравший первые призы в традиционных праздничных турнирах борцов.

Соблюдая уважение к строгому статусу единоборства, приверженцы Кеккеза не ввязывались в схватку и лишь одобрительными восклицаниями подбадривали своего верховода при каждом его удачном захвате или рывке. Вот и теперь они громко зашумели и даже захлопали в ладоши, видя, как Хырхаев, сдавив своими могучими руками шею Шахыма, стал пригибать противника к земле, одновременно стараясь резкими рывками свалить его с ног. Большинство зрителей, чьи симпатии были на стороне Шахыма, уже с сожалением, сокрушенно покачивали головами, предвидя поражение своего любимца.

И когда казалось, что до победы Кеккезу остался лишь один миг, Шахым неожиданным напряжением всего тела, каким-то невероятным приемом высвободился из цепкого плена,

мгновенно сомкнул руки на поясице Кеккеза и, могучим рывком оторвав Хырхаева от земли, приподнял его и плавно, даже с какой-то осторожностью, уложил на лопатки. Это произошло так неожиданно для зрителей, что они не сразу выразили свое отношение к исходу поединка. И лишь спустя две—три минуты, когда ошарашенный и посрамленный Кеккез приподнял наконец голову и оперся на руки, пытаясь подняться с земли, всю базарную площадь потряс ликующий стоголосый хор, выражавший хвалу Шахыму, обуздавшему ретивого задиру...

В этот момент раздался сухой треск выстрела. Умар машинально коснулся правой ладонью виска, ибо пуля просвистела около самого уха, резанув щеку тонкой и острой воздушной струей.

Комендант и двое красноармейцев кинулись к кучке вооруженных приверженцев Кеккеза и Аслана, ибо стреляли именно оттуда. Но, воспользовавшись суматохой, стрелявший скрылся в толпе.

Митинг продолжался. Люди решали насущные вопросы новой жизни.

Вспомнил Умар и июльскую экспедицию прошлого года, митинг в ауле Кумско-Лоовском.

После того, как Алиев рассказал жителям аула о положении страны, о задачах, стоящих перед органами Советской власти и населением Карачая, о необходимости активно противодействовать вылазкам бандитских шайек, полностью ликвидировать их, посыпались вопросы. Люди спрашивали о земле, в которой испокон веков нуждались карачаевцы, о том, когда и каким образом смогут они приобретать промышленные товары.

Но вот вперед выступил пожилой мужчина, стоявший до этого рядом с муллой (митинг, по установившейся традиции, проходил у здания мечети, и Умар говорил с крыльца ее).

— Скажите, уважаемый председатель, на каком основании большевики делают всех женщин общей собственностью? На каком основании они готовятся отнять у нас детей, всех девушек и увезти их в Россию?

Умар еле сдержал невольную улыбку. Вопрос, конечно, был нелепым, но за ним крылась та упорная, коварная провокационная возня, которую вели силы старого мира, стараясь возбудить в народе недоверие к Советской власти.

Терпеливо и вразумительно разъяснил Умар бесоснователь-

ность тревоги некоторых заблуждающихся относительно женщин и детей.

Однако тот же человек, пошептавшись с муллой, вновь подал голос:

— Испокон веков у каждого из нас было, как полагается любому человеку, данное родителями имя, каждый из нас обладал своей родовой фамилией. Почему большевики хотят приравнять нас к бессловесной скотине, лишить имени и фамилии, а числить под номерами, нашивая их на нашу одежду, как выжигают тавро на лошадях? Разве это справедливо?

И снова Умар спокойно разъяснил вздорность клеветнической выдумки тех, кто из ненависти к Советской власти распространял небылицы о ее действиях.

Тут вступил в разговор молодежавый, подтянутый горец, в котором по выправке и по голосу, явно привыкшему повелевать, угадывался офицер, недавно снявший погоны.

— Вы говорили здесь о том, что Советская власть окажет помощь горцам Кавказа в восстановлении нормальной жизни, в снабжении всем необходимым. Но ведь Россия сама нуждается в помощи. Россия — это умирающий больной. В России смертоносный голод. Говорят, что вскоре большевики направят на Кавказ, а значит, и в Карачай, многочисленные легионы голодающих русских мужиков, которым велено отобрать у нас весь скот, все имущество, а нас загнать на верную погибель в бесплодные теснины заснеженных гор...

Здесь уже было не заблуждение, а прямой вражеский выпад, цель которого становилась сразу же ясной и определенной. И Умар смело обличил провокатора. Тот, чувствуя, как отповедь Алиева заставляет присутствующих убеждаться в лживости контрреволюционных фальшивок, поспешил воровато, забыв о сохранении своей воинской осанки, спрятаться за спины стариков.

Таким образом, все выпады против Советской власти терпели позорный крах.

И, видимо решив взять реванш за все, вперед выступил мулла. Перебирая длинными пальцами янтарные четки, он, с явной уверенностью в своем торжестве, стал скорее не спрашивать, а утверждать, как несомненную истину:

— Разве не правда, что коммунисты-безбожники искореняют всякую религию, особенно нашу магометанскую веру? Разве не правда, что они сжигают мечети и убивают всех мулл? Разве не правда, что они уничтожили святыню правоверных

мусульман — знаменитый «Коран Османа», который хранился в царской столице?

Вся площадь притихла, ожидая ответа на безапелляционные утверждения муллы.

— Да, мы, коммунисты, считаем религию обманом народа, ядом, отравляющим сознание людей. Ваши дети, да и многие из вас, получив знания, к которым открыла широкую дорогу Октябрьская революция, избавятся от религиозного дурмана. Но Советская власть вовсе не стремится путем грубого насилия запрещать религиозные обряды, мешать верующим исполнять их. Почтеннейший мулла обвиняет нас, коммунистов, в том, что мы сжигаем мечети, убиваем духовенство, — Умар иронически усмехнулся. — Может быть, я сплю? Может быть, эта мечеть, на крыльце которой я стою, снится мне, а на самом деле ее давно сожгли большевики? И вы, о благовернейший слуга аллаха, тоже только призрак, бесплотная тень, а на самом деле вас замучили насмерть коммунисты?

Взрыв веселого хохота последовал за словами Алиева.

— А что касается «Корана Османа», то могу вам сообщить, что эта книга, хранившаяся до революции в Императорской публичной библиотеке в Петрограде, по просьбе представителя мусульманства была передана им.

Умар видел, каким глубоким удовлетворением светились глаза слушателей. Ему радостно было чувствовать доверие людей.

— При мне имеется текст Декрета Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви. Я зачитаю вам некоторые пункты этого декрета, вы сами убедитесь в том, что мои слова полностью соответствуют советским законам. Пункт второй этого декрета гласит: «В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан». Послушайте далее. — Умар разгладил ладонью лист бумаги, слегка колеблемый тихим ветерком. — Пункт третий: «Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисконфессией никакой веры, отменяются».

Лицо муллы выражало растерянность. По нему было вид-

но, что незадачливый служитель аллаха сам в глубине души жалел о своих каверзных вопросах.

В тот же вечер, после митинга, чья-то злая рука покушалась на жизнь Умара. Несколько пуль было послано с улицы в окно комнаты, где расположились на отдых председатель Карачаевского ревкома и его спутники. Через два дня в Умара стреляли из-за придорожных скал на полпути между Учкуланом и Картджуртом. Бандитам удалось уйти от погони.

Вот какие воспоминания вставали в памяти Умара Алиева в ту февральскую ночь.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

В аулах, селениях, станицах, в Учкулане и Хумаре, в Учкене и Эльбургане, в Теберде и в Баталпашинской решение о создании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области вызвало торжественную приподнятость у громадного большинства трудового населения. Одновременно это событие послужило предлогом для провокационных слухов и измышлений, на скорую руку сочинявшихся теми, кому автономизация, как и другие зримые успехи Советской власти, была явно не по нутру.

В морозное февральское утро 1922 года Умар Алиев, провожаемый Даутом Гутекуловым и другими областными работниками, опустив полы широкой бурки на круп невысокого, мохнатенького, но крепкого коня, получше повязав белый башлык, сдернул с головы папаху, помахал ею друзьям и тронулся в путь. Перед ним стояла задача: побывать в нескольких крупных карачаевских аулах, побеседовать с людьми, разъяснить им подлинный смысл и великое значение автономизации области, опровергнуть лживые слухи, самому посмотреть, как растут реальные плоды ленинской новой экономической политики, принятой X съездом РКП(б).

Отправился Умар в этот далекий, нелегкий и отнюдь небезопасный рейд один, без спутников.

Только вдоль самого берега Кубани узкой кромкой извивалась ледяная корка, а река неслась, неистощимая в своем буйном веселье. В рокоте ее волн Умару чудились то напевы родного Карачая, то манящая светлая грусть казачьей думки, то грозная поступь революционного марша.

Крутые, почти обрывистые склоны гор были суровы и строги в своем черно-белом убранстве. Заезжему страннику их вид показался бы тоскливым и однообразным, но Умар в каждом штрихе склона, в каждом пятнышке снега, в каждом клочке уцелевшей с прошлой осени травы вдохновенно читал строфы поэмы о родной земле, вскормившей и вспоившей его. И Карачай он видел только лишь как частицу великой, необозримой Советской страны.

Под вечер Умар, на изрядно уставшем коне, подъехал к северной окраине Нижней Теберды.

Время еще было тревожным. Поэтому большинство зимних кошей пустовало. Люди предпочитали оставаться в селениях, держаться вместе.

И не стоило большого труда собрать в просторном классе местной школы более сотни карачаевцев, пришедших послушать, что им расскажет недавно приехавший из Москвы Умар Алиев, которого одни называли почтительно «руководителем простых карачаевцев», другие — подобострастно «красным владельцем Карачая», третьи — «гяуром, отвернувшимся от аллаха».

Были в классе и женщины, правда, немного. Они старались держаться поближе к выходу, позади мужчин. Лишь одна из них, недавно избранная председательницей женотдела и принятая кандидатом в члены партии, Халида Караева смело прошла вперед и по любезному приглашению Умара села с ним рядом за стол, накрытый красным сатином.

— Дорогие мои земляки, товарищи! Я месяц назад приехал из Москвы. Представители Карачая и Черкесии, избранные вами в ноябре прошлого года на Баталпашинский съезд, доверили мне быть председателем делегации, посланной к Ленину для доклада о создании объединенной автономной Карачаево-Черкесской области, входящей в состав Российской Федеративной Советской Социалистической Республики. 12 января нынешнего года ВЦИК издал Декрет о создании нашей автономии.

Происходит государственное размежевание народов Северного Кавказа, воедино слитых одной целью: борьбой за народное счастье. В прошлом году из Горской республики выделилась Кабардинская автономная область, в состав которой вошел Балкарский национальный округ, и область стала именоваться Кабардино-Балкарской.

Сейчас ведется подготовка к созданию Чеченской, а вскоре — и Ингушской автономных областей. Но это государственное размежевание означает не разделение, а еще большее спло-

чение народов нашей страны в единое социалистическое государство.

Владимир Ильич Ленин сам говорил мне и другим членам нашей делегации, что трудящиеся Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении на многолюдных митингах, конференциях, в тысячах писем выражают горячее желание соединиться в одном государстве с Советской Россией, частицей которой является и наша Карачаево-Черкесия.

В первом ряду поднялся нестарый еще горец. Умар знал, что зовут его Кафаром.

— Скажи, дорогой товарищ Умар, почему нельзя было создать отдельную Карачаевскую автономную область?

Зал притих.

— Постараюсь ответить на этот вопрос, — ответил Алиев. — Видите, одной из сильных сторон политики Коммунистической партии является ее умение ориентироваться в любой обстановке, в каждом случае выбирать решение, наиболее благоприятное для судеб партии, народа, страны. Как опытный чабан ведет свою отару, применяясь к местности, к силе и направлению ветра, так и партия ведет наш народ наиболее правильным путем.

Отдельной автономной единицей Карачаю сейчас быть трудно. Мы географически и экономически связаны с близлежащими местностями, где живут черкесы и абазинцы, русские и украинцы, ногайцы и осетины. Сейчас, когда Советская страна только начала становиться на ноги после долгих лет войны и хозяйственной разрухи, мы должны плечом к плечу со своими соседями возрождать и развивать наше хозяйство, нашу культуру.

Главное состоит в том, что мы идем к единой цели, что у нас надежный вожатый — Коммунистическая партия, что у нас самый мудрый, самый честный руководитель, каких еще не знала история, — Владимир Ильич Ленин. Он знает наши нужды, наши думы, он чувствует, чем взволнованы наши сердца.

* * *

В Баталпашинской было созвано первое собрание актива образованной лишь полтора месяца назад Карачаево-Черкесской автономной области. Из аулов и станиц, из рудничных поселков съехались рабочие и хлеборобы, пастухи и лесорубы, представ-

дьявшие все национальности области, — карачаевцы и русские, черкесы и абазинцы, ногайцы и осетины.

Одобрительный гул перешел в дружные рукоплескания, когда председательствующий на собрании член Оргбюро Карачаево-Черкесской автономной области Николай Иванович Ковалев предоставил председателю областного ревкома Умару Алиеву слово для доклада о текущем моменте — как в ту пору принято было именовать вопрос о международном и внутреннем положении.

— Вы, товарищи, разъедетесь отсюда по местам, своим аулам и станицам. Вам предстоит разъяснить массам трудового народа самые насущные задачи, стоящие перед нами, отвечать на многочисленные вопросы. Перед населением нашей области стоят неотложные дела мирного строительства, ликвидации последствий двух войн и хозяйственной разрухи. Мы сумеем правильнее и плодотворнее решать эти дела, если будем ясно представлять обстановку в масштабе всей страны, всей нашей великой многонациональной трудовой семьи.

Со времени X партийного съезда международное положение Советской республики упрочилось. Прошедший год был впервые длительным периодом сравнительно устойчивого в международном и военном отношении положения нашей Советской страны. Появились условия, необходимые для заключения ряда мирных договоров и соглашений с иностранными государствами.

Умар сделал короткую паузу, а затем, как бы делая небольшое отступление от своего доклада, произнес:

— Я, товарищи, говорю вам о вопросах общегосударственного значения. Возможно, кое-кто думает: зачем нам все это? Нас интересуют собственные, местные дела. Но ведь в том-то и состоит значение Октябрьской революции, что она сделала хозяевами огромной страны всех нас, и каждый из присутствующих здесь, как и каждый из трудящихся нашей области, своими делами вносит долю в решение грядущих судеб всего государства. Карачаево-Черкесия — это кровная частица всей Советской страны, и судьба ее неразрывно связана с судьбой всего нашего государства...

В зале раздались аплодисменты.

Когда установилась тишина, Алиев продолжал доклад. Он рассказывал о налаживании международных политических и экономических контактов Советской страны, о демобилизации из Красной Армии, об отношении к солдатам бывших белогвардейских частей, о строительстве вооруженных сил молодой Со-

ветской державы. Докладчик говорил о Конгрессе III Интернационала, о национальной политике Коммунистической партии, о чем большинство присутствовавших в зале, может быть, слышало впервые. Порою Умар улавливал непонимание слушателей — по глазам людей, по шуму, возникавшему в зале — и снова возвращался к затронутому вопросу, стараясь объяснить, растолковать его как можно понятнее и доходчивее.

Умар говорил страстно, увлеченно. И зал слушал его заинтересованно и внимательно.

В заключительной части доклада Умар Алиев рассказал о мерах, принимаемых партией по укреплению строгих начал революционной законности, о задачах в области народного просвещения, главной из которых являлась ликвидация неграмотности, о комсомоле и молодежи...

После доклада был объявлен небольшой перерыв, а затем Умар отвечал на вопросы, волновавшие представителей различных слоев трудового населения Карачаево-Черкесии.

В одном из первых рядов поднялся хорошо знакомый Умару пожилой русский рабочий — проходчик с рудника «Эльбрус». Рудник бездействовал, и рабочий устроился на частную маслобойню в станице Усть-Джегутинской, где его местная беднота избрала в станичный совет.

— Товарищ Алиев! В газетах последнее время снова стали появляться статьи о деятельности так называемой «рабочей оппозиции». Название этой группы говорит о том, что она как будто защищает интересы рабочих, а между тем товарищ Ленин сурово осуждает ее. Расскажи, пожалуйста, в чем тут дело.

— Товарищ председатель! — поднялся в середине зала очень высокий и худой карачаевец в выцветшем бешмете. — Я не состою в партии, но слышал, что в ней проходила какая-то чистка. В ауле Даут, где я живу, нет членов партии. Но мои односельчане просили разузнать об этом деле: ведь Коммунистическая партия теперь всему голова.

Вопросов было много. Вопросов самых разных. Разговор продолжался до позднего вечера. Отвечал на вопросы докладчик, иногда дополнял его Николай Иванович Ковалев.

Умар чувствовал необыкновенную удовлетворенность: несмотря на то, что доклад продолжался два часа, его слушали с большим вниманием. Обилие и значительность задаваемых вопросов свидетельствовали о растущей активности масс, о кровной заинтересованности народа в решении сложнейших вопросов Коммунистической партией и Советской властью.

ДАГЕСТАНСКАЯ ВЕСНА

После вчерашнего волнения, близкого к шторму, море было спокойно в это утро. Багровое солнце, поднявшееся из-за кромки, соединявшей море и небо, казалось не настоящим, а созданным чьей-то могучей и неумной фантазией. Во многих местах побывал Умар Алиев, но нигде еще он не видел такого восхода, такого солнца, в красоте которого таилось что-то грозное.

Золотистые лучи озаряли вершушки гор, местами зажигая темную зелень леса, кое-где покрывая розовато-желтым налетом серые обнаженные скалы. Туман, поднимавшийся из долины, был тонок и почти прозрачен.

Весело освещены разбросанные по склонам домики. Слышны крики петухов, мычание коров. Темнеют свежевезделанные полоски земли, с которых подымается пар. Эти полоски уходят вдаль, теряются в покрытых мелким кустарником холмах и в извивах подступающего почти к самому морю ущелья.

Блестит длинная ровная лента дороги, которая вместе с железнодорожным полотном, окаймленным шеренгой телеграфных столбов, преходит через маленький городок с затерянными среди садов беленькими строениями. Отчетливо видны уступы древней крепостной стены.

Невольно плененный восхитительной красотой всего, что представало его взорам, Умар Алиев сидел на прибрежной каменной плите, с наслаждением вдыхая всей грудью солоноватый, ядреный аромат моря, щедро источаемый бесконечной сине-белесой водной равниной.

«Подумать только, — восторженно размышлял Умар, — как много видела эта узкая полоска земли, соединившая по берегу Каспия Азию с Европой! Здесь побывали греки и римляне, арабы и воины Тимура. Ровно двести лет назад на этот берег сошел Петр Первый... Людские поколения сменяли друг друга, исчезали в бесконечности времени, а горы и море по-прежнему чаруют гордым величием и первозданной красотой...»

Уже два месяца Алиев работал в Дербенте. Юго-Восточное бюро, по указанию ЦК партии, направило его сюда председателем объединенных парторганов Южного Дагестана.

За это время Умар, уже знакомый с Дагестаном по предвоенным годам, побывал во многих аулах, внимательно изучал местные особенности, настроения горцев.

Лезгинский язык, на котором говорило большинство населения этого района, был почти незнаком Алиеву. Однако природ-

ные способности к овладению языками помогали ему быстро освоиться, и вскоре он уже понимал речь лезгин и умел выражать свои мысли на этом языке.

Особенно запала в память встреча, происшедшая недавно в недалеком от Дербента селении Ашага-Сталь. Председатель местного Совета сказал Умару, что с ним хочет поговорить уважаемый всем населением ашуг, неграмотный поэт, певец и сказитель Сулейман.

Алиев сам направился к ашугу, сопровождаемый председателем Совета.

Было раннее апрельское утро. Сулеймана они застали в бело-розовом цветущем саду. Высокий, сухощавый, еще нестарый горец в легком бешмете и круглой бараньей папахе сидел на старом пне.

Умар учтиво поклонился хозяину. Председатель Совета заговорил с Сулейманом по-лезгински и потом сказал Умару:

— Сулейман сложил новую песню. Хотите послушать?

На лице Алиева выразилось такое горячее желание, что польщенный ашуг снял папаху и, постукивая по ее верху ладонями рук, как по воображаемому бубну, стал речитативом напевать только что рожденное его творческим воображением произведение. Сулейман пел по-азербайджански, Алиев хорошо знал этот язык.

Песня славил красоту родных гор, врывающихся, наконец, благотворное дыхание мира после грозных потрясений, после бурь и невзгод. Сложенная в духе классических традиций восточной поэзии, песня в то же время отличалась своеобразием и оригинальностью, свежим, чисто дагестанским колоритом и глубокой задушевностью.

Умар чувствовал, что слушает большого и самобытного поэта. Узнав, что Сулейману не так уж много лет — пятьдесят три, он осторожно намекнул на необходимость обучения ашуга грамоте: ведь тогда он сможет записывать свои творения, и его песни станут достоянием широких народных масс.

Сулейман горьковато усмехнулся и махнул рукой — дескать, поздно уже. А председатель Совета, уважительно глядя на ашуга, сказал с нескрываемой гордостью:

— Песни Сулеймана давно уже знают и поют во всей нашей округе! Вы бы поглядели, сколько людей собирается послушать его, когда он приходит на свое излюбленное место к старой чинаре в центре нашего селения, чтобы познакомить односельчан с новыми песнями.

Умар решил во что бы то ни стало поговорить об ашуге с дагестанскими товарищами, с Нажмутдином Самурским. Стихи Сулеймана настоятельно требуют переводчика и должны быть изданы.

Алиев спросил, откуда ашуг так хорошо знает азербайджанский язык. Сулейман рассказал о своих скитаниях, о тяжелой работе на нефтяных промыслах в Баку, на строительстве железной дороги с артелью азербайджанцев.

Об этой встрече вновь вспомнил Умар, легкой поступью шагая от моря к городу. Через два—три дня он поедет в Петровск-порт. Надо не забыть поговорить с Самурским об ашага-стальском поэте.

В этот день председателю объединенных парторганов Южного Дагестана предстояло решить много важных, ответственных дел. И самое неотложное — о путях и способах окончательной ликвидации остатков контрреволюционных банд, еще укрывающихся в самых глухих, труднодоступных уголках горного Дагестана.

Еще в октябре 1920 года авантюристы Ахмед Целиков и Гайдар Бамматов, от имени несуществующих горных организаций — «Социал-демократической республики союза горцев Северного Кавказа» и «независимых социалистов» той же республики, бежав из Советского Дагестана в Грузию, обратились в Тифлисе к социалистической делегации II Интернационала, прибывшей сюда для осмотра этого «опытного участка» меньшевизма. Целиков и Бамматов просили «помочь горским народам сбросить с себя иго Советской власти».

И как бы в ответ на эту провокационную затею, из переброшенного в горы Дагестана яйца вылупился некий молодой человек, по имени Саид-бек, назвавшийся внуком имама Шамиля. Этот антантовский подкидыш и был поставлен дагестанскими контрреволюционерами во главе антисоветского движения, ибо имена авантюристов Целикова и Бамматова были настолько подмочены, что не могли вызвать ожидаемой реакции в массах.

Тропинки между Грузией и Южным Дагестаном стали шире и оживленнее, чем когда-либо. В сторону гор потянулись огазии с мануфактурой, оружием и патронами. На границе с Грузией образовался отряд из горских эмигрантов, а также из скрывавшихся в самом Дагестане антисоветских элементов. К нему пристали спровоцированные ближайшие к границе районы.

Дагестан вновь оказался в огне, который охватил население не только восставшего района, но и соседних.

Тысячи красных партизан-горцев пошли на фронт, образовав до двадцати отдельных отрядов под общим руководством Красной Армии. Только с их помощью удалось ликвидировать эту последнюю попытку бывших князей и богатеев вернуть себе свои старые права и привилегии. И на этот раз дагестанские красные партизаны рядом с русскими красноармейцами показали в борьбе против контрреволюции свою революционную закалку.

Разгром восстания был ускорен установлением Советской власти в Грузии.

Ликвидировав Врангеля и заключив мир с Польшей, Советская власть получила возможность уделить дагестанскому фронту больше внимания и сил. Восстание 1920—1921 годов, оттянувшее мирное строительство жизни трудящихся Дагестана на целый год, стоившее массам неисчислимых бедствий, было ликвидировано. Остатки банд еще время от времени совершали налеты на аулы, производили террористические покушения на советских активистов, даже пробирались к железной дороге и учиняли здесь диверсии.

Ликвидация этих отщепенцев являлась необходимым условием спокойного восстановительного и созидательного труда в Дагестане.

Умар достал из ящика письменного стола пожелтевший номер газеты, фарисейски названной «Вольный горец», и стал читать предательскую декларацию, вызвавшую кровопролитное провокационное восстание.

Закончив чтение, Умар сложил газету и, слегка постукивая ею по лежащей на столе стопе книг, резко отчеканивая слова, говорил:

— Я советую всем вам, разъясняя контрреволюционные стремления тех, кто организовал восстание и, несмотря на его разгром, еще надеется вновь разжечь огонь антисоветизма на дагестанской земле, приводить текст этого «Обращения». Ведь народ знает, как господа «социалисты» заигрывали с Деникиным, как они вымолили у азербайджанских муссаватистов присылку в наши горы турецких империалистов. А в своем «Обращении» они выворачивают факты наизнанку, выставляют себя защитниками интересов трудящихся. Они сами обличают себя, и это — один из залогов их политической несостоятельности и обреченности!

Умар обвел взглядом комнату, вдоль стен которой сидели собранные им коммунисты — человек десять.

— Селим, сейчас мы с тобою отправимся в селение Маджалис.

— Как, вдвоем? Ведь недалеко от Маджалиса орудует банда.

— Знаю. В Маджалисе живет человек, которому очень верят в горах Дагестана. Его влияние поможет нам образумить тех, кто поддался на удочку националистических заправил.

Этот разговор получил продолжение в горном селении Маджалис, куда Умар и молодой лезгинский коммунист Селим добрались к вечеру следующего дня. Очень помогла карта, предусмотрительно захваченная Алиевым. Карта была старая, составленная топографами штаба Кавказского военного округа еще в семидесятые годы прошлого столетия, но на ней были показаны все горные дороги, самые маленькие тропы.

В сакле, возле которой возвышались три могучих тополя и прямо на крыше которой рос куст орешника, их встретил седобородый горец, державшийся молодцевато и с достоинством.

— Салам алейкум, Зубаир-эфенди! — обратился к старику Умар, — мы привезли хорошие вести от Ибрагима, двоюродного брата Джемала.

— Алейкум салам, — ответил хозяин и на ломаном русском языке спросил:

— А как вам удалось найти мою саклю?

— Ибрагим растолковал. Орешник на крыше и тополя подсказали нам, где находится твоё обиталище.

— Рад вашему приезду... Входите в мой дом, кунаками будете. Помойтесь, поешьте, отдохните с дороги. О конях я позабочусь...

Старик окликнул кого-то на незнакомом гостям языке. Из другой двери показался мальчик лет десяти — двенадцати. Он почтительно поклонился гостям и внимательно слушал слова старика. Кивнул головой в знак того, что понял, и выскользнул на улицу.

— Мой правнук, Юсуфом зовут его. Он даст знать Джемалу о вашем прибытии...

Была уже глубокая ночь, а вокруг дотлевающих огней очага все еще вели беседу Умар, Джемал, Селим и Зубаир.

Селим сразу же проникся уважением к Джемалу — горцу могучего телосложения, с глубоким шрамом на лице. Алиев рассказал, что Джемал — один из немногих дагестанцев с уни-

верситетским образованием — учился в Казани на факультете права. Там с ним Умар и познакомился. Служил Джемал на австрийском фронте, четыре георгиевских креста и медали получил за беспримерную храбрость и отвагу.

— Чем же недовольны те, которых вы называете бандитами? — Джемал выпустил узкую струйку дыма из длинного чубука, — прежде всего, их удерживают ваши противники в том, что новая власть не имеет твердых законов. Ходят слухи, что даже те скудные земли, которые принадлежат горцам, будут розданы русским красноармейцам, воевавшим в Дагестане.

Умар усмехнулся.

— Революция имеет свои законы. Эти законы в интересах трудящихся, мы за справедливые законы, а не за беззаконие. Я знаю, что горцы не любят беззакония. Все должно быть, как положено, иначе на сцену выступит беспорядок, воля длинного кинжала. И такую волю в данное время проявляет не Советская власть, а те, кто по злему умыслу или по своей слепоте борются против нее.

— Что я могу передать повстанцам по поводу земли? — твердо спросил Джемал.

— Земля принадлежит тому, кто ее оживает, а оживает ее крестьянин, который трудится в поте лица. Советская власть отбирает землю у ханов и беков, трудящийся горец уже сейчас имеет право по закону на увеличение своего земельного надела. Но вместо того, чтобы заняться мирным трудом — впервые в истории, — одураченные одиночки по-существу воюют в бандах за то, чтобы вернуть землю тем же бекам и ханам...

Беседа продолжалась. По лицу Джемала было видно, что веские аргументы и товарищеская искренность Умара сделали свое дело. Но вдруг Джемал, будто опомнившись, с расстановкой спросил:

— Не только простым крестьянам, но и мне непонятно, почему вы арестовываете людей, не имеющих никакого отношения к политике? Почему арестованы алимы: Абдул Басир Хаджи, Юсуф-Кади Дженгутайский? Недавно мне стало известно, что в Дербенте арестованы довольно известный во всем Дагестане деятель Касумбек Гайдаров и его племянник.

— В отношении алимов, — ответил Умар, — распускаются провокационные слухи. Никто их не трогал, они на свободе, мы, правда, стараемся разъяснять людям неправильность многих суждений этих мудрецов. А что касается Касумбека, то это

ярый муссаватист, стремящийся сделать Дагестан турецкой вотчиной.

Через неделю в Дербент прискакал верховой из Маджалиса. Он привез Умару Алиеву письмо от Джемала, который сообщал, что двести семнадцать повстанцев вернулись в селения Маджалис, Хучни и другие, банд в округе отныне нет. Правда, не обошлось без самосуда. Расстреляны четыре предводителя повстанцев, грозившие опомнившимся крестьянам расправой, «как только придет помощь из-за границы».

ВСТРЕЧА С ХАМИДОМ

Оставаясь наедине с природой, человек чувствует, как эта могущественная волшебница вырывает из его души все горести, все тревожения, растворяет их в безбрежном величии своей бесконечности, а взамен щедро дарит целительную красоту всего, чем она обладает.

— Может быть, именно величественная красота окружающей природы на протяжении веков помогала обездоленным беднякам-карачаевцам стойко переносить все невзгоды и лишения...

Умар Алиев, блаженно растянувшись на зеленом ковре буйной, пахучей травы, опершись на локоть, говорил не слишком громко, словно боясь потревожить дремоту окружающей природы. Да, она дремала; чуть покачивались и еле слышно шумели тяжелые ветви вековых сосен, безмятежно застыла матовая гладь озера, отражавшая в себе стволы деревьев.

— Знаете, Николай Иванович,— продолжал говорить Умар, устремив взгляд в какую-то точку на противоположном берегу,— человек иногда бывает очень несправедлив в выборе названий для того, что его окружает. Вот, к примеру, предки нарекли это озеро «Кара Кель» — «Черное озеро». Видимо, увидел его кто-то в сумрачную пору поздней осени, или у этого первооткрывателя было смутно на душе — вот и осталось за озером такое наименование. А я бы назвал его «Насыблы Кель» — «Счастливое озеро». Именно таким я воспринимаю его. Оно пропитано ощущением беспредельного счастья, оно счастливо вечно глядеть в высь небес, отражать в своем зеркале эти дивные сосны, радовать своей спокойной прелестью сердца людей...

Ковалев, покусывая длинный стебелек травы, дружелюбно прищурился.

— Что ни говори, Умар, а в тебе главенствует поэтическое начало! Тебе надо было бы родиться некоторое время спустя, когда не суровые воины и ловкие дипломаты, а ученые и поэты будут играть важную роль в жизни. Но не думай, что я хочу в какой-то мере обидеть тебя: поэтичность и мечтательность необходима нам, коммунистам, устремленным и делами и мыслями в будущее. Размышляя о Ленине, я, вместе со всеми другими присущими ему замечательными чертами, вижу и эти качества: поэтичность и мечтательность в лучшем смысле этих слов! А мы с тобой очень счастливые люди, Умар! Претворять в жизнь то, что намечено и разработано Лениным!..

Ковалев с нескрываемой гордостью произнес эти слова, потом улыбнулся:

— Счастливые люди на берегу Счастливого озера!.. Одно вот обидно: забрали тебя в Дагестан, теперь в Москву переводят, а как ты необходим здесь, в Карачае! Трудно приходится мне, и хотя я понимаю необходимость твоего отъезда, все-таки сетую на это...

— Да разве я когда-нибудь расставался или расстанусь с этим горным краем? — Умар даже привстал в возбуждении. — Воля партии — для меня закон, и любое назначение, в любое место я принимаю как должное и необходимое. Но так или иначе нужды Карачаево-Черкесии всегда остаются моими нуждами. Выполняя любую работу по заданию партии, я сознаю, что работаю также и ради одной из единокровных частиц Советской Родины — Карачая и Черкесии.

Вот и сейчас я решил посвятить свой короткий отпуск поездке сюда, в Карачай. Мною составлен алфавит и почти написан карачаевский букварь, я продолжаю собирать материал для двух своих книг: «Карахалк» и «Карачай».

— Прекрасно! Я поражаюсь твоей работоспособности, Умар! Карачаевский букварь! Это как раз то, что особенно необходимо для детей народа, пробужденного к новой жизни Октябрьской революцией! Да и не только для детей, ведь огромное большинство взрослых карачаевцев еще неграмотно.

— Вчера как раз я отшлифовал стихотворение, которое должно быть своеобразным предисловием, а может быть, послесловием к букварю.

— Очень интересно! Как жаль, что я не знаю карачаевского языка! О чем же это стихотворение?

— Я назвал его «Знание». Хотите, я переведу вам его содержание?

— Разумеется!

— «Давайте, друзья, будем учиться на своем родном языке! Обретем знания, обогатим ум. Посвятим начало жизни учебе в школе.

Знание — властелин мира, знание — лестница жизни. Знание — ключи ко всему желаемому тобою.

Сила знания позволила летать на железных орлах, плавать в морских глубинах.

Знание помогает находить в горах золото и серебро, брать у рек силу, заменяющую сотни и тысячи лошадей. И вот — машина без лошади пашет землю, по железным дорогам движутся чудо-арбы.

Будем учиться, проникнем в суть всех вещей: как пахать землю, как пасти скот, как вести хозяйство. Горы смеются над бессилием человека, упрятав в своих недрах золото и серебро. Но люди, вооруженные знаниями, умеют их находить.

Кубань из века в век уносит в море свои тайны, но знание научит разгадывать их.

Наступило время, когда люди стали свободны!

Отвергнем невежество, устремимся по прямой дороге, указанной новой жизнью!»

— Еще раз мне приходится пожалеть, что не знаю карачаевского языка. Стихи в прозаическом изложении, при всем богатстве смысла, звучат принижено и даже как-то, я бы сказал, беспорядочно. Но я не сомневаюсь, что в оригинале твои стихи, как всегда, хороши... Дорогой Умар, давно мы не беседовали с тобой о поэзии. Ты не обидишься, если я попрошу тебя прочесть что-нибудь из старой восточной поэзии?

Умар ничего не ответил. Некоторое время он сосредоточенно молчал, глядя на недвижную гладь озера. Затем повернулся к Николаю Ивановичу:

— Из всех поэтов Востока более всего люблю Омара Хайяма. Сколько жизнеутверждающей мудрости в его великолепных, блистательных четверостишиях! Некоторые склонны считать, что его стихам присущи пессимистические призывы к отрешенности от мира сего. Другие выделяют в творениях Хайяма проповедь девиза «Лови мгновение!» Но ведь надо помнить, что он творил в условиях, когда вся общественная жизнь находилась под прессом религиозного фанатизма исламского духовенства. Не все он решается говорить открыто:

То не моя вина, что наложить печать
Я должен на свою заветную тетрадь.

— Представляю, какую осторожность приходилось блюсти поэту, чтобы не стать жертвой бесчеловечных правителей и фанатичных мулл! — проговорил Ковалев.

— И в многочисленных «вакхических напевах» Хайяма мы слышим вовсе не пьяную разнузданность, — убежденно продолжал Умар, — а кощунственный вызов ханжескому запрету вина, установленному исламом. Именно эта сторона — вакхическое восхваление разума — так ярко выражена поэтом:

Рабы застывших формул осмыслить жизнь хотят;
Их споры мертвечиной и плесенью разят.
Ты пей вино, оставь им незрелый виноград,
Оскомину суждений, сухой изюм цитат.

— А тебя, Умар, даже Хайям не убедил воздавать вину хоть небольшую дань уважения, — пошутил Николай Иванович.

— Просто не остается времени для вина, — то ли отшутился, то ли всерьез ответил Умар.

— Много ли стихов написал Омар Хайям? — спросил Ковалев.

— Видимо, много. Ведь он прожил долгую жизнь — 83 года. Но до нас дошли всего 113 четверостиший, и они сделали имя поэта бессмертным. Я с удовольствием прочту несколько четверостиший, которые помню в русском переводе. На персидско-таджикском языке я знаю наизусть все 113.

И Алнев стал читать:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе, с кем попало...

Умар был настолько увлечен чтением стихов, а Николай Иванович так самозабвенно слушал их, что оба они не замечали черноглазого мальчугана лет одиннадцати—двенадцати. Спрятавшись за толстый ствол могучей сосны, он тоже слушал Умара. Всего пять — шесть метров отделяли мальчика от Алиева и Ковалева, и ему не приходилось напрягать слух. А стихи Хайяма звучали в свежести летнего дня, удивительно гармонируя с великолепием высокогорного озера и девственного леса.

Перед самым лицом мальчика носилась с протяжным, заунывным жужжанием дикая пчела, и он лишь слегка отводил голову то назад, то в сторону, боясь неосторожным движением выдать свое присутствие.

Общаясь с дураком, не оберешься срама,
Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
Из рук же дурака не принимай бальзама.

Вряд ли вся глубина смысла, отточенное совершенство, красота стиха, покоряющие даже в переводе, были доступны подростку-карачаевцу, — босоногому, одетому в латаную рубаху немыслимого цвета и такие же штаны. Но он, пожалуй, не столько был очарован самими стихами, сколько процессом их чтения вслух. Его, казалось, неудержимо притягивал к себе тот, кто читал стихи: такая беспредельная восторженность, такая уважительная почтительность были отображены на лице мальчика.

Добродушный смех послышался в ответ на чтение стиха. Умар и Николай Иванович с удивлением повернули головы в ту сторону, откуда он донесся. Их взоры встретились с испуганными глазами нарушителя этой лирической идиллии.

Алиев и Ковалев так были поражены и ошеломлены присутствием третьего, непредвиденного участника их беседы, что не сразу очнулись от немого созерцания. Потом, опомнившись от минутного оцепенения, Николай Иванович, сохраняя серьезную мину, пальцем поманил к себе мальчугана.

Тот вначале отрицательно замотал головой, а потом стал беспокойно озираться, словно подыскивая возможность удрать.

Тогда Ковалев, поднявшись на колени и опершись рукой на плечо Алиева, ласково и приветливо обратился к мальчику:

— Да ты, никак, боишься нас? Ишь ты, подсматривать и подслушивать не боялся, а теперь струсил. Неужели мы выглядим такими страшными?

Мальчик вновь замотал головой.

— А если не боишься, подойди сюда... Впрочем, что ж это я! Может, ты не понимаешь по-русски?

Мальчик неожиданно выпалил:

— Понимаю! Хорошо понимаю!

— Если б он не понимал по-русски, — вступил в разговор Умар, — то разве бы он ассмеялся, когда я прочел стихи Омара Хайяма?

Ободренный доброжелательным тоном взрослых, мальчуган поднялся на ноги, вышел из своего укрытия и сделал несколько шагов по направлению к ним.

— Как тебя зовут? — спросил Умар по-карачаевски.

— Хамид.

— Сколько тебе лет?

— Почти двенадцать.

— Как твоя фамилия?

— Акбаев.

— Акбаев? — Умар внимательно всмотрелся в лицо мальчика, — уж не Шугаиба ли Акбаева сын?

Тот утвердительно кивнул головой.

— Оказывается, — Умар обратился к Ковалеву, — это сын тебердинского учителя Шугаиба Акбаева, о котором я вам рассказывал. Чего ж ты остановился на полпути, Хамид? Иди, садись с нами рядом.

Когда мальчик, с трудом поборов наконец свою робость, присел, стыдливо подобрав под себя босые ноги, Ковалев, стараясь говорить помягче, спросил:

— Милый Хамид, скажи все-таки, как ты оказался здесь?

Хамид, окончательно освоившись в новом для него обществе, с мальчишеской прямоотой, глядя прямо в глаза, отчеканил:

— От самой Теберды я шел незаметно за вами. Я хотел лучше разглядеть Умара Алиева и послушать, о чем он говорит.

— А кто он, кто такой Умар Алиев?

На лице Хамида отразилось искреннее удивление:

— Как кто? Царь!

Ковалев и Алиев расхохотались. Особенно неудержимо и весело смеялся Умар.

— Царь? — подавив смех, проговорил Николай Иванович. — Но ведь царя более пяти лет сбросили с престола! Да будет тебе известно, что этому помогал и Умар Алиев. Какой же он царь?

Хамид с нескрываемым сожалением поглядел на Ковалева: «Вот, мол, взрослый человек, а не знает самой простой истины». И еще с большей убежденностью подтвердил:

— Умар Алиев — царь, я так думаю. Сбросили в России белого, злого царя. Теперь главный, красный, добрый царь — Ленин, Умар Алиев — помощник в Карачае.

Умар и Николай Иванович тепло улыбались, слушая горя-

чие убеждения Хамида. Потом Ковалев, ласково обняв мальчика за плечи, стал объяснять:

— Умар Алиев — ученик Ленина, его помощник, это правда. У Ленина много помощников. Они, как и сам Владимир Ильич Ленин, ненавидят всех царей на свете — и тех, которых давно нет, и тех, которые еще существуют. Царь в России был самым злым и жестоким из всех богачей и угнетателей народа. А Ленин — вождь трудового народа, всю свою жизнь он отдает борьбе за его счастье...

— Если Умар Алиев не царь, — недоуменно рассуждал вслух Хамид, — то как же его называть?

— Умар Алиев — ленинец, коммунист.

— Большевик? — живо спросил мальчик.

— Да, большевик! Большевики вышли из народа и защищают его интересы. Кстати, а почему тебе так хотелось наблюдать за Умаром Алиевым?

— Я слышал несколько лет назад, когда был совсем еще маленьким, как он говорил речь перед народом. Вот я и решил присмотреться к Умару Алиеву, чтобы научиться от него, как сделаться умным и ученым.

Как ни старались Ковалев и Алиев, но им не удалось сдержать невольный смех.

Заговорил Умар:

— Дорогой ты мой Хамид! Да разве можно так получить ум и знания? Для этого надо учиться. Желание у тебя, я вижу, есть. А коль это так — ты обязательно добьешься цели.

Хамид угрюмо опустил голову, а потом с искренней безнадежностью вымолвил:

— Желание! А какой толк от этого желания? Когда была война, школа не работала. Теперь я окончил два класса, научился читать и писать по-русски.

Умар Алиев, приветливо улыбаясь, похвалил мальчика:

— Мне и Николаю Ивановичу нравится, что ты так хорошо говоришь по-русски. У кого ты учился?

— Я два года учился в школе. Мой учитель — Хызыр Магомедович Халилов, — с гордостью выпалил Хамид.

— Вот это совпадение! И моим первым учителем тоже был Хызыр Халилов! Значит, мы с тобой в определенном родстве, ибо первый учитель — это второй отец.

— Но я хочу учиться дальше! — горячо воскликнул Хамид. — А учиться негде.

И мальчик вновь с сокрушенным видом потупил взгляд.

Умар приподнял ладонью подбородок мальчика:

— Вот здесь с нами мой друг — Николай Иванович Ковалев. Его послала ленинская партия в Карачай для того, чтобы укрепить здесь Советскую власть, руководить строительством новой жизни. Он заботится и о том, чтобы вам была открыта широкая дорога к знаниям. Но, на всякий случай, запомни: раз у тебя такое великое желание учиться, то я помогу тебе в этом. Завтра я уезжаю отсюда в Москву, буду жить и работать там. Приезжай ко мне, я приму тебя, как родного сына, и устрою на учебу. Не стесняйся, приезжай!

Ковалев с удивлением посмотрел на Алиева: уж не шутит ли он, к чему обнадеживать мальчика такими обещаниями?

Но в тоне и виде Умара не проскальзывало и намека на несерьезность. Наоборот, в его голосе была такая твердость и определенность, что Хамид, как бы почувствовав реальность осуществления своей мечты об учебе, глядел на Умара Алиева с несказанной благодарностью и, казалось, готов был хоть минуточку двинуться вместе с ним в далекую Москву.

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Заседание коллегии Народного Комиссариата по делам национальностей проходило под председательством Сталина.

В защитного цвета полувоенном френче сидел он, сжимая в левой руке потухшую трубку, а правой делал какие-то пометки на лежавшем перед ним листе бумаги.

Умар Алиев, сидевший по другую сторону длинного стола, покрытого зеленым сукном, отметил про себя, что Сталин очень изменился внешне за те два года, на протяжении которых он его не видел: похудел, под глазами появились мешковатые припухлости, сильнее выдавались оспенные рябинки на лице. Чувствовалось, что он много работает, устает.

Сталин, не поднимая глаз, своим глуховатым голосом произнес:

— От комиссии Центрального Комитета партии по разработке конституционных основ Союза Советских Социалистических Республик слово имеет товарищ Цхакая.

Поднявшись со стула в углу комнаты, осторожно ступая, словно опасаясь произвести лишний шум, к столу прошел плот-

ный человек в темно-зеленом френче, застегнутом на все пуговицы. Лицо его было утомленным, волосы с сильной проседью гладко причесаны.

Умар с нескрываемым восхищением смотрел на любимца партии, замечательного ленинца Михаила Григорьевича Цхакая, более известного просто как Миха Цхакая, носителя множества партийных псевдонимов: Барсов, Леонов, Гурген, Василий Иванович, Гуго Рикконен.

Миха Цхакая провел ладонью по волосам, достал из кармана френча сложенный вчетверо листок бумаги, развернул его, положил перед собою на стол.

— Дорогие товарищи! — Михаил Григорьевич обвел взглядом присутствующих. Потом не сдержался и произнес свое любимое обращение:

— Голубчики! Мы сейчас слушали убедительный рассказ Наримана Нариманова о том, какие беды приходится испытывать разобщенным маленьким народам, только что сбросившим иго эксплуататоров — помещиков и капиталистов. Весной нынешнего года Азербайджанская, Армянская и Грузинская Советские республики, используя имеющийся опыт советских федеративных связей, объединились. Теперь они хотят объединиться с другими Советскими республиками.

Партия стремится найти наиболее целесообразную форму объединения суверенных Советских республик в одно союзное государство. Для выработки проекта нового государственного объединения всех республик Центральный Комитет партии создал комиссию. Возглавлявший эту комиссию товарищ Сталин предложил на рассмотрение выработанный им «Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», в основе которого лежала идея «автономизации», то есть объединения Советских республик путем их вступления в РСФСР на началах автономии.

Ознакомившись с этим проектом, Владимир Ильич Ленин подверг его критике, предложил формулу «вступления» республик в РСФСР заменить принципом объединения всех республик, в том числе Закавказской и Российской Федераций, на условиях полного равноправия.

Этот ленинский план получил горячее одобрение членов ЦК, партийных и советских организаций на местах.

Когда Миха Цхакая, окончив свое выступление, возвратился на место, Сталин, с обычным для него спокойствием, обра-

тился к членам Коллегии с предложением высказать свои мнения.

Кто-то сказал о необходимости короткого перерыва. Сталин одобритительно кивнул головой: ему самому не терпелось закурить.

В просторном коридоре к Умару подошел его коллега еще по прежней работе в Наркомнаце Каменский.

— Молодец, Умар! Не привыкли курить, свободны от этой совершенно ненужной привычки.

Достал из кожаного портсигара папиросу, размяв ее пальцами, жадно закурил.

— Знаете, на одном из Пленумов ЦК мне довелось сидеть недалеко от Феликса Эдмундовича Дзержинского — заядлого курильщика. Почти рядом с ним была печь-голландка. Феликс Эдмундович внимательно слушал все выступления, ему не хотелось даже на короткое время покидать зал заседания, но он не мог выдержать без курения. И он решил перехитрить Ленина, подошел к голландской печи, покурил в отдушину и вернулся на место, довольный тем, что Владимир Ильич не видел.

В это время к Каменскому и Алиеву подошел Миха Цхакая.

— Товарищ Умар Алиев, давайте познакомимся. Мне о вас рассказывал не однажды Серго Орджоникидзе. Ведь нам с ним вместе доводится теперь работать в Тифлисе. Хотя я являюсь полномочным представителем Грузии в Москве, но на родине бываю часто. Вам, голубчик, хорошо понятна эта тяга к родным местам. Я думаю, что у нас, кавказцев, это чувство особенно развито. Серго доставил мне великое удовольствие, когда рассказал о том, как вас в Крыму вывезли не совсем обычным способом из-под носа врангелевских ищеек...

Умар смущенно улыбнулся.

— Я думаю, голубчик, — Миха Цхакая по-отечески положил ладонь на плечо Умару, — вам следует выступить, сказать о тех преимуществах, которые получают от объединения в Союз не только союзные республики, но и автономные. В частности, Карачаево-Черкесия, в образовании которой большая роль принадлежит вам.

Умар почувствовал, что краска заливает его лицо, он смущенно проговорил:

— Ну что вы, товарищ Миха, это преувеличение моей скромной роли.

— Совсе не преувеличение. Могу вам сообщить по секрету, что об этом сказал мне Владимир Ильич.

— Ленин? — В больших глазах Умара вспыхнула радость.

— Да, Ленин. А он в подобных делах никогда не ошибается. Хотя в мелочах жизни иногда очень, очень наивен.

Миха Цхакая рассмеялся.

— Я вспоминаю один случай. Было это в эмиграции, в Женеве, в 1908 или 1909 году. Жилось мне, как и многим другим товарищам по эмиграции, довольно тяжело. Иногда месяцами существовал на хлебе и чае.

И вот, кто-то из женевских товарищей сказал Владимиру Ильичу, что я питаюсь одними каштанами.

Владимир Ильич попросил Надежду Константиновну навестить меня. Ранним утром она пришла ко мне на квартиру. Я за столиком что-то писал, а на столе лежали блестящие, будто отполированные каштаны.

Надежда Константиновна посмотрела на меня своими добрыми глазами и говорит: «Дорогой Миха, не совестно ли вам, что это такое?» — и указала пальцем на каштаны.

Я недоуменно ответил: «Это каштаны, Надежда Константиновна». «Вот в том-то и дело, дорогой Миха, — говорит она, — об этом вчера вечером стало известно Ильичу. Я прошу вас, сейчас же пойдите к нам, Ильич просит вас к себе».

Я обрадовался, как всегда, лишнему случаю увидеть Владимира Ильича. Но не мог понять, какая связь между каштанами и визитом Надежды Константиновны, пригласившей меня к Ленину. За всю дорогу Надежда Константиновна не проронила ни слова. Это ее таинственное молчание и удивляло, и тревожило меня.

Когда мы вошли в комнату, Владимир Ильич, увидев нас, быстро встал со стула и пошел нам навстречу. Сперва он спросил Надежду Константиновну: «Что ты установила, Надя?» Она ответила, что видела много сырых каштанов на моем столе и что, очевидно, товарищи сказали правду.

Ильич взял меня за руку и осуждающе сказал: «Попались, дорогой Миха! Конспирация хорошая вещь, но не в таких делах».

Я совсем растерялся, не понимая, в чем дело.

Когда мне объяснили причину этого инцидента, я вначале рассмеялся, а потом, тронутый таким вниманием этих замечательных людей, благодарно пожал Владимиру Ильичу руку и сказал: «Дорогие Владимир Ильич, Надежда Константиновна, товарищи неправду сказали, что я питаюсь сырыми каштанами. Это дикие каштаны, их нельзя есть. Я их собираю в лесу, когда бываю на прогулке, только потому, что они очень красивы».

Владимир Ильич сразу понял, что сам «попался», и стал хотеть заразительно, до слез. И мы все трое долго еще от души смеялись в то утро.

Перерыв окончился. Выступивший первым Александр Григорьевич Червяков — председатель ЦИК и СНК Белоруссии, рассказав об истории установления Советской власти на белорусской земле, высказал одобрение конституционных основ будущего Союза республик.

Умар Алиев, ободренный беседой с Миха Цхакая, решил взять слово.

— Товарищи! Я буду краток. Необходимость объединения Советских республик в единый Союз не вызывает сомнения. Этот исторический акт сыграет определяющую роль в жизни не только Закавказья, Украины, Белоруссии, но и в судьбах малых народов, населяющих нашу страну.

Февральская буржуазно-демократическая революция не внесла никаких реальных изменений в тяжелое экономическое положение и политическое бесправие трудовых масс карачаевского народа, к которому я принадлежу. Изменилась лишь форма управления: вместо царских агентов — атаманов и приставов — Карачаем стали управлять эксплуататоры из лагеря буржуазно-националистических элементов.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала карачаевскому народу национальную свободу и избавила трудящихся от векового гнета царского колониального режима, помещичье-феодальной и капиталистической эксплуатации.

Отстаивая эти завоевания, трудящиеся Карачая, совместно с трудящимися массами других народов Кавказа, вели ожесточенную классовую борьбу с контрреволюционными силами, пытавшимися восстановить свое бывшее господство. В борьбе за свободу, за новую власть мы были вместе — трудящиеся разных национальностей. Вместе, единой братской семьей будем строить новую жизнь.

Только в братском союзе со всеми народами Кавказа, со всеми народами нашей страны, с великим русским народом, карачаевский народ может быть спокоен за свое будущее, может не опасаться посягательств на свою свободу и созидательный труд. Поэтому великая идея образования Союза Советских Социалистических Республик заслуживает полнейшего одобрения и скорейшего осуществления...

С 23 по 27 декабря Умар Алиев участвовал в работе X Всероссийского съезда Советов. Учитывая волеизъявления республик, выразивших через свои верховные органы пожелание об образовании союзного Советского государства, съезд признал своевременным и необходимым «объединение РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР в СССР».

30 декабря 1922 года представители этих четырех республик собрались на Первый Всесоюзный Съезд Советов. Вместе с ними Умар Алиев — полномочный делегат съезда — с воодушевлением голосовал за принятие Декларации и Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

В МОСКВУ — УЧИТЬСЯ!

Черный налет угольной пыли лежал на стенах станционного здания — одноэтажного, не претендующего на важность. Над входом в зал для пассажиров бросалась в глаза надпись черными буквами на некогда белой, а теперь потемневшей жестяной доске: «Каменоломни». Видимо, еще в давние времена добывали здесь камень, только не какой-нибудь известняк или ракушечник, а черный камень, дающий огонь и тепло. А потом название этого места передалось и железнодорожной станции.

Прямо к станции маленькие паровозики подталкивали по ветке, идущей от шахт, вагоны с углем. Здесь их переводили на основную магистраль, и другие, более сильные паровозы трогались в путь, уводя за собою длинные составы с углем на юг, к Ростову, и на север, к Москве.

Пассажирские поезда были редки. Лишь несколько месяцев назад было введено расписание их движения.

Через час должен был проходить поезд «Ростов — Москва». Здесь, на станции «Каменоломни» он стоял пять минут. Перед зданием вокзала уже сидели, стояли, прохаживаясь в ожидании поезда десятки людей.

Все были заняты своими заботами. Никто не обращал внимания на черноволосого, чумазого подростка лет двенадцати — тринадцати, который отчужденно сидел на корточках почти под самым станционным колоколом.

К подростку подошел красноармеец в буденовке, с деревянным баульчиком в руке.

— День добрый, молодой человек! Можно пристроиться рядом с тобой?

Мальчик вздрогнул и, еще крепче сжав свой узелок, поднялся с корточек, с явным намерением бежать.

Красноармеец с приветливой, благожелательной улыбкой удержал его за плечо.

— Да ты не пугайся! Садись, поговорим! Давай сначала познакомимся. Меня зовут Василием. А тебя?

В улыбке и словах красноармейца было столько располагающего к нему, в его речи с тщательным выговариванием «о» слышалась такая теплота, что глаза подростка стали мягче и доверчивее.

— Так, как же зовут-то тебя, приятель?

— Хамид.

— Так чего же ты тут?

— Я еду учиться в Москву.

— Учиться? В Москву? — Василий громко расхохотался. — Да ты знаешь, какая огромная эта Москва! Куда ты там ткнешься? К кому ты обратишься?

— У меня там знакомый есть.

— Знакомый?

— Да, знакомый, Умар Алиев.

— Умар? Алиев? Не слышал.

На лице Хамида выразилось не удивление, а снисходительное сожаление: взрослый человек, красноармеец, а не знает Умара Алиева!

— А как же тебе родители позволили одному ехать в такую даль? И почему ты сидишь на этой станции — сто верст до Ростова, тысяча верст до Москвы?

— Отцу и матери я сказал, что от учебы в Москве меня не удержит никакая сила. Они не очень радовались моему решению. До станции Невинка — есть такая у нас на Кубани — я добирался пешком, там купил билет на московский поезд, но только до Ростова — больше денег не было. Проехали Ростов, и вот в вагон вошли два очень строгих человека, стали проверять билеты...

— Контролеры, значит?

Хамид утвердительно кивнул головой.

— Посмотрели мой билет, велели мне сойти с поезда на первой же станции. Я объяснил им, куда и зачем еду. Стал умолять, чтобы они меня не высаживали, — все напрасно.

Василий долго и сосредоточенно, будто обдумывая что-то, глядел неподвижным взором куда-то вдаль, потом резко повер-

нулся всем корпусом к Хамиду и хлопнул его тяжелой ладонью по плечу.

— Ты молодец, Хамид! Из такой дали и глуши рвешься прямо в Москву ради учебы — на это не каждый отважится!

Хамид утвердительно покачал головой.

— В Москве, значит, живет твой знакомый.

— Умар Алиев, — горячо воскликнул Хамид, — тоже пошел учиться в далекие края прямо с коша! Кош — это пастбище, которое находится высоко в горах, вдали от аула. Умар Алиев мальчиком пас на коше скотину богатого хозяина, и однажды пропал без вести. Его искали много дней и много ночей всем обществом, посчитали, что Умара растерзали волки. А потом оказалось, что он ушел учиться с каким-то пришельцем из других мест...

Василий тяжело вздохнул.

— Эх, парень, ты мой хороший, как же ты думаешь ехать дальше?

— Не знаю.

— Денег у тебя, значит, нет?

— Нет.

— Так... А ты ел что-нибудь сегодня?

— А как же! Еда у меня есть! — и Хамид приподнял узелок, лежавший у него на коленях.

Василий сомнительно поглядел на тощий узелок.

— Поезд будет через полчаса... Ладно, была не была, повезу я тебя на свой риск и страх. Не бойся, никто не высадит! А пока что ты должен умыться. Идем со мной.

Хамид послушно зашагал рядом с высоким, подтянутым красноармейцем. Около водоразборной колонки Василий отвязал притороченный к его ремню солдатский котелок.

— Скидай рубаху!

Подросток стянул через голову рубаху.

— На вот, мыло возьми! Да старательнее мойся, вишь как грязью оброс!

Давно Хамид не бывал таким счастливым, как в эти двое суток, рядом с Василием, в поезде, идущем на Москву. Дважды были в вагоне ревизоры, но, поглядев на подростка, которого по-братски обнимал рослый красноармеец, проходили мимо, не тревожа эту пару.

Сразу же после отхода поезда со станции «Каменоломни» Хамид с каким-то смущением предложил Василию поесть. Это

было единственное, чем подросток мог отблагодарить своего заботливого опекуна.

Хамид развязал узелок, в котором оказались половинка за-сохшей, крошащейся кукурузной лепешки, полкружка овечьего сыра размером в ладонь да пара луковиц. Здесь же был небольшой, туго завязанный мешочек.

— А это что такое? — поинтересовался Василий.

— Кукурузная мука. Когда горец едет куда-нибудь, он непременно берет с собою кукурузную муку, потому что в чужих краях ее нет, а без нее пропадешь с голоду.

Василий не сдержал смех. Смеялся он громко и заразительно, обнажая блестящий ряд ослепительно белых, ровных зубов.

— Да на сколько же тебе хватит этой муки? Здесь всего-то пара горстей!

— Ничего! Я отдам эту муку Умару Алиеву. Знаю, что будет очень рад подарку из родного аула.

Красноармеец достал из баульчика полкаравая хлеба, кусок сала и несколько вяленых рыбешек.

Увидев сало, Хамид так брезгливо поморщился, что красноармеец не мог не заметить этого.

— А, понимаю. Значит, ты тоже, как наш Хасан, татарин из одного взвода со мной, свинину не ешь. Что ж, обычай есть обычай. Вот мы, архангельские, сырую мороженую рыбу с удовольствием едим, а здесь это диковинным кажется.

Василий стал нарезать хлеб и сало, Хамид разломил пополам лепешку и сыр.

Когда красноармеец бережно взял крошащуюся половинку лепешки и кусочек овечьего сыра и стал с удовольствием уписывать за обе щеки эти нехитрые лакомства, покусывая вдобавок хрустящий лук, Хамид понял: во что бы то ни стало он должен ответить взаимным уважением к еде, выложенной его спутником. Подросток осторожно взял кусочек сала, положил его на ломоть белого хлеба и, зажмурив глаза, откусил...

На станции Миллерово в вагон сел веселый разбитной парень с гармонью.

Василий попросил гармонь, и вскоре все пассажиры вагона сгрудились там, где красноармеец, растягивая от плеча до плеча меха гармошки, распевал речитативом частушки, которые, как он пояснил, с большим искусством слагают парни и девки в северных русских деревнях — от Архангельска до Каргополя и от Онеги до его родной Пинеги.

Василий играл и пел, наполняя весельем этот маленький мирок на колесах. Слушатели увлеклись молодым, сильным голосом певца, бойкими переборами гармонии, ладно скроенными, озорными частушками.

Хамид весело смеялся. Впервые в жизни ему довелось слушать частушки, и они очень понравились юному горцу.

А красноармеец все пел частушки, казалось, им не будет конца. Да и мог ли Василий оборвать этот импровизированный концерт, если в глазах слушателей он читал просьбу продолжать и продолжать.

* * *

На Курском вокзале Василий и Хамид расстались: первому надо было добираться до Ярославского вокзала, второму — разыскивать Умара Алиева. Впрочем, Хамид высказывал такую твердую уверенность в быстром успехе своих поисков, что красноармеец лишь удивился его убежденности и сам в какой-то мере уверовал в счастливую звезду паренька. Как ни противился Хамид, Василий сунул ему на прощанье краюху хлеба, две воблы и пять рублей новенькими денежными знаками 1923 года.

— Бери, Хамид! Пока найдешь своего земляка, и поешь захочется, и на извозчика деньги нужны... Желаю успеха.

Проводив взглядом Василия, Хамид почувствовал, что сердце заняло, томительная грусть подкатила к глазам слезы. Радостно приобрести неожиданного друга и покровителя, но как грустно его терять!

ХАМИД СТАНОВИТСЯ МИШЕЙ

Еще в пути Василий посоветовал Хамиду, с чего начать поиски Умара Алиева. Следуя этому наставлению, Хамид подошел к женщине в черной шинели с красной повязкой на рукаве и спросил, как ему найти дежурного по вокзалу.

— Я дежурная по вокзалу. Что надо?

Когда Хамид изложил цель своего приезда в Москву, женщина сменила официальную сухость на теплоту, глаза ее подобрели, и она ласково погладила подростка по голове.

— Да! Нелегкую задачу ты задал мне. Дело в том, что адресный стол вряд ли нам поможет — его работа еще не нала-

жена. Люди приезжают в Москву, покидают ее, и очень многие из живущих в столице не значатся ни в каких учетных документах. Хорошо, что ты хоть имя и фамилию своего земляка знаешь... Пойдем-ка к начальнику вокзала, может, он по телефону попробует навести справки.

Начальник вокзала оказался добродушным седоволосым здоровяком в очках, сидевших на самом кончике носа.

— Итак, Анна Петровна, — необычно высоким для крупного мужчины фальцетом проговорил он, — этот пилигрим с далекого Кавказа ищет не кого-нибудь, а своего знаменитого земляка? Что ж, попробуем помочь. У меня есть друг, работает комендантом во ВЦИКе, вот ему мы и позвоним... Где-то у меня записан его номер...

Начальник вокзала позвонил по телефону, поговорил со своим знакомым.

— Слушай, паренек, Умар Алиев живет в первом Доме Советов. Это бывшая гостиница «Националь». Находится этот дом недалеко от Кремля. Тебе каждый дорогу укажет. Не заблудишься? Я бы сам тебя проводил или вот Анна Петровна, но мы на дежурстве. Сам понимаешь, служба. Ну, ступай. Это не очень далеко отсюда...

Хотя у Хамида была пятерка, врученная ему красноармейцем, он не стал искать извозчика, а решил идти пешком. Справляясь по дороге у прохожих, он медленно, но верно приближался к цели. Его подавило многолюдье московских улиц, стук лошадиных копыт по камням мостовой, звонки и скрежет трамваев...

И вот неожиданно перед его восхищенным и пораженным взором открылся широкий простор Красной площади. Слева тянулась стена Кремля, окаймленная поверху зубцами, а над куполом здания, возвышавшимся над стеной, гордо реяло полотнище красного флага, огромные часы сверкали на одной из башен Кремля.

Хамид остановился, изумленный величием раскинувшейся перед ним панорамы.

И вдруг до его слуха донеслись звуки родной карачаевской речи. Мимо него шли, оживленно беседуя, два молодых человека, в которых подросток сразу узнал своих единоплеменников.

— Салам алейкум! Здравствуйте, дорогие старшие братья! — во всю мочь закричал Хамид.

.. Молодые люди с радостным изумлением кинулись к под-

ростку. Начались распросы, и земляки сказали Хамиду, что они как раз идут к Умару Алиеву.

Хамид узнал, что один из карачаевцев — Асхат Биджиев, учится на доктора, а другой — Рамазан Текеев, будет юристом. Что такое юрист, Хамид не знал, но из объяснений Рамазана понял, что это нечто вроде судьи, ученого судьи...

По устланному ковровой дорожкой коридору третьего этажа все трое подошли к двери, обитой кожей. Асхат нажал кнопку звонка.

Двери отворила пожилая женщина в белом переднике.

— Добрый день, Агния Николаевна! Дома Умар Джашуевич?

— Дома, дома. Заходите! А это еще кто с вами?

— Это наш земляк. Приехал в Москву учиться.

— Ой, да какой же он усталый, какой...

Женщина оглядела костюм и обувь подростка, хотела, видимо, сказать что-то нелестное по этому поводу, но сдержалась...

А навстречу гостям уже вышел в маленькую переднюю Умар Алиев. Зеленая гимнастерка с отложным воротником, перетянутая широким ремнем, плотно облегла его стройный торс; синие брюки-галифе и мягкие шевровые сапоги дополняли его одежду.

Он сразу подошел к мальчику, узнав его с первого взгляда, положил ласково руки ему на плечи и с доброй улыбкой сказал:

— Я был уверен, что приедешь ко мне! Молодец! Хвалю за решимость! Агния Николаевна, это тот самый мальчик из Теберды, о котором я вам рассказывал. Помните?

— Как не помнить! — улыбнулась женщина. — А как же тебя зовут, голубчик?

— Хамид.

— Ой, какое странное имя. Лучше я буду называть тебя Мишей, Михаилом — ладно?

— Михаил? — радостно отозвался Хамид, — как Ломоносов?

— Ишь ты, о Ломоносове знает! — похвально проговорила Агния Николаевна.

— Я тоже согласен с новым именем, — поддержал домработницу Умар. — А насчет Ломоносова — это здорово! И его, и тебя привела в Москву одна и та же дорога — дорога к знанию. Итак, Миша, сынок мой милый, я уверен, что ты умираешь с голоду, но, тем не менее, Агния Николаевна сейчас в первую

очередь организует тебе баню, а я тем временем позабочусь о твоей экипировке..

— Что такое экипировка, — с расстановкой спросил новонареченный Миша. Еще минуту он помедлил, не решаясь, какое обращение употребить ему, а потом решительно добавил:— Отец!

Умар просиял — именно этого хотел он — ответил:

— Экипировка, сынок, это все, чем необходимо тебя снабдить. Прежде всего, это, конечно, обмундирование: одежда, обувь...

Асхат и Рамазан молча наблюдали за происходящим. Все это было хорошо знакомо им: точно так же встречал Умар Алиев и их, когда они прошлогодней осенью добрались из Карачая до Москвы.

Вскоре из ванной комнаты с растерянным видом вышла Агния Николаевна:

— Вы знаете, Умар Джашуович, Миша наотрез отказывается раздеваться! Сел на край ванны в одежде, покраснел, как рак, и молчит, опустив голову.

— Отказывается раздеваться?... А, понятно, — улыбнулся Умар. — Парень взрослый, а здесь женщина. Ну-ка, Асхат, займись этим делом ты.

Через два часа никто не узнал бы в чистеньком, подстриженном, одетом в новенький костюм и белоснежную сорочку, обутом в хромовые коричневые полуботинки Мише Акбаеве того чумазого, похожего на беспризорника, Хамида, с которым познакомился демобилизованный красноармеец Василий на станции «Каменоломни» под Ростовом...

В тот же вечер Умар, возвратившись из издательства, где он просматривал гранки своей книги, застал Мишу листающим журнал «Огонек».

— Добрый вечер, сынок. «Огонек» смотришь? Хороший журнал. А еще есть журнал, который издается специально для таких вот ребят, как ты. «Барабан» называется. Пионерский журнал. Ты ведь слышал о пионерах?

Миша утвердительно кивнул головой.

— Хочешь быть пионером?

— Конечно, отец!

— Вот и отлично! Завтра же я определю тебя в школу-коммуну, там же тебя примут в пионеры. Кстати, почему ты так неаккуратно зашнуровал ботинки? Вот, смотри, как это надо

делать. Смотри и запоминай. Больше я тебе показывать этого не буду.

И Умар, склонившись, расшнуровал и вновь зашнуровал ботинки Миши.

— И еще запомни, — продолжал Умар, взяв в свои ладони руки подростка, — нужно регулярно стричь ногти. Это совсем не сложно. Правда, даже среди очень образованных людей встречаются любители отпускать длинные ногти, но это — пустая и никчемная привычка...

Миша испытывал к этому сильному, красивому и такому добродушному человеку смешанное чувство подобострастного почтения с примесью некоторой боязливой смущенности. Но главное было в том, что этот человек сразу стал для него близким и дорогим, ему можно было без раздумья довериться в самом заветном.

Вдруг Миша спросил:

— Отец, а где моя старая одежда?

— Зачем она тебе? Твою рубаху, штаны и чукчи мы — я, Агния Николаевна, Асхат и Рамазан — торжественно сожгли, когда ты спал после купанья...

Умар вышел в переднюю и принес отсюда большой кулек. Достал из буфета широкое фарфоровое блюдо и выложил на него тяжелые грозди крупного, матово-зеленого винограда.

— Пойди, вымой под краном виноград и ешь. Помни, тебе надо есть много фруктов, особенно винограда — этих дивных ягод, в которых таятся сгустки животворного солнечного света. Москва прекрасна, но это не Карачай с его целебным горным воздухом, с врачующим ароматом сосны...

— Ой, отец, да разве я смогу съесть сразу так много?

— Не беспокойся. Я помогу тебе...

Миша, стараясь не отставать от Умара, отправлял в рот ягоду за ягодой, и его блестящие черные глаза выражали нескрываемое удовольствие и наслаждение.

— Да, чудесная вещь — виноград! — рассказывал Умар. — Еще в древние времена его широко применяли при лечении самых разнообразных болезней. Целебные качества винограда и сейчас используются медициной. Кроме того, виноград заслужил любовь людей своим замечательным вкусом и красотой этих плотных гроздьев.

— Отец, — Миша просительно посмотрел в глаза Умару, — расскажи мне про Михайлу Ломоносова!

— Про тещу, так сказать, твоего? Что ж, с удовольствием. Ломоносов был первым русским, который с полным правом мог стоять в одном ряду с величайшими учеными мира. Его научные труды относятся к области физики, химии, металлургии, механики, естествознания. А родился он на севере, в Архангельской губернии, в деревне Денисовке, близ Холмогор в 1711 году.

...До позднего вечера рассказывал Умар Алиев Мише о жизни Ломоносова. Мальчик проникся великим уважением к этому гениальному человеку, великому ученому. И Миша думал, что не пожалеет сил и упорства, поборет любые трудности ради овладения самым драгоценным сокровищем на свете—знаниями.

ЯНВАРЬ 1924-ГО

В этот до лютости холодный январский день Миша Акбаев возвратился домой несколько раньше обычного. В школе-коммуне он и его одноклассники два часа позанимались, час поработали в переплетной мастерской. Потом «приходящих» отпустили домой, предварительно наказав беречь по пути уши, носы и щеки от ледящего мороза, а остальным велели идти в общежитие — там было теплее, чем в классах и мастерской.

Квартира, которую занимал Умар Алиев со своим приемным сыном, состояла из двух смежных комнат. Миша сидел в первой, за круглым столом, покрытым скатертью темно-вишневого цвета и, подперев голову ладонями, читал тоненькую книжку, беззвучно шевеля губами.

Агния Николаевна, прибрав в комнатах, только что ушла. Ушла сердитою, потому что Миша, в ответ на ее настоятельные требования спуститься в буфет и пообедать, заявил: «Придет отец — я поем вместе с ним...»

Время от времени легонько теребя красный пионерский галстук, Миша вчитывался в текст, напечатанный в книжке:

«И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться».

Миша готовился к концу года, когда ему исполнится четырнадцать лет, вступить в комсомол. Готовился старательно, с сознанием значительности шага, который предстоит сделать. Ему давал «вступительные» задания и проверял их исполнение

не только отрядный пионерский вожатый — молодой рабочий, переплетчик из шефствующей над школой-коммуной типографии, но и Умар Алиев. Вот и вчера он принес брошюру с текстом речи Ленина «Задачи союзов молодежи», сказал, что содержание этой речи должно стать программой жизни для будущего комсомольца.

Миша всей глубиной горячего сердца впитывал мудрую простоту ленинских слов, обращенных к молодежи. Некоторые выражения были не совсем понятны, Миша еще неясно представлял себе их значение, но смысл, сущность того, что Ленин адресовал ему, были абсолютно ясны. Да, именно ему, Мише, адресовал Ленин свою речь. Миша воспринимал ее, как отеческое наставление.

А что касается непонятных слов, то значение их объяснит приемный отец. И подросток выписывал такие слова в лежащую рядом тетрадь.

И снова глаза подростка прикованы к строчкам.

«...вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм».

Миша впервые сам читал ленинскую работу, и теперь ему становилось понятно, почему Умар Алиев с такой неутомимостью просиживает ночи напролет за книгами, написанными Лениным, делая записи на листках бумаги, по нескольку раз возвращаясь к уже прочитанному.

«...Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Какая-то интуитивная сила заставила мальчика резко повернуться к дверям. На пороге комнаты стоял Умар. Опущенная голова была непокрыта, и густые черные волосы припорошил снег, не успевший растаять. Вот он поднял лицо, и мальчик увидел его скорбные глаза.

Острая боль резанула сердце Миши, он сразу понял все. И уже охваченный потрясением, услышал слова:

— Час назад, в 6 часов 50 минут, скончался Ленин...

Из груди Умара вырвался глухой стон, он прислонился к косяку двери. Миша почувствовал, как по щекам его потекли слезы.

Вечером следующего дня, 22 января 1924 года. Умар читал вслух принесенное с собою, только что отпечатанное правительственное сообщение. В скорбном молчании слушали его собравшиеся на квартире Алиева студенты-карачаевцы Асхат Биджиев и Рамазан Текеев, представитель Карачаево-Черкесской автономной области при ВЦИК, приехавший в Москву на XI Всероссийский съезд Советов. В углу комнаты, обняв за плечи Мишу, сидела с заплаканными глазами Агния Николаевна.

Раздался звонок. Асхат почтительным жестом остановил Агнию Николаевну, привставшую, чтобы идти отворять дверь, и сам направился, бесшумно ступая на носки, в переднюю. В комнату вошел коренастый, широкоплечий человек в распахнутом пальто с меховым воротником. Это был Крыленко.

Как и у всех в те дни, лицо его было строгим и печальным. Он извинился за то, что не раздевается.

— Я на пару минут. Здравствуй, Умар, — он пожал руку Алиеву, подошедшему к нему. Кивнул всем остальным. Затем сказал:

— Председатель комиссии по организации похорон Владимира Ильича Феликс Эдмундович Дзержинский поручил мне с тобой сегодня ночью выехать со специальным траурным поездом. Встретимся в одиннадцать вечера на Павелецком вокзале. Оденься потеплее: на улице 35 градусов мороза.

Миша знал Николая Васильевича Крыленко, не раз приходившего сюда, в эту «гостиную квартиру». Между ним и Умаром Алиевым завязывались многочасовые шахматные поединки, победителем из которых почти всегда выходил Крыленко.

Мальчик, которого приемный отец обучил игре в шахматы, увлекся ею. Однажды он сразился с Николаем Васильевичем. К удивлению одного и другого, партия неожиданно закончилась ничейным исходом. Миша был горд. Умар в шутку подкалывал Крыленко словесными шпильками. Сам Николай Васильевич тоже весело смеялся, называя себя «оскандалившимся стратегом».

И Миша, привыкший видеть Крыленко неизменно веселым, улыбающимся, понял сегодня, насколько безгранично горе тех, кто долгие годы работал вместе с Лениным, под его руководством. Ведь для них смерть Ильича была не только всенародным, но и личным горем...

Несколько минут после ухода Крыленко все молчали. Потом Алиев продолжал чтение.

«Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг. Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, нестигаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера...»

Воспользовавшись тем, что Умар на момент прервал чтение, чтоб отхлебнуть из стакана глоток воды, представитель Карачаево-Черкесии при ВЦИК тихо сказал:

— Недавно я был на одном из дальних кошей за Учкуланом. Показал пастухам небольшой портрет Ленина. Один из пастухов, седобородый старик, пристально взглядевшись в черты Ильича, торжествуя сказал, обращаясь к другим чабанам: «Что я вам говорил? Теперь вы убедитесь сами, что Ленин — наш, родной? Я, еще не видя этой фотографии, знал, что это так».

«Но его физическая смерть, — медленно читал Умар, — не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина...»

Смерть нашего учителя — этот тяжелый удар — сплотит еще сильнее наши ряды. Дружной боевой цепью идем мы в поход против капитала, и никакие силы в мире не помешают нашей окончательной победе.

Эта победа будет самым лучшим памятником товарищу Ленину, тому, которого, как лучшего друга, массы звали своим «Ильичем».

* * *

На следующее утро пионерский отряд из школы-коммуны строем направился к Павелецкому вокзалу. Миша нес отрядное знамя с черными траурными лентами. И полотнище знамени, и ленты одеревенели на морозе. Стужа, казалось, осатанела.

Площадь перед вокзалом была до предела запружена людьми. Горели костры, у которых грелись мужчины и женщины, пожилые и молодые.

Толпа расступилась, пропуская пионеров, красные галстуки которых, тоже одеревеневшие, были повязаны на воротники ватников, шубенок, перешитых отцовских шинелей.

Отряд, обогнув здание вокзала, вышел на перрон. Более двух часов пришлось стоять здесь на морозе, но никто не собрался уходить. Правда, поочередно, по двое, по трое, ходили отогреваться в зал пассажиров, где было еще теснее, чем на привокзальной площади, но куда детей и подростков с заиндевелыми красными галстуками впускали беспрепятственно.

Ребята даже обиделись, когда вожатый предложил всем отрядом ожидать прибытия траурного поезда в вокзальном помещении.

Рядом с Мишей, стоявшим на правом фланге со знаменем, неожиданно оказались неразлучные Асхат Биджиев и Рамазан Текеев. Они, оказывается, на площади пристроились к пионерам, и толпа пропустила их на перрон, принимая за вожатых.

Миша увидел, что Асхат шевелит посиневшими от холода губами и тихо шепчет что-то. Мальчик улавливал некоторые карачаевские слова. Ему было известно, что Асхат Биджиев — поэт, он читал не раз Умару Алиеву свои стихи о революции, о новой жизни карачаевцев, о прекрасной природе родного края. Было ясно, что Асхат здесь, среди удрученных великим горем людей, у одетого в траур строгого фасада Павелецкого вокзала, слагает стихи. И Миша, конечно, понял, о чем эти стихи...

Траурный поезд прибыл в час дня.

К вагону подошла группа людей. Они приняли на руки алый гроб и внесли его в здание вокзала.

В большой группе, следовавшей за гробом, Миша отыскал взглядом Умара Алиева.

Асхат называл фамилии людей, несших гроб: Калинин... Фрунзе... Дзержинский... Сталин... Куйбышев. — Асхат указал чуть заметным кивком головы на человека в защитного цвета бекеше с непокрытой головой.

Мише была известна эта фамилия. Именно Валерьян Владимирович Куйбышев, являвшийся в 1922 году секретарем Центрального Комитета партии, по просьбе Умара Алиева помог определить на учебу двух юношей, приехавших из Карачая. Это были Асхат и Рамазан. От них же мальчик знал, что ныне Куй-

бышев — председатель Центральной Контрольной Комиссии партии и Нарком рабоче-крестьянской инспекции.

Стоя здесь, на перроне Павелецкого вокзала, Миша испытывал такую тяжесть, подобной которой он еще не знал. Он горевал, что не довелось ему повидать Ленина живым и что этой возможности теперь у него никогда не будет...

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Утро 19 мая 1924 года навсегда запомнилось Мише Акбаеву. Он встал, едва начало светать. Тихо вышел из спальни, сделал, как всегда, зарядку, умылся по пояс. Одел свеженькую, тщательно выглаженную пионерскую форму, повязал красный галстук. Выйдя на балкон, еще раз легко прошелся щеткой по начищенным им еще вчера до невероятного блеска башмакам.

Вернулся в спальню, увидел, что Умар Алиев уже на ногах.

Мишу неизменно поражали ловкость и быстрота, с которыми этот тридцатилетний, ладно скроенный человек совершал все, за что брался. Одевался Умар буквально за две минуты, и Миша пока что напрасно старался угнаться в этом за ним.

После завтрака Умар, обняв Мишу за плечи, подвел его к широкому окну, выходящему на Манежную площадь.

— Сегодня, Миша, большой день в твоей жизни. Через пару часов вон там, — Умар устремил взгляд туда, где за длинным зданием манежа, за острыми башенками Исторического музея вздымалась стена Кремля, — откроется XIII съезд нашей партии — первый партийный съезд, на котором не будет Владимира Ильича...

Он замолк в строгой задумчивости. А через несколько секунд опять заговорил горячо и взволнованно:

— Впрочем, я выразился неправильно. Ленин будет незримо присутствовать и на этом съезде, и на следующем, и на всех будущих съездах коммунистов нашей страны...

А днем делегаты съезда будут принимать ваш парад, парад пионеров, которому сегодня присваивается имя юных ленинцев. Это — великая честь! Юным ленинцем будешь с сегодняшнего дня зваться и ты, сынок. В конце года тебе предстоит ответственный шаг в жизни — вступление в комсомол... И придет срок — и ты должен оказаться достойным приема в партию, достойным нести высокое звание коммуниста.

Умар взглянул на часы.

— Пора в школу. Счастливого тебе пути, сынок!

На Красной площади, перед Мавзолеем Владимира Ильича, стояли ряды пионеров. Майский ласковый ветерок колыхал алые полотнища знамен. Ярко пламенели красные галстуки, сверкал на солнце металл пионерских горнов.

По обеим сторонам Мавзолея стояло множество людей, с одобрением и теплотой глядевших на пионериию Москвы. Это были делегаты XIII партийного съезда.

Группа членов президиума съезда обошла строй пионеров, громко здороваясь с каждым отрядом. Потом члены президиума поднялись на правое крыло Мавзолея.

Миша держал отрядное знамя, рядом стоял вожатый. Он тихо шепнул Мише, когда на Мавзолее поднял руку, призывая к вниманию, молодой, одетый в кожаную куртку человек: «Это Васютин, один из руководителей комсомола».

— Товарищи юные пионеры! — голос Васютина был громок и четок. К тому же, Мишин отряд находился ближе всех к Мавзолею, метрах в двадцати от него. — От имени ЦК Коммунистического союза молодежи объявляю о том, что пионерской организации с сегодняшнего дня присваивается имя Владимира Ильича Ленина. Это не только должно вызвать у вас гордость, но и ставит перед юными ленинцами задачу воспитывать из себя таких же борцов за рабочее дело, каким был Владимир Ильич.

Товарищи юные ленинцы! Наш призыв, призыв комсомола к вам, младшим братьям — «Будьте готовы!»

Вся Красная площадь тысячами звонких голосов, среди которых был и голос Миши Акбаева, хором отозвалась:

— Всегда готовы!

Один за другим с короткими, но горячими речами выступали ветераны партии.

Васютин предоставил слово славной немецкой коммунистке Кларе Цеткин. Она говорила на своем родном языке. Потом переводчик сказал:

— Товарищи! Клара Цеткин, приветствуя вас, говорит, что сегодняшний день является одним из самых счастливых моментов ее жизни, когда она видит, как вы, гордо подняв знамена, стоите парадным строем.

Товарищ Клара Цеткин говорит, что вы — дети революции — восприняли лозунги своего великого учителя, что ваша

задача стать строителями той жизни, за которую боролся наш великий вождь.

Товарищ Клара Цеткин приветствует вас в своем кратком слове и говорит, чтобы вы всегда были примером для всего остального мира и чтобы вы неизменно отвечали на призыв: «Будьте готовы!»

— Всегда готовы! — грянул хор пионеров. Вожатый, стоявший рядом с Мишей, громко провозгласил:

— Ура Кларе Цеткин!

— Ура! — разнеслось над площадью.

Потом к пионерам от имени Коминтерна обратился польский коммунист Феликс Кон.

— Юные товарищи, вы пришли сюда, на эту площадь, где собраны лучшие силы революции. Вы пришли сюда, к могиле нашего великого учителя. Вы пришли к могиле великих революционеров. И этим самым вы уже сказали, что ко всем боям, которые стоят перед вами, вы готовитесь, что в ваш лозунг вы внесете подлинное содержание, волюете в него жизнь. Мне, как одному из старших, поручено привести вас к торжественному обещанию. И я говорю вам, товарищи юные пионеры, будьте готовы к этому торжественному обещанию.

— Вседе готовы!

— Товарищи, повторяйте за мной:

— Я, юный пионер СССР...

Феликс Кон читал слова торжественного обещания, и тысячеголосым хором повторяли их пионеры, испытывавшие в этот день великое счастье и ни с чем не сравнимую гордость. Миша тоже произносил слова пионерской клятвы, а перед глазами его пламенело имя «Ленин», сияющее на торжественном фасаде Мавзолея.

— ... перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что:

Буду твердо стоять за дело рабочего класса и его борьбы за освобождение рабочих и крестьян всего мира.

Буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров и заветы Ильича.

Феликс Кон, оглядев половодье красных знамен и галстуков, сказал:

— Пионеры, это торжественное обещание я передаю от вас Президиуму XIII съезда партии.

— Ура!

В этот вечер Умар Алиев принимал гостей. Приветливо улыбаясь, в новеньком темно-синем костюме, в вырезе которого сияла белизной сорочка, украшенная красивым галстуком, встречал он друзей.

У празднично накрытого стола хлопотала Агния Николаевна. Скромный, почти аскетический образ жизни Умара Алиева не давал ей возможности блеснуть своими кулинарными способностями. И вот, наконец, случай представился. И Агния Николаевна радовалась вдвойне: и тому событию, которое послужило поводом для торжества, и тому, что можно показать свое мастерство...

— Ну, кажется, все в сборе, — шепнул Умар Алиев Асхату Биджиеву.

— А Нариман Нариманов?

— Он болен. Еще утром позвонил мне, извинился, что не придет.

— Прошу к столу! — обратился Умар к гостям.

Задвигались стулья, звякнул нечаянно задетый бокал.

Вдруг раздался звонок. Миша бросился в переднюю, и через минуту в комнату вошел встреченный восторженным «ура!» Нариман Нариманов. Все были искренне рады видеть его.

— Вот и наш уважаемый тамада пожаловал! — радостно воскликнул бойкий Рамазан Текеев.

— Какой из меня тамада? — смутился Нариманов. — Ни красноречием, ни острословием не наградил меня аллах, который, по нашему общему мнению, никогда не существовал и не существует...

Все засмеялись.

— Но, коль мне оказано столь почетное доверие, отказываться не смею.

За длинным столом, взятым напрокат из ресторана, сидели по правую руку от Нариманова Умар, Миша, Асхат, пожилой метранпаж из типографии, заместитель директора Центрального издательства народов СССР Веритэ. По левую руку от тамады заняли места Николай Васильевич Крыленко, Рамазан, переплетчик из типографии — отрядный пионервожатый Миши.

Усадили и Агнию Николаевну, которой все казалось, что чего-то недостает на столе.

— Дорогие друзья! — встав во главе стола, обратился к гостям Нариманов. — Мы собрались сегодня для того, чтобы от-

метить значительное событие: выход в свет первого букваря на языке карачаевцев — маленького народа, представители которого составляют более половины сидящих за этим столом. Почти каждый из вас бывал в горах. Если с вершины крутого уступа пустить вниз маленький камешек, то он, катясь по склону горы, увлекает за собой другие камни, все больше и крупнее, — и вот бурный каменный поток низвергается неудержимо, поражая своей силой и грандиозностью.

Первый карачаевский букварь — это тот маленький камешек, который вызовет к жизни рост грамотности, а затем и могучий поток карачаевской литературы. И если камнепад в горах — явление разрушительное, то книжный, позволю себе так выразиться, поток проявит благословенную созидательную мощь, он напоит жаждущих знания людей, раскроет их способности и таланты.

Наполним бокалы, друзья, я провозглашаю первый тост за первый карачаевский букварь и за его создателя — нашего радужного хозяина, нашего преданного друга Умара Алиева!

К Умару потянулись наполненные бокалы, и он, благодарно наклоняя голову, чокался с друзьями.

Потом последовали тосты за метранпажа типографии, за переплетчика, который брошюровал первые экземпляры букваря, за издательство и его вице-президента Веритэ, за всех, кто помог появиться на свет «новорожденному».

Кто-то затянул песню. И все присутствующие подхватили ее.

С времен давным-давно забытых
Преданьем Иверской земли,
От наших предков знаменитых
Мы эту песню сберегли...

Мишу Умар Алиев пытался отправить спать к соседу, занимавшему однокомнатный номер напротив. Но Миша так умоляюще отказывался, ссылаясь на завтрашний выходной день, что Умар смиловился, тем более что за паренька ходатайствовал Николай Васильевич Крыленко, который заявил:

— Сегодня я возьму реванш за прошлую ничью! Миша, неси шахматы!

Нариманов беседовал на диване с Веритэ. Вскоре к ним присоединился Умар. Подошли и другие. Постепенно пространство у дивана стало центром праздничного вечера. Лишь трое были в стороне: Агния Николаевна вновь посвятила себя заботам о

столе, убирая с него лишнее и готовя к десерту, а Николай Васильевич Крыленко развивал атаку на шахматной доске, грозя Мише неотвратимым поражением.

— Мне просто необходимо именно сейчас несколько лет поработать непосредственно на Северном Кавказе, ближе к тем местам, которые, в сущности, составляют главный предмет моих скромных литературных занятий, — поделился с собеседниками Умар.

— Разве только литературных? — заметил Нариманов. — Ведь всем известно, что в дело борьбы за власть Советов не только в Карачае, но также на всем Северном Кавказе и в Крыму ты вложил долю, которую отнюдь нельзя назвать скромной. Вы, товарищи, — обратился Нариманов к тесному кружку гостей, — не все, наверное, знаете, что за свои боевые подвиги Умар был награжден в 1920 году Почетной грамотой Реввоенсовета Кавказского фронта и именован революционным оружием. Сам Умар, конечно, об этом предпочитает молчать. Он не говорил об этом даже мне, хотя я, бывший тогда вместе с Кировым заместителем Серго Орджоникидзе — председателя Северо-Кавказского ревкома — знал об этих наградах раньше, чем он сам.

Нариманов укоризненно, с улыбкой погрозил пальцем Умару.

— Умар Джашуович, безусловно, прав, стремясь поработать на Кавказе, — произнес Веритэ. — Ведь для вас — это родная колыбель. Кавказ! Даже те, кто был рожден вдали от него, увидев Кавказ, навсегда отдавали сердце ему... Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой.

— А знаете ли вы, друзья, — сказал Нариманов, — что когда гениальный старик, тайком уйдя из Ясной Поляны, скончался на тихой станции Астапово, при нем был обнаружен железнодорожный билет до Владикавказа. На Кавказе Лев Толстой начал свою творческую жизнь, здесь он желал и окончить ее.

В другом конце комнаты раздался торжествующий крик. Это Миша буйно выражал свой восторг. Надо же было так случиться, что шахматная партия, в которой Крыленко добился значительного материального перевеса, опять окончилась вничью.

Присутствующие знали, что добродушный, сердечный к окружающим Крыленко очень близко принимал к сердцу каждую свою неудачу в шахматной игре. Он и сейчас заметно переживал: ничья в явно выигрышной для него партии! Да еще с

кем — с желторотым подростком. И притом — это уже вторично!

Выход из этой щекотливой ситуации нашел Асхат Биджиев. Он громко сказал:

— Я недавно перевел на русский язык одно из стихотворений Умара Алиева о Кавказе. Хотите послушать?

Умар стал отговаривать Асхата от его намерения: стихи слабые, да и зачем утомлять гостей. Но все с такой настойчивостью стали просить Асхата прочесть перевод, что Умар вынужден был смириться.

Асхат Биджиев был хорошим чтецом. Московские студенты-медики не раз горячо аплодировали своему коллеге, читавшему на студенческих вечерах прозу и стихи, игравшему в любительских спектаклях.

— Итак, стихотворение Умара Алиева «Кавказ».

Лениво крылья шевеля,
Туман, как сказочная птица,
Уходит ввысь. И вот земля
Под ярким солнцем золотится.
Сосна застыла на скале,
Кубань в теснине бьется яро.
И в предрассветной свежей мгле
Чабан ведет на кош отару.
А дальше, там, где горизонт
Горит в огне зари багряном,
Стеною вытянулся фронт
Одетых льдами великанов.
Казбек высок, Эльбрус высок,
Но смельчаки их покорили!
Кавказ, Кавказ! Немало строк
Тебе поэты посвятили.
Твоей пленившись красотой,
Любя всем сердцем эти дали,
Здесь Пушкин, Лермонтов, Толстой
Свои творенья создавали.
Позволь и мне, по мере сил,
Воспеть твое преображенье!
На стороне я не просил
Ни чувств, ни слов, ни вдохновенья.
Тебе — сыновний мой поклон!

Я, за зарей зарю встречая,
И горд и счастлив, что рожден
В ущелье горном Карачая!
Горд, что вспоен и вскормлен я
Струей шипучею айрана,
Что весь Кавказ — любовь моя —
От Кабарды до Дагестана!..
Желаньем вольности горя,
Народ мечтал раздвинуть скалы.
На богатеев и царя
Точились острые кинжалы.
Зажглись Октябрьские огни —
К свободе клич гудел набатом.
Кавказ, я горд, что в эти дни
Ты был с восставшим Петроградом!
Со всей великою страной
Пошел ты ленинской дорогой,
Чтобы построить рай земной
Без властелинов и без бога,
Наш враг тебя не покорил,
Ты в битву шел. И кровью алой
Твой сын отважный обагрил
Льды на высоких перевалах.
Ты отстоял свое добро,
Его в борьбе оберегая
От волчьей мерзости Шкуро,
От злобной прыти Улагая.
По воле партии родной
Навеки сбросив гнет кровавый,
Ты омоложен новизной
И возвеличен новой славой!
Здесь все для песен и стихов!
Во всем — желанная обнова!
Я вижу: дети пастухов
Читают ленинское слово.
И солнце снежным высям в дань
Приносит яркие алмазы,
И белопенная Кубань
Поет о будущем Кавказа!

Больше всех аплодировал и автору стихотворения и переводчику Нариман Нариманов.

Обаятелен был этот замечательный человек, прошедший многолетнюю школу суровой революционной борьбы.

Мише Акбаеву довелось еще раз увидеть Нариманова. Это было на юбилейном вечере, посвященном 30-летию литературной деятельности славного руководителя азербайджанских большевиков.

А меньше чем через месяц — 19 марта 1925 года — Нариман Нариманов скончался.

Умар Алиев и Миша долго стояли после похорон у свеженасыпанного холмика — могилы Нариманова на Красной площади, у Кремлевской стены.

ОТЕЦ И СЫН

В июле 1926 года заместитель заведующего Северо-Кавказским краевым отделом народного образования Умар Алиев приехал из Ростова в Москву на совещание, которое было создано по инициативе председателя Научно-педагогической секции государственного Ученого Совета Надежды Константиновны Крупской.

Совещание открывалось через два дня. Умар, остановившись в гостинице, где он снял номер на двоих, первым делом отправился на Лефортовский вал, в общежитие школы-коммуны. Там жил после отъезда Алиева на Северный Кавказ Миша Акбаев.

Встреча оказалась не совсем обычной. Миша, повзрослевший, выросший, вешал в коридоре общежития очередной номер стенной газеты. Называлась она «Без усталости грызть гранит науки!». Несколько длинновато, но метко. Название это, предложенное редактором газеты Мишей Акбаевым, понравилось ребятам, было одобрено педагогами и воспитателями.

Вдруг Миша почувствовал прикосновение к своему плечу.

— Не мешай, Тушканчик! — сердито проговорил он: его приятель Петя, прозванный за неповоротливость и излишнюю полноту «Тушканчиком», любил «невзначай» задеть товарища, неожиданно хлопнуть сзади по спине или легонько толкнуть. — Видишь, я делом занят. Отойди, тебе говорят! — вспыхнул юный редактор, почувствовав, что нажим на его плечо не только продолжается, но и усиливается.

Резко обернувшись, Миша от неожиданности уронил стенгазету на пол.

— Отец! — и кинулся в распростертые объятия.

Умар, войдя в школьный коридор, узнал Мишу еще издали по характерной привычке привставать на один носок. Да и как он мог не узнать того, кого считал своим сыном!

Алиев с разрешения заведующего школой-коммуной взял Мишу Акбаева с собою. Юноше разрешили отпуск на три дня. Время каникулярное. А через три дня Миша должен был выехать вместе с другими ребятами в подмосковный комсомольский лагерь.

И вот они идут рядом. Умар легко постукивает по тротуару своей тросточкой из кавказского бука, на которой выжжено искусным мастером: «Кавказ, Карачай, Картджурт». Алиев так и называл свою тросточку — «Три «К»».

Сколько было рассказано друг другу в этот июльский день и Умаром и Мишей! Хотя юноша регулярно писал в Ростов и получал весточки оттуда, но разве можно вложить в письма тот жар души, ту необыкновенную любовь и нежность, тот восторженный блеск глаз, которые так явственно подчеркивали радость живого общения, беспредельного счастья долгожданной встречи!

На следующее утро Умар сказал Мише, подавая ему толстую рукопись:

— Это — моя книга о Карачае. Я уйду в библиотеку на несколько часов. А ты почитай рукопись. Через несколько дней, по возвращении в Ростов, я передам ее издательству. Мне хочется, сынок, чтобы ты был одним из первых читателей этой моей книги. Я написал ее для молодежи, которой предстоит продолжать дело старшего поколения.

Уже в дверях Умар обернулся и с улыбкой сказал:

— Не забывай про виноград! Это самый ранний сорт. Его привезли мне в подарок из Грузии накануне моего отъезда сюда, в Москву. И сказали, что виноград, созревающий в июле, в разгар лета, самый вкусный и полезный.

Про себя Умар с неловкостью подумал: «Опять не сказал ему о Марьям... Ничего, сегодня же обязательно скажу».

...Когда Умар вернулся из библиотеки, отец и сын снова говорили, говорили. Об учебе Миши, о книге Умара, о Кавказе.

Наконец, несколько смущаясь, Умар сказал:

— Ты, Миша, уже юноша, и все поймешь.. В прошлом году я женился. И если ты меня считаешь отцом твоим, то моя жена Марьям — твоя мать...

— А она согласится называть меня сыном? — после некоторого раздумья спросил Миша.

— Она уже год так тебя называет. Да вот письмо тебе от нее.

Миша взял протянутый Умаром Алиевым синеватый конверт. Он был запечатан.

— Отец, ты разве не читал это письмо? — удивился юноша.

— Конечно, нет! Низко и некрасиво читать то, что адресовано другим.

Миша увидел на конверте надпись, сделанную ровным, слегка наклоненным влево почерком: «Хамиду Акбаеву». А в скобках — «Карачаевскому Михайле Ломоносову». И еще одна приписка ниже: «Лично».

Юноша вновь взглянул на Умара. Тот не проявлял никакого интереса к письму и, чтоб подчеркнуть свое безразличие, углубился в чтение газеты, заслонившись ею от своего питомца.

Вскрыв конверт, Миша с радостью воспринял обращение к нему, выведенное крупными, броскими буквами:

«Дорогой Миша, милый наш сынок!»

Как не покраснеть от удовольствия, ощущая такую приветливость! И юноша вбирал глазами и сердцем слова послания:

«Я не верю в то, что никогда тебя не встречала. Разве можно поверить в такую нелепость, если я знаю тебя до мельчайших примет и подробностей, вижу твои смысленные глаза, слышу твой голос. Умар так часто, с такой любовью и увлеченностью рассказывает о тебе, что ты незримо находишься рядом с нами. Но все-таки я нетерпеливо жду того счастливого дня, когда смогу обнять тебя, дорогой сынок. Знай, что для нас с Умаром ты — самый родной и близкий, самый дорогой человек...»

Я сейчас учусь в Ростовском медицинском институте, решила стать врачом. Мои родители — образованные и отнюдь не остальные люди, но даже они без особого одобрения отнеслись к моему выбору: ведь пока что ни одна женщина-карачаевка не дерзнула стать «дохтуром». Что ж, ведь кто-то должен быть первым!..

Плохо, что ты вдали от нас, но ведь не навечно же это! Поэтому я говорю тебе: до встречи, до скорой радостной встречи, сынок!

Пиши не только Умару, но и мне. Каждое твое письмо явится для меня праздником.

Марьям Алиева».

Миша еще раз прочел письмо, бережно вложил его в конверт и положил на стол. Неужели Умар не пожелает ознакомиться с таким чудесным письмом? Право, жаль...

Нет, Умар продолжал углубленно исследовать содержание газеты. Но внимательный наблюдатель заметил бы, что Умар с хитринкой скашивает глаза, исподтишка наблюдая за выражением лица Миши. И он был счастлив, что письмо жены так обрадовало юношу...

Раньше обычного поужинав, Умар Алиев и Миша отправились пешком в Армянский переулок, в Институт востоковедения: Асхат Биджиев пригласил их на спектакль, который был поставлен силами студентов нескольких вузов Москвы. В ознаменование того, что Институту востоковедения присвоено имя Наримана Нариманова, самодеятельные артисты показывали его комедию «Шамдан-бек», которую перевели на русский язык два студента-азербайджанца при участии Асхата.

Асхат играл в комедии заглавную роль.

Умар Алиев очень не любил сидеть в зрительных залах в первых рядах, но Миша упросил его сесть поближе к сцене. Зал в институте был не слишком велик, но обладал хорошей акустикой, и речь действующих лиц, даже слова, произносимые шепотом, были отчетливо и ясно слышны в самых отдаленных местах.

Умар пояснил Мише, что эта пьеса написана Нариманом Наримановым еще в конце прошлого века. Окончив Горийскую семинарию, где воспитывались многие представители передовой азербайджанской интеллигенции, Нариманов в 1891 году приехал в Баку, стал там преподавателем шестиклассной прогимназии. Одновременно он принимал участие в целом ряде мероприятий, направленных на развитие просвещения и культуры, активно выступал в печати по важнейшим вопросам общественно-политической жизни, создал учебник русского языка для азербайджанцев. Нариманов перевел на азербайджанский язык знаменитую комедию Гоголя «Ревизор», добился разрешения на ее постановку на сцене азербайджанского театра и сам исполнял в этом спектакле роль городничего.

Именно в эти годы Нариманов создал свои пьесы «Шамдан-бек», «Надир-шах»...

Миша увлеченно следил за развитием сценического действия.

Шамдан-бек—авантюрист. Пользуясь отсталостью и простодушием людей, он выдает себя за близкого друга губернатора,

кичится своими высокими связями. Для него нет ничего святого на свете. Он отплачивает черной неблагодарностью Юсифу, оказавшему ему братскую помощь, замышляет отнять у него невесту Хадиджу, чтобы завладеть богатствами ее отца Хаджи-Ибрагима.

Страсть Хаджи к деньгам, его тщеславие и тупость облегчают задачу Шамдан-бека. Но, несмотря на это, авантюра его обречена на провал — ни Хадиджа, ни богатства ее отца не достаются ему. Напротив, все узнают истинное лицо авантюриста и отворачиваются от него.

Сойдя с ума, Шамдан-бек бросается на призрак Юсифы и закалывает себя...

Дружными рукоплесканиями благодарил зрительный зал всех исполнителей спектакля за доставленное удовольствие.

Возвращаясь в гостиницу, Умар и Миша молчали, погруженные в мысли, вызванные спектаклем, пьесой Нариманова. Умару уже шел четвертый десяток лет, и он в прошлом не раз сталкивался с подлостью и изменой. А Миша возмущенно размышлял: неужели на свете могут существовать столь низкие субъекты, оплачивающие за добро коварством?

И оба мысленно утверждали, что все ближе и ближе пора, когда подлости, злу, коварству не останется места на земле.

ЛЕГКИХ ДЕЛ НЕ БЫВАЕТ

Открыв совещание, Надежда Константиновна Крупская сразу предупредила, что никакого доклада она делать не собирается. Гораздо плодотворнее будет живая беседа о насущных, практических задачах развития школьного образования, о формах воспитательной работы, об учителе и его взаимоотношениях с учениками, о создании новых школьных учебников.

Умар испытал прилив необыкновенно радостной теплоты, когда Надежда Константиновна, глядя на него, сказала:

— Вот, например, товарищ Алиев может рассказать о делах национальных школ Северного Кавказа.

Умар еще при жизни Владимира Ильича дважды встречался с Крупской, но эти встречи и беседы были непродолжительны, мимолетны, и он никак не думал, что Надежда Константиновна, постоянно общающаяся со множеством людей, запомнит его.

— Хочется, — продолжала Крупская, — чтобы работа совещания, как и вся наша практическая деятельность, была пронизана памятью о том великом внимании, с которым относился к делу народного образования Ильич.

Глаза Надежды Константиновны на какое-то мгновение омрачились скорбью: слишком свежа еще была рана, которую не залечить.

— На III съезде комсомола Владимир Ильич говорил: «Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение».

Умар, слушая приведенные Крупской слова Ленина, вдруг решил, на минуту отвлекшись от главной темы беседы: «Надо, чтобы электричество стало профессией Миши. Ему уже пора выбирать будущую специальность, вот я и посоветую выбрать именно ту, которой отводил первостепенное значение Ленин!»

— Решающее значение в осуществлении задач, поставленных Владимиром Ильичем, приобретает советский учитель...

И Надежда Константиновна скупыми штрихами представила слушателям учителя таким, каким он должен быть в Советской стране.

Затем она говорила об учебниках.

— Сейчас, когда у нас вводится всеобщее обязательное обучение в объеме четырех лет и готовится введение всеобщего семилетнего обучения, вопрос об учителе встал чрезвычайно остро. Во всех журналах, во всех газетах говорится о низком уровне подготовки молодого учителя. И, конечно, думать, что такой учитель может обойтись без учебника, — это значит не учитывать реального положения дела. Необходимо, чтобы работа учителя опиралась на возможность пользования учебником, чтобы учебник в школе занял надлежащее место.

Очень трудно авторам учебников поспевать за жизнью. В жизнь каждый год входит очень много нового. И автор должен приводить в учебнике массу новых терминов и понятий.

— А обойтись без новых терминов невозможно, — заметил кто-то.

— У нас замечательные ребята. Они часто употребляют в разговоре слова, которые для нас, стариков, непривычны были в детстве. Жизнь дает им запас этих слов и понятий. Но ребенок есть ребенок, и надо знать меру. Мы стремились дать как можно больше слов и понятий на первом году обучения, на втором году меньше давали этих определений, на третьем и четвертом — еще меньше. Самый тяжелый год — это первый. Сейчас программы перестраиваются. Над ними ведется большая работа, которая улучшает расположение материала, выбирает из массы сведений, которые в каждой области науки имеются, самые существенные, узловые вопросы и вокруг этих узловых вопросов размещает материал.

Конечно, тут надо учителю еще многое перевести на детский язык, сделать сообщаемый материал архиконкретным, но самая основная работа — указание, что нужно взять, как это систематически расположить и как это распределить во времени, относительно этого есть уже определенные указания. Но сейчас составление учебников еще оставляет желать много лучшего.

— Многие учебники малодоступны и аполитичны. Мало еще создано хороших учебников, да и авторский круг мал, коммунистов единицы, — раздался в наступившей паузе возглас Алиева.

Надежда Константиновна одобряюще кивнула головой.

— Учебники очень перегружены материалом, — продолжала она, — часто некоторые вопросы излагаются аполитично. Многие учебники не соответствуют особенностям детского возраста, язык их малодоступен; в языке — многословие, постоянные отступления, нет концентрации на чем-нибудь одном, самом важном, отсутствуют простота, конкретность, нет цельности изложения.

Замечания ваши, собственно говоря, чрезвычайно простые, но именно потому, что они простые, они имеют особенно большое значение. Возьмем вопрос перегрузки. Надо сказать, что это болезненное место. Мне приходилось принимать участие в составлении программы. Все как будто ладно, а перегрузка получается отчаянная. Хочется обыкновенно составителям программ в программе все сказать, все выложить сразу. И вот от этого-то и получается чрезвычайная перегрузка. Особенно надо сказать это по отношению к таким предметам, как обществоведение, география, история, — тут особенно хочется авторам не упустить ниче-

го. Так что в дальнейшем придется поработать, вероятно, еще над разгрузкой программ. Но, конечно, программы — одно, а учебник — другое. Надо умело подбирать и располагать материал. В этом отношении наши учебники часто страдают тем, что дают не самое существенное. А надо брать основное и на этом основном останавливаться поподробнее, тогда и остальное будет гораздо понятнее...

Попросил слова довольно пожилой уже мужчина. Умар знал его немного еще по прежней работе в Наркомате по делам национальностей: один из интеллигентов, решивших служить «новой власти», но не порвавших со старыми убеждениями.

— Товарищ Алиев говорил об аполитичности некоторых учебников. Но каким образом втиснуть политику в учебник, скажем, по арифметике?

Крупская едва заметно улыбнулась, не столько губами, сколько своими добрыми, умными глазами, спокойно смотревшими через стекла очков, и ответила:

— Кое-кто считает пустым фразерством замечания об аполитичности таких учебников, как учебники по грамматике, математике. В первую минуту может показаться, что тут есть какое-то противоречие. С одной стороны, требуем систематику, а с другой — указываем на то, чтобы по грамматике учебник не был аполитичен. Это кажется странным в первый момент, нет ли тут какого-либо противоречия? Очень характерно, что в американской литературе о точных науках, в частности о математике, говорится, что мы сейчас живем в такой момент, когда все науки должны быть социализированы. Что это значит по отношению к математике? Значит ли это, что какие-нибудь отступления будут в этой области? Нет, это означает, что надо, когда выбираешь примеры, задачи, выбирать их из окружающей жизни, брать значимые задачи.

В СССР это имеет еще гораздо большее значение. Мы должны брать такие примеры, задачи, которые связаны с нашим социалистическим государством.

— Надежда Константиновна, не слишком ли тяжел для детей учебник обществоведения? Понятны ли будут школьникам такие слова, как «ревизионизм», «плутократия», «стабилизироваться», «дифференциация»?

— Если в математике у нас тот недостаток, что, выбросив старые задачи с купцами, для новых задач мы не подбираем материала, связанного с нашей советской действительностью; если в точных науках мы не умеем социализировать наши учебники,

то в обществоведении мы полагаем, что ребята от рождения все понимают и знают. Правда, в разговоре ребята, благодаря тому, что они кругом слышат, употребляют часто весьма мудреные слова. Но насколько они понимают их? Семилетний мальчонка говорит вещи, которые в старину ребята не сказали бы. Он как будто ищет, интересуется всякими вопросами, а когда читают ему в книжке «сбросили царя», он задает вопрос: «Куда сбросили?» Вот вам — и толкуйте.

Мы постоянно говорим общими формулами. Вот, например, так понятно нам: кулак, бедняк. А как толкует первоклассник? Кулак — это богатей, всего у него много, у бедняка всего мало. У кулака — семья большая, у бедняка маленькая. Про себя первоклассник думает, что если он живет только с матерью, то он бедняк, а если с ним живет и отец и тетка, то он богатый, кулак. Вот его детское представление. Откуда богатство, что такое эксплуатация — он не знает. Богатство — много, и делу конец...

Умар делал записи в своем блокноте, стараясь не пропустить ни единого слова из того, что говорила Крупская.

— Надежда Константиновна, — негромко спросил он, оторвавшись от блокнота, — а не следует ли приближать язык учебников к детской речи, писать, употребляя лишь тот круг слов и понятий, которые бытуют в детской среде?

— Язык в учебниках трудный, но это не означает, что мы должны подделываться под детский язык. Надо постепенно давать ряд терминов, по мере того, как ширится запас слов у ребят... И не надо детям говорить только о детях, как у нас постоянно бывает. Поэтому ребята так хватаются за сказку, где говорится о взрослых. Но ведь можно и без сказки увлекательно рассказывать о людях.

Хорошо бы изучить авторам живой народный язык, полный ярких, конкретных образов. У нас был словарь Даля, там — масса ярких образных выражений. Но у нас язык постоянно обогащается. Я это по опыту знаю, и чувствую, что говорю иногда старомодным языком. И корректора тщательно выправляют язык. Если в цитатах из сочинений Владимира Ильича забудет переписчица поставить кавычки, то корректор обязательно начинает исправлять язык, находит, что так нельзя сказать. Некоторые поговорки и сравнения, которые были в ходу у старого поколения, кажутся допотопными. Теперешнее поколение употребляет много новых слов, выражений и оборотов, язык носит сейчас гораздо более международный характер,

гораздо больше международных терминов в жизнь вошло. Но надо брать язык живой, а не канцелярский. Правда, нам очень много приходится писать бумажек, но не языком же этих бумаг излагать яркие явления.

— Я иногда, — встал и сказал Умар, — спорю с некоторыми товарищами, отрицающими важность коллективных переживаний детей, отрицающими, что такие переживания в процессе общения с другими детьми ассоциируются у ребенка с рядом радостных эмоций. Может быть, я, Надежда Константиновна, действительно неправ?

— Нет, вы правы, товарищ Алиев. Но это не значит, конечно, что надо постоянно возбуждать детей, трепать им нервы, заставлять их непременно что-нибудь «переживать». Для нормального развития эмоциональной области ребенку точно так же нужна спокойная обстановка, как она нужна и для развития умственного.

Ничего нет вреднее, как превращение жизни детей в непрерывный ряд празднеств, спектаклей, выступлений. Это с одной стороны. С другой стороны, и отдельные эмоции могут иметь отрицательное значение, потрясая весь организм. Однажды мне пришлось быть свидетельницей такого зрелища. На расвете по улицам Парижа в глубоком молчании двигалась процессия. Хоронили девочку, умершую в одном из католических приютов. Ее одноклассницы — человек пятнадцать девочек 10—12 лет, закутанные в саваны, со свечками, двигались за колесницей. Одежда, свечи, глубокое молчание, утренний рассвет — все это рассчитано было на то, чтобы вызвать глубочайшую эмоцию, которая подавила бы навсегда голос рассудка. Католические священники — хорошие психологи...

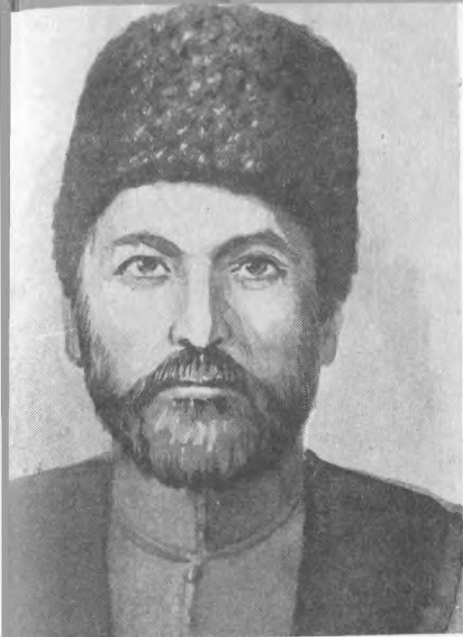
Но эмоция не должна подавлять остальных сфер духовной жизни.

Для жизни нужны не надорванные, а нормально развитые люди. Их может создать нормальная коллективная жизнь, в которой дети являются активными участниками.

Один из присутствующих задал Крупской вопрос, в какой степени ученик должен быть почтителен к учителю, можно ли позволить, чтобы ученик делал замечания учителю.

Надежда Константиновна улыбнулась.

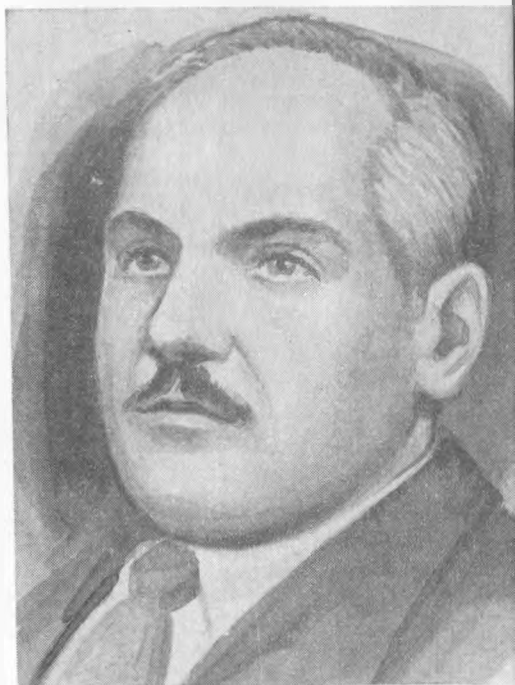
— Я расскажу вам в ответ один случай. Как известно, Владимир Ильич учился в школе в Симбирске. Там много национальностей — чувашей, мордвин и других. И отец Владимира

Хызыр Магометович Халилов —
один из первых учителей
Умара Алиева

Умар Алиев —
Уполномоченный Северо-Кавказского
ревкома. Убит бандитами в 1920 г.

Н. В. Крыленко.

**Умар Алиев с А. С. Бубновым,
К. Е. Ворошиловым, С. М. Буденным
в 1920 году в Пятигорске.**

**Ислам Абдул-Керимович Хубиев—
секретарь первого карачаевского
окружного ревкома в 1920 г.**

В. И. Ленин среди членов ВЦИК, 31 октября 1922 г.
Слева—У. Д. Алмев, справа—И. Б. Шевцов.
[Фрагмент групповой фотографии.]

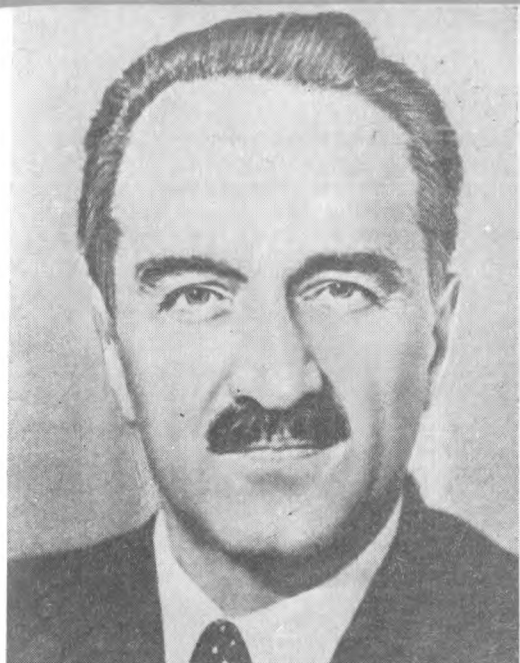
Г. К. Орджоникидзе.

С. М. Киров.

Карачаевская делегация на Учредительном съезде Горской АССР в г. Владикавказе. Ноябрь 1920 г. В середине: в белой папахе—руководитель делегации У. Д. Алиев.

А. И. Микоян.

Первая Северо-Кавказская горская краевая методическая конференция в Ростове-на-Дону, 1925 г. Шестой слева — руководитель конференции председатель президиума Северо-Кавказского краевого нацсовета У. Д. Алиев.

Канамат Имметалиевич Халкечев —
Председатель
Малокарачаевского райисполкома.
Убит бандитами в 1921 г.

Н. К. Крупская, К. Цеткин, М. И. Ульянова
на отдыхе в г. Кисловодске в 1924 году.
Рядом с М. И. Ульяновой теща Умара Алиева — Шаша Хубиева.
Она стоит, положив руки на плечи М. И. Ульяновой.

У. Д. Алиев с супругой М. И. Хубиевой в 1927 г.

Саид Магометович Халилов —
Член президиума
Карачаевского исполкома и секретарь
Тебердинской партячейки.
Убит бандитами в 1921 г.

У. Д. Алиев с семьей в г. Железноводске, 1934 г.

Ильича особо заботился о том, чтобы был открыт доступ к образованию детям всех национальностей. Есть замечательный рассказ учителя-старика Зайцева, которому сейчас 64 года и который 42 года работает в чувашских школах.

Когда ему было одиннадцать лет (мальчик был сыном бедняка и пас гусей), он убежал из дому и прибежал в чувашскую школу в Симбирск, чтобы учиться.

В класс, где был этот мальчуган, пришел отец Владимира Ильича, Илья Николаевич — директор народных училищ. Илья Николаевич вызвал к доске этого мальчика и стал объяснять, как решать задачи. И вот этого мальчика удивило, что директор так хорошо объясняет задачу, а говорит плохо. Дело в том, что отец Владимира Ильича картавил так же, как и Владимир Ильич, — «р» произносил нечетко. Вместо «гривенник» он говорил «гъивенник». Потом Илья Николаевич ушел, а учитель дал написать сочинение на тему «Самое сильное впечатление сегодняшнего дня». А мальчик возьми да и напиши: «Самое сильное впечатление — директор был, задачу хорошо объяснил, а говорит плохо. Я, ученик, и то умею правильно произносить «р», а он, директор, такой большой и ученый человек, не умеет произносить «р».

Учитель сильно испугался, как же это так ученик о начальстве написал. И, раздавая через пару дней тетради, учитель швырнул ему тетрадку и говорит «Свинья!». А в тетрадке это сочинение красным крестом перекрестил и ноль поставил.

И тут и приди Илья Николаевич. Посмотрел тетрадку, положил мальчику руку на плечо, читает, что в тетрадке написано, и улыбается. И говорит учителю: «Напрасно вы его наградили косым крестом да картошкой, то есть нолем. Сочинение написано последовательно, правильно, без грамматических ошибок, очень искренне». И написал: «Отлично», и подписался: «Ульянов».

Этот рассказ Крупской произвел глубокое впечатление на Умара, и он впоследствии приводил его в своих беседах с людьми, занимающимися вопросами народного образования.

Совещание, беседа с Крупской произвели на Умара огромное впечатление. Он нашел подтверждение многим своим мыслям о народном образовании. По некоторым вопросам пришлось кое-что пересмотреть, взглянуть на дело перспективнее, масштабнее. А главное — появился новый прилив сил: работать, работать!

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Рано утром пришел Николай Васильевич Крыленко.

— Дорогой Умар, я решил пригласить тебя совершить поездку в Солнечную Гору. Это шестьдесят километров по Ленинградскому шоссе.

— Ради прогулки? Стоит ли, Николай Васильевич?

— Я думаю, что и мой неуступчивый противник, — Крыленко шутливо погрозил пальцем Мише, — будет рад прокатиться в автомобиле. Утро чудесное, солнце в небе не улыбается, даже не смеется, а прямо хохочет! Но это не совсем прогулка.

Крыленко, вытянув руки по швам, громко отрапортовал, рассмешив притворной официальнойностью Умара и Мишу:

— Народный комиссар юстиции Дмитрий Иванович Курский и его заместитель Крыленко едут по делам службы в Солнечную Гору, в распоряжение Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии «Выстрел» имени Коминтерна!

— Вы будете заниматься делами, а что же будем делать мы с Мишей? — развел руками Умар.

— Тебе, Умар, предстоит там исключительно интересная встреча!

— Встреча? С кем?

— Там узнаешь... Ну, собирайтесь поживее и поедем. Автомобиль стоит у подъезда гостиницы. Заедем только за Дмитрием Ивановичем. Сейчас семь часов. В половине второго, не позже, мы вновь будем здесь, и ты, дорогой Умар, как раз вовремя придешь на заседание.

Когда остались позади домики московских окраин, Курский предложил ехать не по широкому, оживленному шоссе, а по окольной, лесной дороге.

— Потеряем час времени, зато налюбujemyся июльским русским лесом. Разве простительно упускать такую возможность?

Проехали пригородные дачи. И началась лесная сказка, поэзия сбегающих к грунтовой дороге лесных тропинок и проселков. Березы и ели, тополя и рябины. На бугристых холмиках поднимают ввысь свои вершины гордые сосны. А вот и глубокий, поросший деревьями овраг, по дну которого струится светлый ручеек.

Мирно и согласно соседствуют в лесу почтенные столетние

великаны и древесная молодежь, бойко тянущаяся ветвями вверх, к солнцу.

Прекрасен русский лес, и при каждой новой встрече с ним еще более властно чарует сердце его прелесть...

Машина остановилась у шлагбаума, преграждавшего въезд в военный городок. Из небольшого деревянного домика вышел подтянутый молодой командир с тремя кубиками на малиновых петлицах. Проверив документы и выданный в Москве пропуск, распорядился, и часовой поднял шлагбаум.

На территории городка было безлюдно, видно, курсанты находились на занятиях.

Другой командир указал, где находится штаб. Рядом с этим зданием, под высоким деревянным навесом, стоял бильярдный стол.

— Умар, голубчик, — взял Алиева за рукав Крыленко, — вы с этим неуступчивым юношей пока займитесь данной игрой, построенной на законах геометрии, а я провожу Дмитрия Ивановича к начальнику курсов: нам нужно пригласить для выполнения одного задания по Наркомату юстиции нескольких опытных и толковых командиров на пару недель...

— А как же обещанная интересная встреча?

— Не беспокойся. Будет.

Крыленко присоединился к ожидавшему его Курскому, и они пошли к штабу.

Умар очень редко играл в бильярд. Ему не нравилась азартность этой игры, но привлекала возможность проверить глазомер, расчет и твердость руки.

Мише приходилось «гонять шары» на маленьком бильярдном столике в школе-коммуне.

Не успели они сыграть и одной партии, как увидели приближающегося к ним Николая Васильевича в сопровождении высокого мужчины, с безукоризненной военной выправкой, в отлично сидящем командирском костюме без знаков различия, в начищенных до блеска сапогах.

Этот человек не был знаком Умару, он мог поклясться, что никогда не встречался с ним.

— Знакомьтесь, пожалуйста, — проговорил Крыленко, — мой друг, член ЦИК СССР, Умар Джашуевич Алиев, преподаватель курсов «Выстрел» Яков Александрович Слащев.

Это было совершенно неожиданным. Так вот какую встречу устроил ему Крыленко! Начальник врангелевской контрразведки генерал Слащев, тот самый, чья подпись стояла под при-

казом о поимке «большевицкого лазутчика» Алиева в Крыму, в девятнадцатом году! Тот самый Слащев, которому Советское правительство разрешило вернуться на родину и искупить свою вину честным служением ей.

Слащев тоже, видимо, вспомнил, где и когда он сталкивался с этим именем: «Умар Алиев». Он не решался протянуть руку своему заочному знакомцу. Умар сделал это первым.

— Что ж, Яков Александрович, вам простили вашу вину и было бы невежливо отказываться от традиционного рукопожатия. Как-никак, мы с вами старые знакомые, хотя и видим друга друга впервые.

— Я оставлю вас, — сказал Крыленко, — меня ждет Дмитрий Иванович в штабе.

Николай Васильевич ушел.

Некоторое время стояло неловкое молчание.

Потом Слащев, протянув портсигар Умару и услышав, что тот не курит, закурил сам и, глядя в сторону, с заметным волнением стал говорить:

— Смею вас заверить, что моя борьба в стане ваших врагов в годы этой кровопролитной гражданской войны представлялась мне делом правым и справедливым. Я поздно понял свое заблуждение, свое трагическое блуждание в потемках. Поймите меня правильно: я дворянин по рождению, кадровый офицер, заслуживший генеральские лампасы не угодничеством и приспособленчеством, а в боях с иноземными врагами нашей общей Родины. Все, что я делал, казалось мне необходимым для того, чтобы спасти Россию, которая, по моему мнению, гибла и которую, после того, как русские истощат свои силы в братоубийственной схватке, по кускам расхватывают чужие державы. Я не стану лицемерить, не стану утверждать, что мне во всем по душе новая, Советская Россия, но я вижу, что здесь идет трудная и искренняя работа ради счастья людей и величия страны. И потому — только на этой земле мое место...

Слащев рассказал Умару о катастрофическом бегстве белой армии из Крыма, о тех бедствиях, которые пришлось испытать рядовым эмигрантам, обманутым контрреволюционной верхушкой российских вандейцев...

— Скажите, Яков Александрович, вам не приходилось слышать о судьбе полковника князя Мырзакула Крымшамхалова? — спросил Умар.

— Как же! Я встретил его в Константинополе через некоторое время после эвакуации из Крыма. Когда в беседе с ним я

сказал, что белое движение потерпело катастрофу и надо искать пути возвращения на Родину, он назвал меня трусом и предателем. Потом я узнал, что Крымшамхалова убили офицеры-горцы, его бывшие подчиненные за отказ поделиться с ними вывезенными из России драгоценностями.

— Такой человек не мог рассчитывать на иной конец, — с брезгливым выражением лица проговорил Умар.

Больше Алиев не видел Слащева, да и не было случая встретиться. В 1928 году Слащев был застрелен родственником одного из красных партизан, повешенных в Крыму при Врангеле.

БУДЬ БОЛЬШЕВИКОМ!

За два дня до отъезда из Москвы Умар Алиев был приглашен на заседание коллегии ЦКК — РКК.

Еще до начала заседания Григорий Константинович Орджоникидзе, увидев Умара, подошел к нему и крепко пожал руку.

— Салам алейкум, товарищ Алиев. Рад тебя видеть. Как там, у нас на Кавказе? Впрочем, сейчас надо начинать заседание, уже время. А потом останься, поговорим. Хорошо?

— Конечно, товарищ Серго!

На повестке дня стоял вопрос о работе Центрального издательства народов СССР.

После сообщения о результатах проведенной проверки, Орджоникидзе обратился к присутствующим:

— Товарищи, прежде чем принять решение, хотелось бы предварительно ознакомиться с вашими предложениями.

Представители Центриздата высказали свои соображения о реорганизации штатов, жаловались на недостаток квалифицированных кадров авторов и переводчиков, на перебои в работе типографий.

Подводя итоги этим высказываниям, Серго изложил свою точку зрения:

— Я думаю, что было бы очень правильным делом перенести центр тяжести работы по изданию литературы на национальных языках на места. В прошлом году в Ростове-на-Дону было организовано при крайисполкоме издательство литературы на языках народов Северного Кавказа. Здесь на нашем заседании присутствует мой давний знакомый и коллега по рабо-

те в Северо-Кавказском ревкоме товарищ Умар Алиев. Он — организатор и руководитель названного мною крайнациздата.

За год своей деятельности это издательство проделало огромную по объему и значению работу.

Умар Алиев первым осмелился поднять свою сокрушающую руку на арабский алфавит, безраздельно господствовавший в письменности так называемых мусульманских народов нашей страны. Начали с латинизации карачаевского алфавита, а теперь крайнациздат издает и расширяет выпуск избавленных от арабской азбуки книг на языках других горских народов. Для бесписьменных ранее народов Кавказа упрощенный алфавит и доступность печатания литературы на национальных языках означают ускорение темпов приобщения к новой, социалистической культуре.

Для народов Северного Кавказа появление печатного слова на родных языках является одним из замечательных этапов великой культурной революции, дающим возможность ускорить процесс ликвидации неграмотности и вековой отсталости.

Я думаю, что опыт Северо-Кавказского крайнациздата следует распространять шире и смелее. Кроме того, надо уже подумывать о создании национальных издательств непосредственно на территории наших национальных государственных образований — в Дагестане и Осетии, в Адыгее и Карачае. Товарищ Алиев, что скажете вы по этому поводу?

Умар встал и, опершись руками о спинку стоящего впереди стула, стал говорить:

— Товарищ Серго верно сказал о насущных потребностях работы по изданию литературы на языках народов СССР. Я хочу лишь упомянуть о некоторых «трудных мелочах», с которыми приходится встречаться в повседневной работе. К примеру, когда в Ростове был создан крайнациздат, надо было буквально изобрести особые знаки-акценты для выражения своеобразия звуковых форм горских языков и затем создать наборные шрифты. Для этой цели пришлось несколько раз ездить в Ленинград, работать вместе с художниками-граверами словолитни, готовящими пуансоны для отливки шрифта.

Крайнациздату довелось не только проделать большую работу по выработке орфографии и терминологии новой письменности, но и «создавать» авторов, редакторов, корректоров. В этом трудном деле нам оказывают огромную помощь крупнейшие наши ученые-языковеды, востоковеды, в частности товарищи Марр, Яковлев и другие.

Тяжело было создавать и материальную базу печати. Нам помогли тесные связи с организацией «Китаб», выполнявшей посреднические функции по снабжению национальных издательств шрифтами, машинами, бумагой. Эта же организация оказывала нам содействие в получении кредитов.

Для подготовки квалифицированных кадров национальных наборщиков еще во время моей работы в Центриздате была создана специальная профессиональная школа. Потом, когда я стал работать на Северном Кавказе, одним из моих стремлений явилось постоянное направление в эту школу учеников из числа горцев. Не раз заведующий школой — мой преемник на этом посту — упрекнул меня: «Ты знаешь, что запланировано принять с Северного Кавказа 10 учеников. Ты их прислал, они были зачислены в школу, а сегодня ты приехал из Ростова и привез с собой еще 10 учеников!»

Я объяснил заведующему, что десять человек для Северного Кавказа — это по полтора человека на каждый народ. Поэтому я привез еще десять человек и назад их не повезу, пока они не овладеют профессией. Оставил молодых людей в кабинете заведующего, а сам ушел.

Григорий Константинович рассмеялся:

— Не очень вежливый, но весьма надежный метод!..

Когда заседание окончилось, Умар подошел к Орджоникидзе.

— Вы просили меня остаться, товарищ Серго.

— Да, да. — Орджоникидзе взял Умара под локоть. — Пойдем ко мне в кабинет.

В кабинете Серго сел не за письменный стол, а на диван и усадил Алиева рядом с собой.

— Я хотел услышать твое личное мнение о делах в Карачае. Прошло почти три месяца с того дня, как Карачай стал самостоятельной автономной областью.

— Вы знаете, товарищ Серго, что значительная часть земель в Карачае непригодна для хлебопашества, но по почвенным и топографическим условиям благоприятна для скотоводства. 52 процента земли приходится на пастбища и покосы, 20 процентов — на леса и лишь 9 процентов — на пашню.

Недра Карачая, богатые серебро-свинцовыми, цинковыми, медными рудами, каменным углем, все еще мало исследованы, и это препятствует перспективному планированию развития хозяйства автономной области.

— Административные органы Карачая все еще работают в Баталпашинске?

— Да. Но строительство нового центра идет успешно. Этому способствует то обстоятельство, что вблизи будущего города открыты мощные месторождения мрамора, ценных глин и других строительных материалов. Так что в ноябре будущего года, к 10-летию Октября, столица области будет торжественно открыта. Приезжайте на это торжество, товарищ Серго! Уж вас-то невозможно отделить от Кавказа. Не только потому, что вы кавказец по рождению, а потому, что рождение нового, Советского Кавказа неотторжимо от вашего имени.

— Эх, дорогой Умар, знал бы ты, как мне хочется отдохнуть на Кавказе, и не где-нибудь в санатории, а в горах. Поохотиться, побродить по заповедным лесам... Да все некогда! Продолжай свой рассказ, я слушаю.

— Сейчас один из крупных населенных пунктов в Карачае — аул Каменноостский. Там размещаются некоторые областные учреждения.

— А сколько всего сейчас людей проживает в Карачае?

— Около 65 тысяч человек. — Умар слегка закусил губу, словно стараясь что-то вспомнить, и продолжал:

— Посевная площадь в этом году составила всего 4 тысячи 600 гектаров. Из этой площади 43 процента засеяно кукурузой, 12 процентов — просом, 8 процентов — подсолнухом...

— Знаешь, Умар, если бы я не знал, как много у тебя дел на культурном фронте, я бы обязательно настоял направить тебя на руководящую партийную работу в Карачай. Ведь нашей стране предстоят дела громадного, решающего исторического значения...

Серго задумался, потом поднялся с дивана и стал медленно прохаживаться по кабинету.

— Я обязательно соберусь все-таки на отдых в горы Кавказа. И попрошу тебя составить мне компанию...

...Миша Акбаев долго стоял на перроне Курского вокзала в Москве после того, как ростовский поезд плавно двинулся вперед. Хотя Умар Алиев сказал ему, что менее чем через полгода вновь приедет в Москву, юноше было грустно.

Пешком, с печально опущенной головой, шел он к Лефортовскому валу...

Умар возвратился в Ростов 21 июля. И первое, что он узнал здесь, что повергло его в скорбь, тяжелую и гнетущую, была весть о кончине Феликса Эдмундовича Дзержинского...

Умар вспомнил рассказанный ему Мишей Акбаевым случай. Это было в мае 1924 года во время парада пионеров на Крас-

ной площади по поводу присвоения пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. На этом торжественном событии присутствовал и Дзержинский. Один из пионеров, юнкор журнала «Юные строители», держа в руках тетрадь, подошел к Феликсу Эдмундовичу и попросил его дать автограф.

Феликс Эдмундович написал в тетради: «Будь большевиком! Ф. Дзержинский».

УЧИТЬСЯ НАДО ТОЛЬКО ОТЛИЧНО

Осеннее солнце ласково грело Кисловодск. В верхней части парка, у «Красных камней», удобно расположившись на скамье, беседовали трое: красивый темноволосый мужчина лет тридцати пяти в темно-синем полувоенном костюме, молодая женщина с открытым жизнерадостным лицом и смеющимися глазами, юноша лет двадцати. Невдалеке бойко семенил ножками, пытаясь ловить медленно слетающие с деревьев листья, хорошенький темноглазый мальчик, которому можно было дать не более полутора лет.

— Шамиль, мальчик мой, поди-ка сюда! Ты опять упадешь! — окликнула ребенка женщина.

— Не мешай ему, Марьям. Пусть порезвится вволю на солнышке. Завтра нам возвращаться в Ростов, и Шамилю не будет до самой весны такого раздолья. Я с удовольствием остался бы в Кисловодске еще на несколько дней, но — дела, дела...

— А тебе, Умар, даже если бы сутки были вдвое длиннее, не переделать всего, что ты так жадно облюбовываешь для работы, — с мягкой укоризной заметила женщина.

— Дорогая моя женушка, я ведь тоже терпимо отношусь к твоей занятости, даже прощаю тебе манипуляции в анатомическом театре, хотя меня при одной мысли об этих занятиях бросает в дрожь.

Все трое рассмеялись. Малыш, подошедший к скамье, тоже засмеялся, следуя примеру взрослых, а затем, поочередно указав крохотным пальчиком на каждого из сидящих, громко заговорил:

— Мама!.. Папа!.. Миша!

— Молодец, Шамиль! В полтора года, по словам моих родителей, я еще не умел произнести ни единого слова, — взяв на руки мальчика, сказал юноша, которого малыш назвал Мишей.

— Я должен срочно подобрать и отослать Максиму Горькому книги, которые он просит. Кроме того, осталось дописать

заключительную главу «Карачаево-Балкарской грамматики». Да и у Миши путевка кончается, он уедет в Ленинград, а нам без него будет скучно в Кисловодске... Кстати, Миша, ты твердо решил насчет дальнейшей учебы?

— Да, отец. Заканчиваю рабфак — и поступаю в Московский энергетический.

— А готов ты к этому?

— К чему?

— К поступлению в институт, главный предмет которого — электричество?

— Что ты так недоверчиво оцениваешь знания Миши? — вступила в разговор Марьям. — И я и ты знаем, что его постоянная отметка — «очень хорошо», редко ему ставят «хорошо».

— Я не о вступительных экзаменах. Меня интересует, насколько Миша проникся сознанием важности той специальности, которую он избирает.

— Ты напрасно беспокоишься, отец. Я, помимо всего, что предусмотрено рабфакской программой, изучаю и то, что относится к электричеству в более глубоком смысле. Для начала я подробно знакомлюсь с историей вопроса. Многое мне удалось прочесть даже здесь в Кисловодске. Все это для меня очень серьезно.

* * *

Снова Москва. В марте 1930 года Умара назначили ответственным редактором журнала «Культура и письменность Востока» и председателем Научного совета Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при ЦИК СССР. В 1931 году по рекомендации Москворецкого райкома и Московского горкома партии Алиев был зачислен на заочное обучение в Институт Красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики.

Вот и сегодня он шел на Большую Пироговскую, где ему предстояло участие в двух семинарах.

Марьям окончила в 1931 году Первый Московский медицинский институт и была оставлена для научной работы при кафедре акушерства и гинекологии в клинической ординатуре. В это утро она пожелала мужу удачи: не шутка ведь, два семинара в один день! Сыновья — пятилетний Шамиль и трехлетний Алик радостно помахали ручонками вслед отцу.

На семинар по национальному вопросу Умар пришел перед самым началом занятий. После короткого вступления руководителя семинара слово было предоставлено Умару. Темой его вы-

ступления была история национальной политики ВКП(б) в послеоктябрьский период.

Умар развернул конспект и приступил к изложению вопроса. Материал он знал хорошо, много читал. Но сейчас очень волновался.

Через три часа начался семинар по внешней торговле. Вел его выдающийся ученый-экономист Евгений Варга. Умар Алиев познакомился с этим профессором, венгерским коммунистом, еще на втором Конгрессе Коминтерна, который проходил в июле — августе 1920 года.

Варга, оглядев поверх очков аудиторию, заговорил своим ровным, мягким голосом, с характерным для мадьяра выделением ударных слогов:

— Как известно, внешняя торговля является одной из древнейших форм торговли. Торговые сношения между разными племенами и странами велись с незапамятных времен, даже на самых низких ступенях хозяйственного развития.

Сравнительно крупную внешнюю торговлю мы встречаем в давние времена в странах, расположенных вокруг Средиземного моря (Финикия, Греция, страны малоазиатского Востока). Древний Рим знал значительные переброски хлеба из покоренных стран в метрополию и сравнительно широкую торговлю...

Ученый разворачивал перед слушателями картины развития внешней торговли в различные исторические эпохи, а затем сказал:

— Одним из важнейших вопросов является монополия внешней торговли. О значении монополии внешней торговли расскажет товарищ Умар Алиев.

Профессор Варга остался очень доволен выступлением Умара. Вспомнил почему-то, как подписывал учебно-партийную характеристику Алиева при его переводе на третий курс. В ней говорилось:

«Товарищ Алиев Умар — дисциплинированный, партийно выдержанный товарищ. К выполнению партийных обязанностей относился добросовестно. Вне института за последнее время ведет партийную работу в качестве штатного инструктора ЦК ВКП(б) по печати и делал периодические доклады по заданию райкома и Московского комитета партии. Педагогической работы не вел, а работал ответственным редактором журнала «Революция и письменность». Собрания партийной группы и ячейки посещал аккуратно, проявлял достаточную активность в обсуждении вопросов. К выполнению учебно-производственного плана

относился хорошо, выполняя все обязательства, возложенные учебной группой и учебной частью и актуализируя прорабатываемые темы.

План учебной работы за год выполнен...»

Возвратившись домой, Умар увидел, что Миша сидит над книгами и даже глаза его покраснели от чрезмерного усердия.

— Сколько у вас экзаменов в эту сессию?

— Семь.

— Сколько ты уже сдал?

— Пять.

— Какие оценки?

— Четыре пятерки и одна четверка.

— Четверка? По какому предмету?

— По электроматериаловедению.

— Какое длинное название. Если предмет так же труден, как произношение этого слова, то еще в какой-то мере простительно получить четверку... Учебник у тебя есть по этому электро... материалу... ведению?

— Разумеется.

— Дай-ка взглянуть.

Умар взял учебник и стал просматривать его, медленно перелистывая страницы.

Миша молча следил глазами за ним. Потом спросил:

— А как твои успехи? У тебя ведь сегодня были зачеты.

Умар шутливо взъерошил волосы Миши.

— Наивный вопрос. Если бы я проваливал экзамены, то я давно бы бросил учебу. Учиться надо только отлично.

Алиев закрыл Мишин учебник и положил его на стол.

— Ты — Обломов! Знакома тебе эта фамилия?

Миша был явно обижен нелестным сравнением.

— Да, ты — самый натуральный Обломов! Как можно получить только четверку по такой легкой для усвоения дисциплине? Мне даже неловко, что ты не способен сдать на «пять» простейшее электро-материаловедение!

После этого разговора у Миши Акбаева в зачетной книжке были только пятерки.

СЧАСТЬЕ

В середине апреля 1936 года Умар Алиев получил письмо из Пятигорска. В конверте было приглашение в гости, на праздник казака и джигита Северного Кавказа, открытие которого назначалось на 7 мая.

Каждая весточка из родных мест трогала и волновала Умара. Он без раздумья решил принять любезное приглашение. Одно лишь немного огорчало его: приходилось ехать одному.

Жена была целиком поглощена заботами о тяжело больной женщине, которую она спасла от смерти и не могла оставить, пока не придет полное выздоровление. Маленьких сыновей Марьям ни за что не соглашалась отпустить с Умаром, лишив их на неделю, а то и больше, материнского ухода и внимания.

Миша Акбаев не мог покинуть Москву накануне окончания учебного года.

— Что ж, поеду один, — с шутливой сокрушенностью произнес Умар. — Не впервой мне отправляться в дальние странствования в совершенном одиночестве. Но мир — не без добрых людей. Мне всегда везло: любое одиночество не длилось более нескольких часов, и вскоре появлялся, обязательно появлялся человек, с которым становилось хорошо и легко.

— Что правда — то правда, — улыбнулась Марьям. — Твоя общительность просто восхищает меня.

Бойкий Шамиль вначале с ласковой настойчивостью упрашивал мать разрешить ему поехать с отцом на Кавказ и в «родной Карачай», потом, видя, что его потуги разбиваются о непреклонность матери, громко расплакался, что случалось с ним очень редко. Сквозь слезы мальчик с горькой обидой говорил отцу:

— Ты не любишь меня и Алика. Ты любишь только Мишу... Он с тобой много раз ездил на Кавказ... А нас не хочешь взять с собой...

— Но вы ведь еще маленькие, милый Шамиль. Миша — уже взрослый парень. Он может один поехать даже на край света. А тебя и Алика нельзя пока без взрослых выпускать даже на улицу.

Ответом на эти слова отца стал еще более громкий плач Шамиля.

— Я не узнаю моего сына, — с неподдельной строгостью проговорил Умар, взяв мальчика за плечи и приблизив к себе. — Ты только что сказал слово «родной Карачай». Так знай же, что скорее расплавятся ледники на Эльбрусе и Кубань потечет вверх по ущелью, чем мужчина расплачется, даже если ему столько лет, сколько тебе, мой дорогой Шамиль.

И вдруг малыш, не отирая слез, поставил отца в тупик неожиданным вопросом:

— А зачем же тогда у всех людей есть слезы?

Ответила сыну Марьям:

— Слезы, мой мальчик, не только для того, чтобы выражать печали и огорчения. А знаешь ли ты, что есть и слезы радости. Давай лучше договоримся, что ты заплакал от радости, — отец ведь обязательно привезет тебе хороший подарок.

— Маленького зубра? — с восторгом воскликнул Шамиль.

— Зубра, даже очень маленького, мне никто не даст, а вот какую-нибудь интересную игрушку привезу тебе.

В этот момент в комнату вошел Миша Акбаев. Это был уже возмужалый, крепкого телосложения юноша. Шамиль, сияя радостной улыбкой, кинулся к своему старшему другу, повис у него на шее.

Вскоре Марьям с детьми вышла из кабинета — наступила пора укладывать малышей спать.

— А когда, отец, ты собираешься на Кавказ? — спросил Миша.

Умар Алиев показал приемному сыну письмо с приглашением и без труда заметил, как на лицо Миши набежала тень огорчения.

— Ничего, не печалься, Миша. Главное для тебя сейчас — учеба. Для меня же праздник казака и джигита значит очень многое. Это не просто развлечение, отдых. Это праздник дружбы народов.

— Знаешь, отец, — с искренней убежденностью стал говорить Миша, — мне кажется невероятным, что существовала вражда между русскими и карачаевцами. Вот, например, я — карачаевец, но живу и учусь в Москве. Рядом со мной и русские, и украинцы, и армяне, и узбеки. Мы вместе учимся, дружим. Конечно, русский царь не мог быть другом карачаевского пастуха, карачаевский князь Крымшамхалов не дружил с русским рабочим. Но в моем сознании не укладывается то, что карачаевский пастух и русский рабочий или крестьянин враждовали между собою в угоду эксплуататорским классам.

— Как ты вырос, Миша! — тепло произнес Умар. — Ты научился правильно смотреть на вещи, которые составляют суть жизни, суть ее развития.

— Скажи, отец, — спросил Миша, — из Пятигорска ты заедешь в Карачай?

— Заеду обязательно. И не из Пятигорска, а до Пятигорска. А потом вместе с представителями Карачая поеду на праздник.

— Я очень прошу тебя, отец, если будет возможность, привезти фотоснимки наших гор, виды Теберды и других мест. Ведь я так давно не бывал дома. Очень хочется взглянуть, какими стали эти места.

— Постараюсь выполнить твою просьбу, Миша. Хотя скоро ты сам сможешь увидеть все это. Я собираюсь вместе с Марьям, Шамилем, Аликом и тобою в сентябре или октябре недели на две, а то и на месяц съездить в Карачай. Ранняя осень — лучшее время в наших горах. Надеюсь, ты не откажешься от такой поездки?

Миша радостно улыбнулся, всем своим видом выражая горячее одобрение плана Умара.

— А считаешь ли ты себя, отец, счастливым?

Умар после короткой паузы взволнованно произнес:

— Да. Я счастлив. Счастлив потому, что учитель всех хороших и честных людей на земле Ленин стал и моим учителем; потому, что мне выпала великая радость получить у него даже такие уроки, которые он давал мне лично.

Умар подошел к письменному столу, взял в руки красную кожаную папку и раскрыл ее.

— Я хочу дать тебе прочесть проникновенную речь Алексея Максимовича Горького, которую он произнес на собрании в Московском Комитете партии по поводу 50-летия со дня рождения Владимира Ильича, в апреле 1920 года. Здесь очень хорошо, тепло и сильно сказано о Ленине. Вот послушай:

«Я думаю, что, сколько бы ни говорить нам о нем красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его работа, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества — не только для нас».

И еще:

«И на ваше счастье, на счастье всей страны существует этот человек. Очень надо ценить его, очень надо любить, очень надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе. Да, в лице его русская история создала почти чудесное...»

...И лучшее, чем можем почтить его огромную работу, и лучшее, чем вы поблагодарите его за все, что он сделал не только для России, но для всего человечества, — это честный труд, это напряженный труд, это любовь к труду, это та духовная бодрость, которую я вам всем от всей души моей желаю...»

Умар закрыл папку и передал ее Мише. Оба безмолствовали, думая о величии и простоте Ленина.

— И вот, — словно очнувшись от глубокого раздумья, заговорил Умар, — я счастлив, что иду солдатом в могучем строю ленинской армии коммунистов. Все мои знания, добытые упорством и настойчивостью, весь свой опыт, выкованный в сложной и праведной борьбе, я должен сполна отдать родной стране, строительству новой жизни.

— Как я завидую тебе, отец! — порывисто воскликнул Михаил. — Если бы мне хоть небольшую долю твоих знаний!

— Видишь ли, сынок, — Умар поднялся со стула и стал прохаживаться медленными шагами по комнате, — можно обладать широкими познаниями, блестящей эрудицией и, тем не менее, не приносить пользы своей стране, народу. Я доволен, сынок, что вижу в тебе это стремление радовать людей. И вновь повторяю: важно не только иметь знания, но и с толком употребить их на пользу народу.

ЗИМА 1936-го

Кончался ноябрь 1936 года. В торжественном убранстве были улицы и площади Москвы. В Кремле заседал VIII Чрезвычайный съезд Советов. На рабочих собраниях, в студенческих аудиториях и общежитиях, даже в поездах недавно пущенного метрополитена москвичи и гости столицы горячо обсуждали материалы съезда, говорили о новой Конституции Советского государства.

Словом, Москва, как и вся Советская страна, жила в дни работы VIII съезда Советов приподнято, воодушевленно, радостно.

И лишь 1 декабря фасады ее зданий, флаги, вывешенные повсюду, омрачились черными траурными лентами: это был день второй годовщины убийства Сергея Мироновича Кирова.

Со времен гражданской войны не было столь нагло и вызывающего террористического акта. Правда, за границей стали жертвами контрреволюционеров Воровский и Войков, в селах кулачье, случалось, убивало коммунистов, селькоров, но чтобы в самом Смольном, прямо у двери своего служебного кабинета был застрелен любимец партии и народа, человек, который свободно и безбоязненно ходил по улицам Ленинграда, беседовал с рабочими на заводах и строительных площадках, запросто приходил в университетские аудитории и в лаборатории ученых — это чудовищно...

Умар Алиев не был делегатом VIII съезда Советов, но с гостевым билетом присутствовал на всех его заседаниях. Поздно вечером в его квартире раздался телефонный звонок.

Умар поднял трубку:

— Я слушаю.

— Дорогой Умар! (Алиев узнал голос Серго Орджоникидзе.) — Ты знаешь, что завтра — двухлетие гибели нашего общего товарища и друга. Мне и Зинаиде Григорьевне хотелось бы провести этот день с тобой и с другими, кто никогда не забудет Мироныча. Приезжай, дорогой, ко мне на дачу.

Долго не мог уснуть Умар в эту ночь. Он не мог примириться с мыслью о том, что Кирова, милого, мудрого, обаятельного Мироныча уже два года нет в живых.

Киров! Перебирая в памяти всех своих знакомых, Алиев не мог найти среди них кого-нибудь, кто был бы так нерасторжимо слит с понятиями «жизнь», «жизнерадостность», как Киров. Даже в своих обличительных речах времен гражданской войны, периода борьбы с троцкистами и зиновьевцами, Сергей Миронович утверждал солнечность и величие жизни, клеймил врагов трудового народа и ленинской партии за то, что они, в сущности, пытаются встать зловещей преградой на пути могучего, неиссякаемого потока, именуемого жизнью...

Вспомнил Умар весну 1920 года, свой приезд в Пятигорск по вызову Орджоникидзе и Кирова. Гордо было сознавать, что именно эти два замечательных человека по поручению Ленина доверили ему в ту трудную пору должность заведующего отделом горцев Северо-Кавказского Ревкома и редактора краевой газеты.

Живо встал в памяти Умара один из апрельских дней того года: на станцию Минеральные Воды прибыл из Москвы специально организованный по настоятельной просьбе Кирова маршрутный поезд «Северный Кавказ». Он привез мануфактуру, медикаменты, хирургические инструменты, одежду, спички, соль, вагон литературы, гвозди и косы для горцев. На лице Мироныча, встречавшего поезд на станции вместе с Умаром Алиевым, светилась такая лучезарная улыбка, сиял такой восторг, что сразу можно было понять: для этого человека нет большего счастья, чем возможность доставить радость простым людям труда.

И еще одна черта Сергея Мироновича поражала воображение Умара: энциклопедическая эрудированность, культура в самом широком понимании этого слова. Умар, люто презиравший

чувство зависти, невольно ловил себя на том, что в этом вопросе он не мог не завидовать Кирову.

Весь день 1 декабря 1936 года по радио передавались статьи о Кирове, о врагах народа, подготовивших и осуществивших злодейское убийство пламенного трибуна большевистской партии...

Около 10 часов вечера за Умаром заехал автомобиль. Он помчался по ярко освещенным магистралям Москвы, а потом по заснеженной дороге, пролегшей в тихом, дремлющем подмосковном лесу.

В прихожей Умара встретила Зинаида Григорьевна. Вслед за женою вышел и Григорий Константинович.

— Вот и ты, дорогой Умар. Все остальные в сборе. Я не знаю, как правильнее назвать наше сегодняшнее застолье: поминки устраивают в память умерших, а наш родной Мироныч — жив в наших сердцах. А перестанут биться наши сердца — его светлый образ навеки запечатлется в сердцах потомков, и так, из поколения в поколение, будет вечной эстафетой жизни, благородства, верности ленинизму переходить образ Кирова.

Умара усадили возле Николая Крыленко. За столом сидели также Михаил Тухачевский, Николай Гикало, Борис Шеболдаев.

Зинаида Григорьевна, зная, что Умар не пьет вина, предусмотрительно поставила перед ним пару бутылок с минеральной водой.

— Ваш родной кисловодский нарзан, — тихонько и ласково шепнула она.

Умар ответил Зинаиде Григорьевне благодарным взглядом.

Встал Серго. Он долго молчал, сосредоточенно глядя вниз, слегка пощипывая кончик уса, уже тронутого заметной сединой.

— Друзья мои! — произнес Григорий Константинович, — я печален, как и каждый из вас. И, пожалуй, эту печаль могла побороть только единственная радость: если бы в этот миг появился на моем месте живой Мироныч и провозгласил бы здравный тост за новую Конституцию, которую на днях, несомненно, утвердит съезд Советов. Ведь всю свою жизнь наш Киров отдал именно тому, чтобы восторжествовали светлые принципы этой Конституции.

И вот, вместо этого светлого тоста я, по долгу хозяина этой скромной обители, вынужден принять на себя грустную обязанность: попросить вас наполнить рюмки и выпить за светлую память дорогого Мироныча.

Серго налил в стоящий перед ним бокал кахетинского вина, добавил в него газированной воды из сифона. Выпив и обтерев усы платком, продолжил:

— Мы с Зиной не случайно пригласили сегодня именно вас: каждый из присутствующих здесь — кавказец, независимо от национальности и места рождения. Я родился недалеко от Кутаиси, с нашей милой хозяйкой стола, Зиной, меня навсегда свела Сибирь. Зина была моим спутником, огнем моего сердца в Петрограде и на Украине.

С Михаилом Тухачевским меня соединила работа в Реввоенсовете Кавказского фронта, вместе с ним мы по указанию Ленина подготовили и нанесли последний удар по Деникину. Но ведь Миша, да простит мне товарищ маршал такое обращение, я чуточку старше по возрасту...

— И не только по возрасту, по всему, — Тухачевский, сидевший рядом с Серго, пожал руку, которую тот дружески положил ему на плечо.

— ...Но ведь Миша родился в Смоленске, воевал на Урале и в Сибири, стал героем Кронштадтской эпопеи — и, все-таки, он — кавказец.

Вот сидит Николай Васильевич Крыленко. Надо сказать, что в одном из случаев он ближе всех нас стоит к Кирову... Не хмурясь, Николай, мы ведь договорились не оплакивать Миронича, а чувствовать его присутствие в нашем кругу... Так вот, если Киров был в числе первых русских альпинистов, побывал на Казбеке еще четверть века назад, то Крыленко прирос к горам так, что его от скал и утесов может иногда уносить только шахматный конь...

Борис Шеболдаев... Если я с завязанными глазами смогу пройти по всей Горной Ингушетии, то Борис с неменьшим успехом сделает это в Горном Дагестане. В данное время он — самый кавказский кавказец из нас — счастливец, работает в Ростове!

Что сказать об Умаре Алиеве?

Умар чуть не поперхнулся глотком нарзана.

— Умар, — продолжал Орджоникидзе, — с каждым из нас делил судьбу человека, единомышленника, большевика. И это были самые острые моменты и самые опасные географические точки. Теперь красный профессор товарищ Алиев, живя и работая в Москве, не меньше рвется на Кавказ, чем я... Давай, Умар, поедем летом в Кисловодск вместе с тобой? Хочу перехитрить врачей. Приведешь ты тайком к санаторию пару лихих

скакунов, и совершим мы прогулку, скажем, в Картджурт, — так, кажется, называется твой родной аул?

— Так, правильно, Григорий Константинович! — сказал обрadowанный Умар.

— А как же я? Вы вдвоем — в горы, а меня, как затворницу, оставите в санаторных палатах? — и Зинаида Григорьевна укоризненно покачала головой.

Серго ласково поглядел на жену, и снова зазвучал его ровный, четкий голос:

— А главный кавказец — это наш Мироныч. Следы его шагов хранят не только Уржум и Вятка, где он родился и вырос, не только Томск и Астрахань. Пожалуй, только город Ленина может претендовать на право считаться любимцем Кирова на равных основаниях с Кавказом.

Потом Зинаида Григорьевна попросила всех занять места у необычного сооружения, которое сразу, еще при входе в комнату, заинтересовало гостей.

Одна из бревенчатых стен комнаты внизу была облицована камнем. Вглубь стены вдавалась ниша, в которой пылали, весело потрескивая, сосновые поленья, облагораживая воздух живительным запахом смолы.

Умар уже давно поглядывал на эту своеобразную отопительную диковинку. От нее веяло родным с детства обаянием карачаевского очага...

Словно угадав мысли гостей, Зинаида Григорьевна, лукаво переглянувшись с Григорием Константиновичем, сказала:

— Это — мое изобретение, на которое, к сожалению, Нарком тяжелой промышленности товарищ Орджоникидзе до сих пор не выдал мне авторского свидетельства.

— Но я-то ведь соавтор, — почти всерьез откликнулся Серго.

— Лишь в небольшой степени, дорогой товарищ Нарком. Главное придумано мною. Я решила объединить в единое целое кавказскую родину, европейскую эмиграцию и сибирскую ссылку товарища, который только что выразил претензию на соавторство. Вот и получилась печь, которую можно назвать и очагом, и камином, и костром.

Пили кофе. Вели разговоры о радости, с которой повсюду в Советской стране встречено предстоящее введение новой Конституции, о продолжении работ по прокладке линий московского метро.

В этот момент раздался резкий, настойчивый звонок. Серго со свойственной ему почти элегантною степенностью подошел к телефону, снял трубку.

— У аппарата Орджоникидзе...

Отголоски чьего-то голоса были слышны в трубке, а потом Серго ответил:

— Хорошо, товарищ Сталин, я немедленно выезжаю...

Ни для кого из присутствующих не были неожиданностью столь поздние вызовы Сталина (часы только что пробили полночь). И все же тень какой-то смутной заботы легла на лица.

Серго подошел к поднявшимся гостям.

— Друзья мои, как видите, я не могу оставаться с вами. К вашим услугам и тепло нашего очага, и не опустевший стол, и радушие моей Зиночки.

Серго поочередно пожал руки каждому из гостей, а подойдя к Умару, сказал, подняв кверху указательный палец:

— Значит, Умар, договорились: будущее лето, два резвых скакуна и ущелья Карачая!

— Договорились, дорогой Григорий Константинович.

Не думал Умар, что через три месяца мужественное сердце Серго перестанет биться.

Не предполагал, что и ему самому, Умару Алиеву, уже никогда не доведется побывать ни в Кисловодске, ни в родном Карачае.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В Карачаево-Черкесский областной музей пришли на экскурсию школьники. Пионеры вглядываются в молодое, мужественное лицо человека в полувоенной гимнастерке, запечатленное на фотоснимке.

«Умар Джашуович Алиев. 1895—1937 гг.»

В музейной тишине звучит голос экскурсовода:

— Гордясь нашими успехами, любясь прекрасными городами и селами, в которых живут и трудятся советские люди, мы не должны забывать, что все это не пришло само собой. За нашу счастливую жизнь боролись, ее строили многие прекрасные люди, несгибаемые коммунисты, среди которых достойное место занимает Умар Джашуович Алиев.

Мальчики и девочки с алыми галстуками на груди внимательно рассматривают экспонаты музея. Они узнают, что Умар Алиев был учителем в молодые годы. Он создал первый карачаевский букварь.

А экскурсовод продолжает рассказ:

— Сорок два года прожил Умар Алиев. Ярок след, оставленный им в истории Советского государства. Его юность рано возмужала, она совпала с годами, предшествовавшими Великому Октябрю, с эпопеей свершения Октябрьской революции, с героикой борьбы за власть Советов.

В Ставропольском и Пятигорском краеведческих музеях, в Кировской мемориальной комнате Пятигорского городского театра также имеются экспозиции, посвященные жизни и деятельности Умара Алиева.

В Черкесске, Карачаевске, Кисловодске есть улицы Умара Алиева. Идут по ним люди — торопятся на работу. Шествуют в праздничные дни колонны демонстрантов.

В Картджурте, на доме, в котором родился Умар Алиев, в Кисловодске на доме № 3 по улице Коминтерна, где жил славный сын карачаевского народа, установлены мемориальные доски.

Память об Умаре Алиеве увековечена, бережно хранима советскими людьми. Его доброе имя, славные дела коммуниста ленинца сегодня с нами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Привет вам, горы!	3
Там, где Кубань берет начало	7
Тепло отчего дома	15
Корни деревьев питает земля	21
Истина рождает силу	39
Уроки грамоты	46
Неожиданный поворот	51
Первые шаги	58
В Аксае	65
Новые друзья	70
Дыхание времени	78
Письмо первое	85
Письмо второе	89
Счастливым день	94
Бурлящий Кавказ	101
Покой нам только снится	104
Борьба продолжается	111
И сияет солнце	117
Свет родного очага	121
Радость свершений	129
Необычная миссия	132
Ночь в феврале	141
Только вперед!	154
Дагестанская весна	159
Встреча с Хамидом	165
Чувство семьи единой	172
В Москву — учиться!	177
Хамид становится Мишей	181
Январь 1924-го	186
Торжественное обещание	191
Карачаевский букварь	194
Отец и сын	199
Легких дел не бывает	203
Встреча с прошлым	210
Будь большевиком!	213
Учиться надо только отлично	217
Счастье	220
Зима 1936-го	224
Вместо эпилога	230

МИХАИЛ ШУГАЙБОВИЧ АКБАЕВ

ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДНОЕ

Редакторы: Н. С. Байдерина, А. Д. Баучиев
Художник В. И. Бекетов
Худож. редактор М. П. Бертник
Техн. редактор Г. М. Хомякова
Корректор В. И. Буяльская

Сдано в набор 7-1-1976 г. Подп. к печати 17-VI-1976 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Физ. п. л. 14,5+0,5 л. вкл. Усл. п. л. 13,48+0,4 л. вкл.
Уч.-изд. л. 13,5+0,75 л. вкл.
Заказ № 97. Тираж 10 000 экз. ВУ 44166. Цена 71 коп.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства,
Черкесск, пл. Кирова, Дом печати.

Карачаево-Черкесская
областная типография,
Черкесск, Первомайская, 47.

А 38

Акбаев М. Ш. За счастье народное. Карачаево-Черкесское отделение, Ставропольское книжное издательство, 1976 г.

232 с.

Это художественно-документальный очерк о жизни и деятельности известного революционера, партийного и государственного деятеля, ученого У. Д. Алнева. На основе богатого архивного материала и личных воспоминаний автор увлекательно рассказывает о жизненном пути своего героя — выходца из простого народа.

ЗКП1 (092)

А $\frac{7-3-3-4}{M 159 (03)-76}$ 4-76